ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

#5–6 '02

ДЯЧЕНКО

ПРОШКИН

ЯНГ

ЗОРИЧ

ЯНКОВСКИЙ

ЛАЗАРЧУК

АНДРОНАТИ

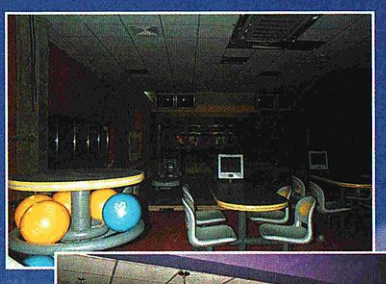
ЧЁРНЫЙ

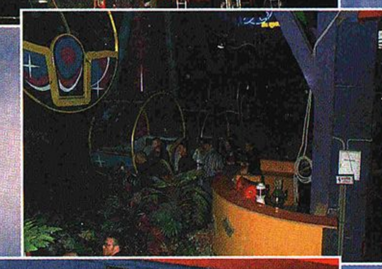
КОНАН МЕРТВ!

Maitz

БЛЕСК И НИЩЕТА ГАРРИ ПОТТЕРА

САМОЛЕТ

Центр Москвы. Полет нормальный!

В Москве открыт грандиозный развлекательный комплекс «Самолет». На четырех этажах общей площадью 7500 квадратных метров расположены: боулинг (34 дорожки), более 20 бильярдных столов, картинг, колесо обозрения, рестораны, кафе, кинозал со звуком dolby surround, дискотека и многое другое. Комплекс оснащен высококлассным оборудованием поставленным известными европейскими и американскими фирмами. К вашим услугам конференц-зал – идеальное место для проведения конференций и презентаций.

Адрес: ул. Пресненский вал, 14, к. 1 (ст. м. «Улица 1905 года»). Тел. 105-00-29.

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

журнал фантастики # 5–6 '02

Содержание

Главный редактор *Александр Ройфе*
Редактор *Василий Мельник*
Издатель *Игорь Огай*

Над номером работали: Алевтина Горева, Александр Набоков, Александр Пальмов. **Использованы фотографии** Д. Новикова (Митрича), К. Гришина, А. Поволоцкого. **На обложке** – работа Д. Мэйтца «Убегай, дурак!».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. 143400, Моск. обл., г. Красногорск, ул. Ленина, д. 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. Тел./факс 563-55-54. **E-mail:** zvezdoroga@yahoo.com, startrack@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/startrack.

Подписано в печать 24.05.2002. Формат 60×88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 1851.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ», 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

Комиссия по контактам

Александр Ройфе

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Прежде всего должен предупредить тех, кто разглагольствованиям о планах и намерениях предпочитает конкретные результаты: ребята, эти две страницы – не для вас. Перелистайте немного вперед, прочтите сводку важнейших новостей фантастического мира, примерьте на себя «ожерелье миров», созданных фантазией писателей-фантастов, узнайте, о чем думают писательские «братья по разуму» – критики – и что происходит в «киберпространстве». Почти уверен, вам понравится. А мы тут пока поговорим с теми немногими, кого зачем-то интересует, какое будет кредо у нового главреда. (Так... начал каламбурить. Это от неуверенности.)

Я буду последним, кто бросит камень в тех людей, которые делали «Звездную дорогу» до меня. Они действительно хотели создать хороший фантастический журнал и реализовали это желание в рамках своих возможностей. Однако рыночные реалии – штука суровая. И в конце концов издатель «ЗД» оказался перед жестким выбором: либо журнал выходит на качественно новый уровень исполнения и распространения, либо прекращает существование. Первый вариант неумолимо влек за собой радикальные кадровые решения и перемену бизнес-концепции издания. И все-таки был избран именно он, поскольку иного шанса выжить у журнала не было. Так в «ЗД» появились новые редакторы – Александр Ройфе (критик, лауреат премии «Странник» и Премии им. Бугрова) и Василий Мельник (поклонники фантастики знают его как составителя альманаха «Наша фантастика»).

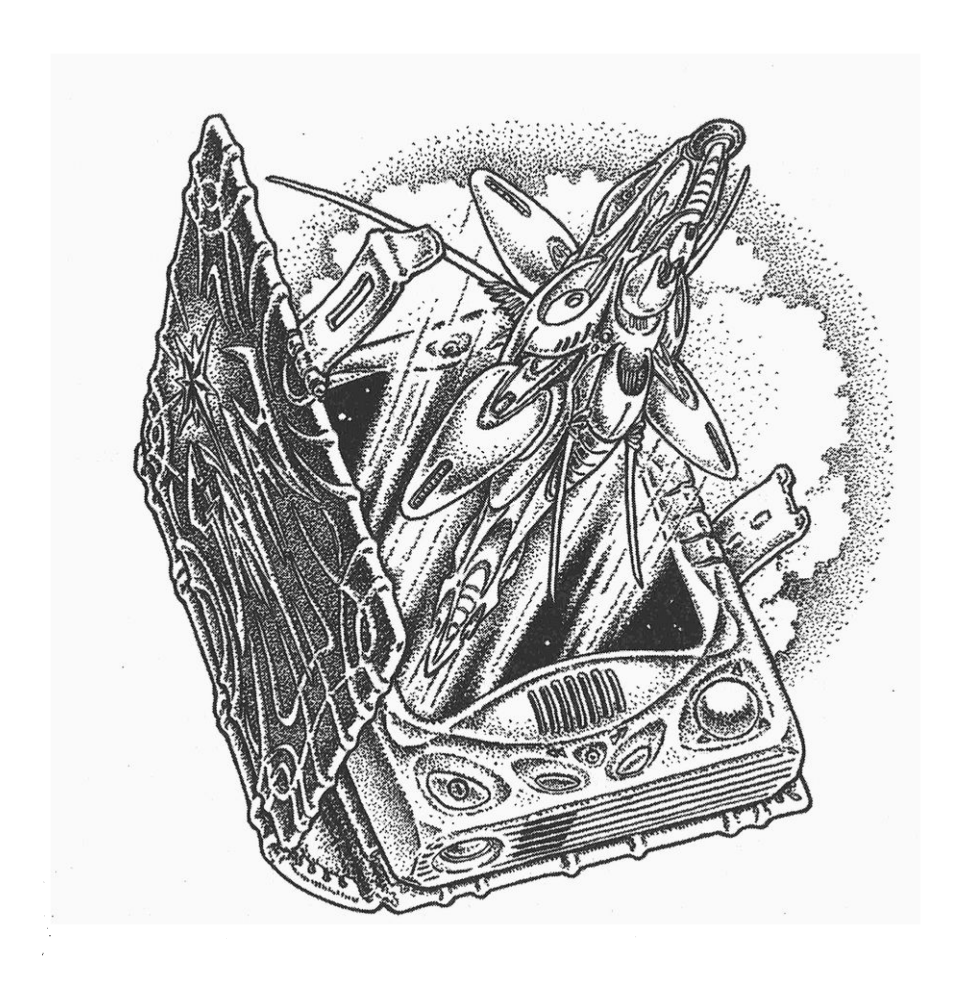

Чем же будет отличаться обновленная «Звездная дорога» от той, которую вы знали? Прежде всего – более интересными и глубокими по идейной «начинке» повестями и рассказами. К сотрудничеству с журналом приглашены ведущие отечественные фантасты, и все они отнеслись к этому приглашению положительно. Свои новые рассказы нам обещали Василий Головачев и Евгений Лукин, а повести Владимира Васильева и Юлия Буркина – уже в редакционном портфеле. Однако ограничиваться только российской фантастикой, на мой взгляд, было бы неверно. В мировой НФ существует целый ряд достойнейших имен, которые почему-то до сих пор неизвестны отечественной аудитории. Ввести их в наш литературный обиход – задача достойная и благодарная. А потому «ЗД» намерена печатать и переводы (хотя и в небольшом объеме).

Здесь нужно сделать два уточнения. Во-первых, я прекрасно понимаю, что **РОССИЙСКИЙ** литературный журнал должен открывать для **РОССИЙСКИХ** читателей молодых и талантливых **РОССИЙСКИХ** авторов. И появление рубрики «Дебют в "ЗД"» – для меня вопрос решенный. С другой стороны, дебютировать нужно действительно талантливыми произведениями, и я не уверен, что подобная рубрика сможет выходить каждый месяц... Второй момент – так называемый формат издания (имеется в виду преобладающая стилистика большинства публикуемых текстов). Свой формат есть у сегодняшнего лидера на предельно скудном рынке фантастической периодики – уважаемого журнала «Если» («жесткая НФ» с упором на переводных авторов), свой формат заявлен у только что созданного журнала Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век» («фантастический реализм»). А вот мне не хотелось бы придумывать для «Звездной дороги» какие-то искусственные ограничения, которые затем наверняка придется обходить. Нет, не будет в «ЗД» никаких жанровых табу. И никаких тематических табу тоже не будет. Единственное, с чем я собираюсь беспощадно бороться на страницах журнала, – это банальность и скука...

Мне кажется, что такой универсальный подход должен найти понимание у поклонников фантастики. Мы рассчитываем на вас и активно строим планы на будущее. Уже в следующем номере появится раздел, посвященный фантастическому кино. Осенью «Звездная дорога» восстановит ежемесячный график выпуска и, скорее всего, потолстеет. А еще мы хотели бы печатать ваши письма – радостные и грустные, добрые и злые. Письма о том, что вы прочли в журнале, и о том, что вы хотели бы прочесть. О том, что творится нынче в фантастике, и о тех, кто ее творит. Ваше мнение для нас **ЧРЕЗВЫЧАЙНО** важно, и это не фигура речи. В конце концов, рубрика «Комиссия по контактам» придумана специально для вас.

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

8/IV Названы номинанты АБС-премии

Санкт-Петербург. Оргкомитет АБС-премии обнародовал решение Бориса Стругацкого, который определил финальный список претендентов нынешнего года. По номинации «Художественная литература» в него вошли: Дмитрий Быков (с романом «Оправдание»), Хольм ван Зайчик (с трилогией «Дело жадного варвара», «Дело незалежных дервишей», «Дело о полку Игореве»), Евгений Витковский (с романом «Земля святого Витта»), Марина и Сергей Дяченко (с романом «Долина Совести»). В номинации «Публицистика» представлены: Кирилл Еськов (со статьей «Наш ответ Фукуяме»), А.Лазарчук и П.Лелик (с эссе «Голем хочет жить»), Сергей Переслегин (со статьей «Кто хозяином здесь? Напоил бы вином...»).

Теперь члены жюри АБС-премии должны проголосовать по этим кандидатурам, чтобы выявить двух победителей. Церемония награждения состоится 21 июня 2002 года, во время проведения Невского книжного форума ***(«ЗД-информ»)***.

14/IV Не стало Дэймона Найта

Юджин (шт. Орегон). В местной больнице в возрасте 79 лет умер американский писатель Дэймон Найт. Его вклад в развитие современной фантастики трудно переоценить. Он был не просто замечательным сочинителем, автором рассказов, романов и повестей (перу Найта принадлежат такие произведения, как «Служить человеку», «Маски», «Мостовые Ада»). Не менее значительными выглядят его достижения в качестве критика, редактора и организатора литературной жизни.

Критикой Найт начал заниматься еще в молодости, когда, перебравшись из родного Орегона в Нью-Йорк, присоединился к творческой группе «Футурианцы». Его обзоры и рецензии были блистательными и едкими, они снискали ему славу «интеллектуального овода и иконоборца научной фантастики» (формулировка знаменитого историка НФ Джона Клюта). Найт горячо полемизировал с теми, кто полагал, что критерии «большой литературы» к популярному жанру неприменимы. В 1956 году сборник его эссе «В поисках чуда» получил премию «Хьюго».

А через 10 лет ему довелось реализовать свои литературные воззрения на практике: он стал редактором-составителем альманаха «Orbit», который выходил вплоть до 1980 года и оказался «стартовой площадкой» для Р.Лаферти, Дж. Вулфа, Г.Дозуа и К.Вилхелм. Тогда же, в середине 60-х, Найт участвует в создании Ассоциации американских фантастов и становится ее

первым президентом. В 1995-м члены этой организации присудили ему премию «Небьюла» по номинации «Грандмастер». Голосование было почти единогласным... ***(«ЗД-информ»)***.

19–21/IV Прошел конвент российских поклонников Лоис М. Буджолд

Подмосковье. «Forward momentum!» («Полный вперед!») – эти слова знаменитого Майлза Форкосигана стали девизом нового конвента, состоявшегося в пансионате «Елочка». Более 60 поклонников творчества американской писательницы Лоис МакМастер Буджолд из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Киева, Минска и Уфы приняли участие в «ФорКоне».

Первый день заняла официальная часть конвента. Участники заслушали приветствие от самой Лоис. Главный редактор издательства «АСТ» Николай Науменко, распахнувший для российского читателя двери во вселенную Буджолд, приехать и принять почетный диплом, увы, не смог, но все же поздравил участников «ФорКона» по телефону. Затем представители оргкомитета рассказали о новых романах Лоис, готовящихся к выходу. Завершилась официальная часть голосованием – участники выбирали лучшее фэнское произведение «по мотивам», лучшую исследовательскую работу и лучшую рецензию.

Вечером был банкет с объявлением победителей и вручением наград. В полночь состоялся сеанс интернет-связи с самой Лоис. А следующий день был посвящен костюмированной ролевой игре. Сюрпризом для оргкомитета стал визит Сергея Лукьяненко. Увы, прерваться, чтобы пообщаться с писателем, увлекшиеся барраярцы уже не могли. Оставалось лишь сожалеть, что Сергей не приехал накануне...

Последний день ознаменовался докладом о принципах проведения ролевых игр по вселенной Буджолд, викторинами на лучшее знание ее произведений, ярмаркой памятных сувениров. А неформальное общение не прекращалось почти все время. По общему мнению, «ФорКон» удался. И пусть следующий – через год – будет еще лучше ***(Александр Балабченков, Олег Поль)***.

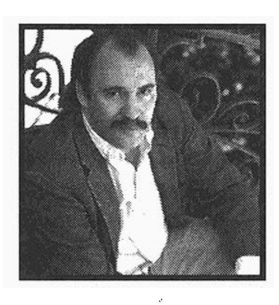
24–25/IV Вручена премия «Сигма-Ф»

Москва. Здесь прошел очередной форум фантастики, организованный журналом «Если» и приуроченный к вручению премии «Сигма-Ф» (присуждается по результатам голосования читателей журнала). Главным событием первого дня форума стало общение писателей-фантастов со своими поклонниками в «прямом эфире» Интернета – в чате RusSF. Компьютер был установлен в зале ресторана «Старая мансарда»; писатели сменяли друг друга перед монитором, а те, кто уже «отстрелялся», и те, кто ждал своей очереди, обсуждали профессиональные проблемы в неформальной обстановке.

На второй день в гостинице «Белград» состоялось вручение премии «Сигма-Ф». Почетные дипломы за статьи, опубликованные в журнале «Если», получили критики Дмитрий Караваев, Андрей Тупкало, Дмитрий Володихин, Евгений Харитонов. Такие же дипломы достались издательству «Азбука» (за выпуск романа У.Гибсона «Виртуальный свет») и компании «КАРО-Премьер» (за прокат в России кинофильма «Искусственный разум»). Еще одним дипломантом стал писатель Владислав Крапивин, опубликовавший в «Если» литературные мемуары «След ребячьих сандалий». А главные призы в виде разноцветных сосудов причудливой формы присуждены Далии Трускиновской (за рассказ «Кладоискатели»), Олегу Дивову (за повесть «Предатель»), Марине и Сергею Дяченко (за роман «Долина Совести»).

Кстати, журнал «Звездная дорога» также рассматривает вопрос об учреждении собственной читательской премии ***(«ЗД-информ»)***.

27/IV Умер Джордж Алек Эффинджер

Новый Орлеан. В своей квартире скончался от рака Джордж Алек Эффинджер, автор киберпанковских романов о Мариде Одране («Когда под ногами бездна», «Огонь на солнце», «Поцелуй изгнанья» – все переведены на русский) и рассказа «Котенок Шредингера», удостоенного премий «Хьюго» и «Небьюла». Ему было всего 55 лет. «Он обладал природным талантом, – сказал агентству АР писатель Харлан Эллисон. – Его первая книга буквально вынесла из жанра всех конкурентов. Они просто сидели и ждали, что он напишет еще».

Эта книга (роман «Что значит для меня энтропия», 1972) вряд ли появилась бы на свет, если бы не Дэймон Найт ***(см. «Бортовой журнал» от 14 апреля)***. Именно он обратил внимание на талантливого парня, который вырос в

бедной семье, дважды поступал на медицинское отделение Йельского университета и дважды бросал учебу. Именно с подачи Найта рассказы Эффинджера стали появляться в журналах.

Он писал в разных стилях (от «новой волны» до фэнтези), но лучше всего ему удавались рассказы о Морин Бирнбаум – девушке, помешанной на магазинах, которая то и дело попадает в ситуации, пародирующие штампы НФ. Увы, болезнь, активно разрушавшая организм Эффинджера в течение последних лет, прежде всего лишила его остроумия. «Он мог только жаловаться на здоровье», – с грустью вспоминает Эллисон. А выпивка, от которой он так и не отказался, только усугубила ситуацию... ***(«ЗД-информ»)***.

27/IV На «Небьюла-банкете» не досчитались лауреатов

Канзас-Сити (шт. Миссури). На традиционном «Небьюла-банкете» были вручены очередные премии Ассоциации американских фантастов (SFWA). Их лауреатами стали:

в номинации «Роман» – Кэтрин Азаро (за произведение под названием «Квантовая роза» – «The Quantum Rose»);

в номинации «Большая повесть» – Джек Уильямсон («Последняя Земля» – «The Ultimate Earth»);

в номинации «Короткая повесть» – Келли Линк («Призрак Луизы» – «Louise's Ghost»);

в номинации «Рассказ» – Северна Парк («Универсальное лекарство» – «The Cure for Everything»);

в номинации «Сценарий» – Джеймс Шэмус, Куо Юнь Цай и Ху-Лин Ван («Крадущийся Тигр, Затаившийся Дракон» – «Crouching Tiger, Hidden Dragon»).

Звание Грандмастера в нынешнем году не получил никто. Зато объявлено о присуждении Премии президента SFWA. Ее удостоена Бетти Баллантайн, которая вместе со своим мужем Иеном была инициатором выпуска фантастических произведений в мягких обложках, а позднее стала одним из основателей издательства «Ballantine Books».

Накануне «Небьюла-банкета» члены SFWA провели «круглый стол» на тему «Состояние научной фантастики». Кроме того, была прочитана лекция о современной технологии межзвездных перелетов, которая разрабатывается в НАСА. Увы, торжественная церемония оказалась омрачена новостью о кончине создателя SFWA Дэймона Найта. Может быть, поэтому получить свой приз лично приехала только Кэтрин Азаро ***(«ЗД-информ»)***.

29/IV Евгения Войскунского поздравили с юбилеем

Москва. В Центральном Доме литераторов прошел творческий вечер Евгения Львовича Войскунского, приуроченный к 80-летию писателя. В отечественной фантастике Е.Войскунский занимает видное место. Он воевал на Балтийском море, окончил Литературный институт, получил известность как автор повестей и рассказов о военных моряках. С начала 60-х годов началось его сотрудничество с И.Лукодьяновым, возникшее, по словам младшего из соавторов, на основе «общей любви к фантастике, к морю, к книгам». Их дебютом стал роман «Экипаж “Меконга”» (1962), принесший им широкую известность. Пользовались популярностью и другие книги Войскунского и Лукодьянова – повесть «Черный столб» (1963), романы «Очень далекий Тартесс» (1968), «Плеск звездных морей» (1969), «Ур, сын Шама» (1975). И.Лукодьянов скончался в 1984 году. Во второй половине 80-х Е.Войскунский много работал с молодыми авторами, руководил (вместе с Д.Биленкиным и Г.Гуревичем) Московским и Всесоюзными семинарами молодых писателей-фантастов. В творчестве он вновь обратился к своему фронтовому прошлому – в начале 90-х годов выходят его романы «Мир тесен» и «Кронштадт». В 2000-м Войскунский публикует роман «Девичьи сны» – о трагических событиях в его родном Баку накануне выхода Азербайджана из состава СССР.

29 апреля поздравить Е.Войскунского пришли его друзья и коллеги, однополчане – военные моряки. Среди выступавших были писатель М.Кабаков, поэт и переводчик А.Ревич, руководители издательств, в последние годы печатавших книги Войскунского, – Н.Науменко («АСТ») и О.Либкин («Текст»), а также участники семинаров молодых писателей-фантастов, которыми в 80-е годы руководил Е.Л.Войскунский ***(Владимир Гопман)***.

4–7/V Состоялся «Интерпресскон»

Репино. В этом курортном поселке под Санкт-Петербургом прошел очередной «Интерпресскон». По сравнению с предыдущими, можно сказать – кризисными годами существенно возрос уровень организации этого форума (проживание, питание). Что же касается творческой составляющей, то благотворные перемены коснулись и ее.

Прежде всего, было вручено немало наград, и, кажется, все они ушли по назначению. Премия Бориса Стругацкого «Бронзовая Улитка» досталась Кириллу Еськову (за статью «Наш ответ Фукуяме»), Сергею Синякину (за по-

весть «Кавказский пленник»), Марине и Сергею Дяченко (за рассказ «Баскетбол» и за роман «Долина Совести»). Премию «Интерпресскон» (присуждается по результатам голосования участников форума) получили Хольм ван Зайчик (за первую цзюань цикла «Плохих людей нет»), Евгений Лукин (за повесть «Труженики Зазеркалья»), Сергей Лукьяненко (за рассказ «От судьбы...»), Леонид Каганов (за дебютную книгу «Коммутация»), Глеб Гусаков (за микрорассказ «Метаморфозы»), Дмитрий Байкалов и Андрей Синицын (за статью «Континент»), Сергей Тырин (за иллюстрации к романам Михаила Тырина), Анатолий Дубовик (за оформление обложек), издательство «АСТ». ***(На снимке – представители Х. ван Зайчика И.Алимов и В.Рыбаков.)*** Премия сайта «Русская фантастика» вручена Марине и Сергею Дяченко за роман «Долина Совести». Кстати, с нынешнего года к традиционной уже бронзовой клавиатуре, изогнутой на манер паруса (восемь кило бронзы!), редакторы сайта прилагают лауреатский значок из золота. То ли Интернет стал приносить какие-то неслыханные доходы, то ли на «Русской фантастике» работают истинные энтузиасты...

Отдельным мероприятием «Интерпресскона» стала церемония вручения Беляевской премии. Эта награда учреждена Союзом писателей Петербурга и первоначально присуждалась как за фантастические, так и за научно-популярные книги. Однако с нынешнего года ее лауреатом может стать только автор, работающий в области популяризации науки. В 2002-м премию, в частности, получили Юрий Бойко (за книгу «Воздухоплавание»), Михаил Ахманов (за перевод книги Дж. Глейка «Хаос. Создание новой науки») и Антон Первушин (за серию очерков о космонавтике).

Небезынтересными оказались доклады. Владимир Березин поведал, как обстоит дело с «Сексом и семьей в фантастической утопии». Сергей Бережной сочинил «Сказку о методе», которая стала откровением для некоторых фантастов. А Елена Клещенко из «Химии и жизни» задалась животрепещущим вопросом: «Надо ли отстреливать редакторов?» Ее размышления выглядели тем более актуально, что накануне ее доклада и непосредственно перед ним прошли презентации новых журнальных проектов. Мэтры Борис Стругацкий и Александр Житинский рассказали об издании под названием «Полдень, XXI век» (его магистральным направлением, по всей видимости, будет «фантастический реализм» – психологическая проза о современной жизни с элементом необычайного). А вот новый главный редактор «Звезд-

ной дороги» Александр Ройфе категорически отказался определить стилевые рамки своего журнала, заявив, что признает только «интегральный критерий» – хороший текст или плохой, годится для печати или нет. Протестов аудитории такая позиция не вызвала ***(«ЗД-информ»)***.

18/V Премия Артура Кларка присуждена Гвайнет Джонс

Лондон. Роман английской писательницы Гвайнет Джонс «Bold As Love» (примерный перевод – «Дерзкий, как любовь») принес ей Премию Артура Кларка, которой награждается лучшее научно-фантастическое произведение, опубликованное в Великобритании. Об этом стало известно на торжественной церемонии в лондонском Музее науки. Лауреат предыдущего года Чайна Мивилль вручил писательнице приз в виде книжного переплета и чек на 2002 фунта стерлингов. А администратор премии Пол Кинкейд сказал, что роман Джонс «переносит одну из самых чтимых в Англии литературных традиций – легенду о короле Артуре – в мир технологий XXI столетия, глобального потепления и засилья контркультуры» ***(«ЗД-информ»)***.

20/V Евгений Лукин получил «Аэлиту»

Екатеринбург. Оргкомитет фестиваля фантастики «Аэлита» назвал имена обладателей литературных наград, традиционно вручаемых в рамках этого фестиваля. Новым лауреатом премии «Аэлита» стал известный волгоградский писатель Евгений Лукин. При голосовании он намного опередил других претендентов: восемь судей поставили его на первое место, четыре – на второе и четыре – на третье. Для сравнения: у пришедшего вторым Александра Громова пять первых мест, три вторых и два третьих.

Обладателем приза им. Ефремова, присуждаемого за пропаганду отечественной фантастики, названа Белла Григорьевна Клюева (Москва). В конце 60-х – начале 70-х она работала редактором в издательстве «Молодая гвардия». Книги, подготовленные ею, вошли в золотой фонд российской НФ.

Приз «Старт», вручаемый за дебют в фантастике, достался Леониду Каганову (Москва), автору книги «Коммутация». А обладателем мемориального приза им. Бугрова (его присуждает комиссия во главе с Наталией Григорьевной Бугровой) стал еще один москвич – Дмитрий Байкалов.

Вручение наград состоится на фестивале «Аэлита», который пройдет 13–15 июня 2002 года ***(«ЗД-информ»)***.

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ

Евгений Прошкин

ЭВАКУАЦИЯ

Евгений Прошкин родился в Москве в 1970 году. Успел послужить в армии, поработать в коммерческом банке и на колбасном заводе. Сейчас учится в Литинституте. Первый фантастический рассказ Евгения был напечатан еще в 1992-м, однако лишь в последние годы он начал активно публиковаться (на его счету — книги «Война мертвых», «Слой», «Механика вечности», «Зима 0001»). Повесть «Эвакуация», предлагаемая вниманию читателей «Звездной дороги», написана в «постдиковской» манере. Прошкин задается нетривиальным вопросом: если люди станут лучше, чем они есть, останутся ли они людьми?

Автобус свернул на Садовую и, приблизившись к дому культуры асбестоцементного завода, чуть притормозил. Пассажиры дружно схватились за поручни. Карпов, прижатый к ледяным дверям, сделал судорожную попытку найти точку опоры и на случай, если сохранить равновесие не удастся, наметил крепкую спину в черном пальто.

Каждый житель Оконечинска с детства знал, что маршрут восьмого номера проходит через огромную рытвину, которую автобус не минует – разве что выйдет на встречную полосу. Карпову же, как оконечинцу некоренному, пришлось прочувствовать эту особенность местного ландшафта собственной макушкой. Даже спустя полтора года он безошибочно узнавал автобус, в котором получил «боевое крещение»: небольшую вмятину в потолке над задней площадкой так и не выправили. То ли по лености, то ли, как говорится, в назидание.

Приготовившись подпрыгнуть на ухабе, пассажиры замерли. Нудный ребенок, изводивший соседей своими капризами, и тот притих, вцепившись в ногу родителя.

Ожидание ямы растянулось на несколько нервных секунд, после чего люди опасливо зашевелились. Сидящие у окон не сговариваясь стали продувать в замерзшем стекле маленькие слезящиеся лунки. Карпов расцарапал рельефный иней на узком дверном оконце и кое-как разглядел приземистое здание с крупными буквами на фасаде: «ДК АЦЗ».

Рядом с традиционными колоннами, обглоданная временем и непогодой, зябла статуя в виде мужика с лопатой.

Скульптура напоминала замок из песка, накрытый волной: ноги потеряли ступни и превратились в круглые слоновьи тумбы; свободная рука, когда-то указывавшая на залежи полезных ископаемых, укоротилась до культи, из которой страшно торчала бурая арматурина. Черты лица истерлись, из-за чего голова стала похожей на болванку. Единственным уцелевшим органом каменного человека оставалась огромная лопата, сработанная из нержавейки. Весной, умытая первым дождем и еще не засиженная птицами, она блестела особенно ярко.

Но до весны еще жить.

Водитель поддал газу, и Карпов заметил на дороге оранжевые жилетки. Оказывается, автобус объехал-таки яму, вернее, рабочих, копошившихся вокруг нее.

– Тьфу, иттить иху мать! – крякнул краснолицый дед в солдатской шапке. – Вот же удумали – зимой асвальт ложить!

– Никакой не асфальт, – откликнулся пассажир в пальто. – Гравием засыпали. Правильно.

– Ну, дождались! – обрадовалась дама с кроличьим воротником.

– Шиисят годков помню эту дырку, – возразил дед. – Так уж и до лета потерпели бы.

Продолжение дискуссии Карпов не слушал, поскольку все реплики были известны наперед. Но одна фраза все же просочилась сквозь черепную коробку и зашевелилась в мозгу холодной жабой: «дождались»...

В желудке возник клубок страха и, поднявшись в легкие, заполонил грудную клетку.

Дождались.

Карпова бросило в жар, и он, как при тяжелом гриппе, вдруг ощутил хруст каждого своего сустава, писк каждого сухожилия. Ему стало невыносимо душно в переполненном автобусе, но, выскочив на остановке, он так и не смог вздохнуть свободно – морозный воздух перехватил горло и застрял где-то в трахеях.

Дождались!

Мэр наконец-то решил привести дорогу в порядок. Сын Марины Анатольевны больше не шляется со всякой шпаной – готовится к поступлению в Красноярский университет, а Петр Семенович перестал склонять подчиненных девушек к сожительству.

Значит, она пришла.

Она настигла его здесь, в Сибири, в тупике одной из веток железной дороги, о которой забыли прежде, чем успели достроить. Этот го-

род на краю земли, чье название говорит само за себя, дал ему приют и последнюю надежду, но не схоронил. Карпов знал: в какую бы нору он ни забился, она его найдет. Она научила его бояться. Чуять ее приближение он научился сам.

Олег Карпов отлично помнил тот день, когда ему впервые открылась жуткая правда, раз и навсегда изменившая его жизнь, переехавшая налаженный быт грохочущим бульдозером.

Это было тяжелое рабочее воскресенье после трехдневной гулянки – праздник выпал на четверг, и теперь приходилось расплачиваться за халявную пятницу. Женщины явились на службу издерганными, а мужики – опухшими и жаждущими пива. До обеда народ обсуждал различные похмельные недуги, а к вечеру, когда все начали приходить в себя, по отделу разнеслась весть о том, что секретаршу подменили.

Заразившись этим внезапным ажиотажем, Карпов не утерпел и заглянул в приемную. Леночка находилась на своем месте, и это была, несомненно, она. Пунцовые вампирические ногти, прозрачная блузка, блестящий витой локон, спускающийся к правой брови, – все это удостоверяло Леночкину личность не хуже паспорта.

– Евграф Валерианович отсутствует. Если у вас к нему какое-то дело, я могу записать на завтра, – сказала она.

Олег, уже собиравшийся уйти, оцепенел. То, что он услышал от секретарши, могло быть озвучено кем угодно, только не Леночкой. Ленок никогда не называла Шефа по имени-отчеству, если, конечно, его не было рядом, – слишком сложно для ее чувственного ротика. Она никогда не обращалась к Карпову на «вы» – много чести. Наконец, никогда не произносила столько слов подряд, без перерыва на улыбку или томный вздох.

Никогда.

Олег пригляделся внимательнее и обнаружил, что девушка в приемной не имеет с Леночкой ничего общего. Ее холеные руки управлялись с бумагами так ловко, что всякая потребность в оргтехнике отпадала. Глаза, большие, как у индийских актрис, уже не щупали, не оценивали, не приглашали в ад – они лишь смотрели, и эта их функция казалась самой необязательной.

Потрепавшись в курилке, все решили, что Леночка нашла себе хорошего строгого мужика, вот и остепенилась. На этом тему закрыли.

– Что бы сказали ее прежние подруги? – бросил кто-то напоследок, и Карповым вдруг овладело странное беспокойство. Он вспомнил, как несколько дней назад случайно встретился со старым товарищем. Узнав Шурика еще издали, Олег предчувствовал, что встреча будет поч-

ти формальной: обняться, поболтать, обменяться телефонами и никогда не позвонить – ведь юношеская дружба, как первая любовь, не возвращается. Он догадывался, что перед ним чужой человек, но не думал, что настолько. От былого Шурика в нем не осталось ничего. Теперь Олегу и в голову не могло прийти, что холодный, рассудительный Александр – тот самый, с кем они когда-то понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда.

Вслушиваясь в образцово-литературную речь бывшего одноклассника, Карпов перебирал в уме события, которые могли бы так изменить человека, но выяснилось, что серьезные катаклизмы в биографии Шурика отсутствовали и его судьба представлялась не более драматичной, чем поход за грибами. Удивительно, но сам Шурик не замечал никакой натянутости, вел себя так, будто играл роль смертельно положительного героя из скучного кино.

При расставании Карпов испытал почти физическое облегчение и постарался забыть о встрече, но теперь эпизод, ранее казавшийся незначительным, всплыл в памяти вновь.

Случаи с Шуриком и Леночкой имели несомненное сходство, и это смущало. Карпов долго гадал, что могло связывать давнишнего приятеля и секретаршу, пока не набрел на спасительное слово «совпадение». Ничего не объясняя, оно, по крайней мере, позволило ему отделаться от тревожных мыслей. Правда, ненадолго. Через неделю, когда Карпов навещал своего отца, звоночек прозвенел снова.

До выхода на пенсию папаша был не последним человеком в стране, поэтому и старость имел вполне сытую. Периодически его посещала домработница, и Олег подозревал, что в ее обязанности входят некоторые услуги, не предусмотренные трудовым соглашением. Единственное, в чем нуждался старик, – это общение, поэтому, когда выдавалась свободная суббота, Олег брал бутылку водки и, стиснув зубы, ехал на Площадь Восстания, где в престижной сталинской высотке жили модные артисты, жирные банкиры и старые пауки вроде папы. Выпивая, Карповы вели пустые беседы и делали вид, что все друг другу простили.

В основном говорил отец: травил одни и те же анекдоты времен развитого социализма да в сотый раз пересказывал байки из жизни членов Политбюро. А еще он любил повторять: «Если однажды я начну жаловаться на печень, значит, меня подменили агенты ЦРУ».

И это случилось. За весь вечер батя не вспомнил ни одной истории. К «Столичной» он отнесся с прохладцей: первую сотку выпил, вторую лишь пригубил, когда же Олег попытался долить, категорически накрыл стакан рукой. Кажется, он собирался сослаться на запрет врачей, но

Олег, предугадав эту отговорку, так напрягся, что папа замолчал. Потом старик неожиданно заговорил о футболе, и Карпов с ужасом подумал, что лучше бы отец рассказал про печень. Из всех видов спорта папаша признавал лишь рыбалку.

Вернувшись домой, Олег впал в прострацию. Фактически он потерял отца, теперь уже окончательно. Но даже это казалось не самым страшным. Вокруг творилось что-то непонятное. Три похожих случая за такой короткий срок, и это при том, что он заметил перемены только в тех, кого хорошо знает, а ведь есть еще Иваны Иванычи из других отделов, Петры Петровичи, живущие в соседнем подъезде, – и с ними, не исключено, происходит то же самое. Если отбросить бред о своей избранности, то выходит, что явление носит массовый характер. Счет идет уже на проценты, а это сотни тысяч только по Москве.

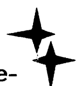
«Вряд ли какая-нибудь спецслужба способна найти такое количество двойников, – размышлял Олег. – Вербуют, не иначе. Только неясно, на кой черт. Допустим, Шурик работает в оборонке. Но батя? Все, что знал, он давно выболтал, сидя на своей лавочке. А Ленок? Какими секретами она владеет – искусством раскрутить ухажера на дорогой подарок? Что за пользу она сможет принести иностранной разведке – подсыпать Шефу в кофе мышьяк?! Нет, шпионская версия отпадает, легче поверить в свое сумасшествие. Или не в свое?»

В голове у Карпова забродила какая-то туманная догадка, но чтобы помочь ей вызреть, нужно было найти собеседника. Потребность выговориться оказалась столь острой, что Олег поехал к Ире немедленно.

Уже звоня в дверь, Карпов запоздало пожалел, что наносит визит экспромтом. Ира ни разу не давала ему повода почувствовать себя одним из многих, тем не менее он понимал, что нормальная девушка не станет довольствоваться редкими наскоками неуравновешенного кавалера.

Гостей у Иры не было. Олега она встретила по-домашнему тепло и чуть-чуть торжественно – как мужа из долгой командировки. Привычно пройдя на кухню, Карпов слегка расслабился. Мучительные раздумья незаметно растворились в уютном запахе жареного мяса. Оставшийся в крови алкоголь вскипел и устремился в нижнюю часть тела.

Олег силой усадил Иру на стол. Все происходило как в том фильме, где крутой мужик – кажется, Брюс Уиллис – насилует подругу своей жены. Поначалу Ира изумилась, однако вскоре приняла игру и начала сопротивляться – насколько того требовала роль. Последним клочком догорающего в безумии сознания Олег вспомнил, что приехал вовсе не за этим, однако на свете не было такой напасти, которая заставила бы его прерваться.

В воскресенье с самого утра зарядил дождь, и Карпов, вяло пережевывая холодную котлету, вдруг понял, что опоздал. Когда он виделся с Ирой на прошлой неделе, все было по-старому, то есть в порядке. А сейчас...

Ира стала менее болтливой и более заботливой, а знакомая утренняя песня о том, что, мол, годы идут и хочется постоянства, исчезла из ее репертуара напрочь. Возможно, Олег и не обратил бы на это внимания, но теперь он был начеку и перемены уловил сразу.

Прихлебывая кофе, он с опаской смотрел в спину хлопотавшей хозяйке, будто ждал, что ее халатик начнет прорастать шипастым позвоночником.

– Ир, ты себе кого-то нашла, да? – хмуро спросил Олег. – Только скажи честно, я пойму.

Ира вздрогнула и обернулась.

– С чего ты взял?

– Ясно, – сказал он и осторожно поставил чашку.

– Что тебе ясно, дурак? А вообще-то... – Она посмотрела ему прямо в глаза, и Карпов, к своему удивлению, не смог выдержать этого взгляда. – Я жду. Даю тебе последний шанс. Или себе. Не знаю. Я семью хочу, понимаешь? Ты боишься потерять свою мнимую свободу, а я боюсь остаться одной.

Карпову, как всегда в такие минуты, стало стыдно. Да, да, Ира говорила правильные вещи, нельзя так дальше, ведь не дети уже. Но он слишком хорошо представлял, что значит общаться с женщиной не изредка, а ежедневно. Кремы, телефонный треп, стирка... Когда видишь, что кукла набита обыкновенными опилками, играть с ней становится неинтересно.

После угрызений совести Карпов обычно испытывал отвращение к котлетам, к чистой кухне, к серьезным разговорам о планах на жизнь. Это утро не было исключением. Только, уходя, он твердо знал, что больше не вернется.

Дождь все не прекращался. Олег покурил в подъезде и направился в кафе за сквериком. Денег с собой было немного, но напиваться он и не собирался.

В стеклянном павильоне стоял веселый гам. Половину зала занимала чернявая компания человек в пятнадцать.

– Торгаши местные, – с необыкновенной благостью пояснила буфетчица. – У одного ихнего сын родился.

– Так рано же еще для банкета, – удивился Олег.

– Ха, рано! Со вчерашнего дня бузуются. Здесь уж сколько хроников перебывало, все в умат! А эти сидят, хоть бы хны.

– Люся, Люся! – закричал кто-то. – Выпей, пожалуйста, за новорожденного!

– Да уж навыпивалась, – замахала руками буфетчица. – Мне еще кассу сдавать.

– Э, касса-шмасса! Ты иди сюда, выпей! И красавца молодого бери с собой, мы сегодня всех угощаем.

– Уважь, – посоветовала Люся. – Не бойсь, ребята хорошие.

Спустя мгновение Олег сидел за столом. Перед ним возникла тарелка с прыщавым куриным окорочком и салатом из лосося, рядом – пластмассовый стаканчик с вином. Напиток, судя по всему, был привезен с родины счастливого отца – ничего похожего Карпов не пробовал. Оказалось, что сын родился у Ибрагима, седого мужчины лет пятидесяти с большим потным носом. Олег усомнился, что сам в таком возрасте сможет зачать что-нибудь живое, но решил оставить эту мысль при себе. После курицы было какое-то блюдо из национальной кухни, как водится, с обилием зелени и соуса, и Карпов снова ел, гася перцовый пожар теплым пивом.

Потом было что-то еще, потом – снова салат и вино.

Дородную Люсю подменила юркая тетя Галя, а компания пополнилась новыми лицами. Олег посмотрел на часы, но вместо циферблата увидел лишь мутный пятак. Пора отваливать. Карпов собрался встать, однако в это время дряхлый старик с лиловыми губами произносил тост и уйти Олегу не позволили. Когда тост закончился, все дружно выпили, и он был вынужден присоединиться. Пока Карпов допивал вино, тамада снова поднялся и затянул новую историю. Олег сообразил, что на этот раз следует прикончить спиртное первым и не мешкая откланяться. Дождавшись сакраментального «так выпьем же за то, чтобы...», он опорожнил стакан тремя большими глотками, по ходу определив, что там не вино, а водка. Тарелку куда-то унесли, и за неимением закуски Карпов запил джин-тоником.

После этого земля выкатилась у него из-под ног, и догнать ее уже не было сил.

Дальше, как сквозь помехи междугородней связи, прорывались лишь отдельные вспышки-картинки: старик произносит тост... входят три милиционера... старик произносит тост... несут ящик водки... два милиционера уносят третьего... тычут в нос куском мяса... наливают стакан... входят два милиционера... тетя Галя падает на пол... приносят коробку шампанского... старик произносит тост... наливают стакан...

Карпова разбудил злобный шахтёр, долбивший в голове тоннель между левым и правым полушариями. Шахтеру вторил его собрат, рубивший проход от мозжечка к гипофизу. Олег хотел застонать, но каж-

дый вздох отзывался тоскливым накатом тошноты. Думать было больно. До него донеслись какие-то приглушенные звуки – слышать их казалось так же мучительно, как и дышать.

Говорили не по-русски.

Кто-то подошел и тронул Карпова за плечо. Он ожидал увидеть Ибрагима или старика-тамаду, но лицо было совершенно незнакомым.

– Проснулся, Олег? Вставай, покушай.

– Домой хочу... – прошептал Карпов и закрыл глаза.

Очнувшись, он нашел себя сидящим в машине.

– Сколько времени? – спросил он у водителя.

– Восемь.

– Вечера?

– Не утра же!

– Надо проспаться. Мне в понедельник на работу.

Таксист посмотрел на Карпова и гомерически захохотал.

– Ну ты... ты... Ой, не могу!.. Понедельник... Он же был вчера!..

– Как ты сказал? – Олег решил, что ослышался.

– Сегодня вторник, дружище.

– Восемь вечера? – с ужасом переспросил Олег.

– Десять минут девятого.

– А где же я был все это время?

Водитель лишь покрутил головой и снова засмеялся.

Зайдя в квартиру, Карпов первым делом включил телевизор. Вскоре начались новости, и ему стало совсем скверно. Таксист не шутил. Сегодня действительно вторник, а это значит, что кто-то взял огромный ластик и стер двое суток его жизни.

Так. В кафе он зашел в воскресенье утром. Допустим, он пропьянствовал до самого вечера. Допустим, но уже с большой натяжкой, что еще сутки отсыпался. Выходит, понедельник. Но куда делся еще один день?!

Временно отступившая головная боль навалилась с новой силой, и Олег распахнул холодильник в поисках пива. Пива не было, пришлось похмеляться водкой. Карпов налил пятьдесят грамм и, скорчившись от отвращения, выпил. Экран вместе с диктором закрутился в сияющую спираль, и по затылку что-то стукнуло.

Когда он проснулся, на улице было светло. По телевизору опять передавали новости, из которых Олег узнал, что среда в самом разгаре и на нем уже три прогула. Первым порывом было позвонить Шефу, но Карпов трусливо решил отложить объяснения до четверга. В конце дня Валерьяныч обычно бывает замотан и зол, а под горячую руку ему попадаться нежелательно. Лучше завтра прийти пораньше и сразу – с по-

винной. А в следующий выходной обязательно смотаться к тому проклятому кафе и выяснить, где же его носило.

Шеф явился на работу в приподнятом настроении, и это было большим плюсом. Когда Леночка доложила, что Карпов с утра просится на прием, Валерьяныч удовлетворенно покивал и распорядился:

– Пусть зайдет. Хорошо хоть, живой.

Олег вполз в кабинет ласковым ужом и, прижав ладони к сердцу, застонал:

– Евграф Валерианович, расскажу всю правду!

И он действительно все рассказал, начиная с того, как ушел от Иры. При этом на его лице было написано такое глубокое раскаяние, что под конец Шеф уже не знал, как его успокоить.

– Вот видишь, чем оборачивается неумеренность, – наставительно произнес Валерьяныч. – Водка знаешь каких людей губила? О-го-го были люди! А ты еще совсем молодой человек, ни к чему тебе это.

– Да я, Евграф Валерианович...

– Не перебивай! В общем, так. Напишешь «за свой счет», Лена оформит задним числом. Смотри, никому из посторонних не проболтайся.

– Спасибо, Евграф Валерианович! – Олег вложил в голос столько подобострастия, что еще капля, и оно полилось бы через край. – Искуплю трудовым подвигом!

– Все шутишь! – прорычал Шеф. – Иди работай. И сделай выводы!

Карпов вернулся в кабинет, который делил с двумя такими же рыцарями карандаша и скрепки. Увидев завал необработанных сводок, отчетов и спецификаций, скопившихся с понедельника, он загрустил. Три высокие стопки, на которые Олег рассортировал документы, напоминали мрачные средневековые башни.

«Сдохну, а сделаю, – решил он. – Разгребу все до последней бумажки. Буду корпеть, пока охрана не погонит».

Олегу очень хотелось доказать, что этот загул – случайность, роковое стечение обстоятельств, и что на самом деле он человек серьезный, исполнительный, работоспособный, словом – нормальный. Карпов с головой погрузился в писанину и вынырнул лишь к обеду.

– Даешь пятилетку за три года! – воскликнул он и азартно раскрыл следующую папку, однако организм, истощенный кратким, но интенсивным запоем, требовал передышки.

Олег отодвинул бумаги и похрустел пальцами. Да, без отдыха не обойтись. Он спохватился, что с самого утра не выкурил ни одной сигареты. Этот промах следовало исправить.

В курилке Карпов вспомнил, что завтра пятница и Шеф, как всегда, отчалит пораньше. Вслед за ним незаметно рассосутся и остальные, часам к четырем в отделе уже никого не будет, поэтому остатки можно смело растянуть на полтора дня. Порыв трудолюбия подходил к концу, и такое решение Олег счел мудрым, тем более что щенячья благодарность к начальству стала понемногу иссякать. Спасибо Валерьянычу, что не уволил, но зачем же надрываться? А уволить-то, между прочим, было за что. Конечно, Карпов надеялся, что так круто с ним не обойдутся, но выговорочка ожидал – темперамент у Шефа был самым что ни на есть холерическим. И вдруг на тебе: «оформим задним числом». С чего это он так раздобрился?

Карпов бросил окурок в изящную урну и пошел к своим отчетам. Мысль о еде была противна. Работы оставалось еще вагон с телегой, и он пригорюнился. Миша, как всегда, обыгрывал компьютер в преферанс, а Сан Саныч читал очередной детектив. Олега разобрала досада. Неужели никто даже не почешется?

– Миш, – не выдержал Карпов. – Пособил бы, а?

– Ну ты орел! – возмутился тот. – Как квасить – так один, а как работать – так всем миром?

– Благодарствуйте. Попросишь меня теперь!..

Сан Саныч с трудом оторвался от книги.

– Ты, Рыбкин, того. Не огрызайся!

Олег хотел было ответить, что читать о том, как «одним метким ударом он выбил бандиту два зуба и глаз», – это плевок в лицо мировой культуры, но передумал. Вместо этого он подгреб пачку сигарет и снова вышел из комнаты. Ему захотелось вырваться на улицу – там, на свежем воздухе, собраться с мыслями будет легче.

Итак, Шеф из престарелого диктатора превратился в пожилого добряка и вместо того, чтобы сделать матерную запись в трудовой книжке, ограничился отеческими наставлениями. Превосходно. Такой начальник – мечта любого служащего. Зато народ потерял всякую совесть. Где же старая добрая традиция отдела – помочь тому, кто не справляется, а потом получить с него законную бутылку? Испортились коллеги. Что с ними стряслось?

Ответ был известен. Просто Карпов боялся его произнести. Боялся даже мысленно сформулировать, и от этого становилось особенно погано, поскольку себе он никогда не врал.

Он незаметно дошел до перекрестка и свернул направо. На его пути лежала аптека, около которой несколько пенсионерок устроили самостийную распродажу лекарств. Ассортимент был неширок и безобиден: анальгин, аспирин, шуршащие упаковки бинта, пахучие горчичники

и прочее в том же духе. Одна из старушек торговала травами. Помахивая маленькой метелкой, она нараспев приговаривала:

– От почек, от сердца, от мигрени, от нервов...

– От нервов тоже есть? – поинтересовался Карпов.

– А как же! Вот в этих мешочках, гляди. Специальный сбор.

– И что за сбор? Не конопля? – пошутил Олег.

– Не обижай бабку, милок, – укорила та. – Сама заготавливаю. Да не под Москвой, где копоть одна, а в Рязанской области! Сама и сушу, сама и сбираю. Все ихологичиски чистое.

Карпов невольно хохотнул.

– Ты посмейся, посмейся над бабкой-то! Бабка ду-ура.

– Так я насчет нервов, – напомнил Олег. – Из чего он состоит?

– Тут у меня корень валерианы, цветки пустырника, да много всякого. И еще зверобой. Зверобой – обязательно. Я его везде добавляю, даже в чай. И тебе советую.

Купив пакетик снадобья, Карпов вернулся в отдел. Достав из шкафа свою кружку, он сковырнул прилипшую ко дну соринку и включил чайник.

О травке Олег вспомнил только через час, когда заварка уже совсем остыла. Он самоотверженно выпил горькую жидкость, а разбухшую гущу выплеснул в корзину для бумаг.

То ли от бабкиных корешков, то ли от самовнушения, Карпов успокоился так, что, казалось, обрушься потолок – он и бровью не поведет.

Потолок, само собой, не падал, и вообще, ничего такого не случалось.

Олег вздрогнул и отложил ручку.

В комнате действительно ничего не происходило. То есть абсолютно. Из приоткрытого окна слышался птичий гомон и шелест автомобильных покрышек. В коридоре приглушенно звучал непечатный диалог двух рабочих, тащивших какую-то тяжесть. На левой руке тонко тикала секундная стрелка. Дышал вентилятор в системном блоке компьютера. Все остальное молчало.

Карпов, не поворачиваясь, оглядел комнату. Даже для восковых фигур Миша с Санычем выглядели слишком мертво. Музейные истуканы занимают более-менее естественные позы, и их лица имеют хоть какое-то выражение, эти же были похожи на брошенные манекены: спина прямая, ладони на коленях, голова приподнята, глаза-пуговицы смотрят вперед. Они сидели не шевелясь, будто для их оживления требовалась специальная команда.

Ручка скатилась на пол, и кабинет встрепенулся. Сан Саныч перево-

рачивал страницу, Миша трепался по телефону. Только что Карпов видел оцепеневшие мумии, но сейчас он в этом уже сомневался. Он снова замер, прислушиваясь, хотя заранее знал, что наваждение вряд ли повторится. Саныч так увлекся книгой, что принялся барабанить по столу.

Олег почувствовал, что целебная травка его больше не удержит. Вскочив, он подбежал к Мише и вырвал у него телефонную трубку.

– Мне срочно! – пояснил Карпов, но прежде чем нажать на рычажок, поднес трубку к уху.

В ней раздавались короткие гудки.

– Ты с кем разговаривал? – набросился он на Мишу. – Со святым духом? Или сам с собой? Поговорить – поговорил, а номерок-то набрать забыл! Ха-ха-ха!

– Совсем сдурел? Тебе к врачу надо, – опешил тот.

– Сам сходи! – окрысился Олег. – Чего ты прикидываешься, а? Я же видел, как ты кемарил.

– Да, Рыбкин, что-то ты не того, – подал голос Саныч. – Человек полчаса разговаривал, вон, ухо аж красное, а ты – «кемарил».

Ухо действительно было красным, а трубка – влажной от пота. Показалось?!

– Мне нужно было... срочно... Извини, Миш. Извините меня, – пробормотал Карпов, обращаясь к обоим, и выскочил в коридор.

Олег летел к Шефу. Он еще не знал, что делать – стоять на коленях или грозить самоубийством, но отдых ему был просто необходим. Неделя, как минимум. Иначе можно свихнуться – как Миша, как Саныч.

«Разыграли! – догадался он неожиданно. – Вот гады! И когда только сговориться-то успели? Ловко у них получилось, молодцы! Сволочи. А чего я так завелся? Ребята пошутили, ну и что? Или, может, бабка мне не той травы дала? Может, у нее тоже свои приколы? Кругом веселье!»

В приемной никого не оказалось. Унявшись, Карпов осознал, что отпуск после трех прогулов – роскошь, недоступная даже для генсека ООН.

Олег уже собирался вернуться в свой кабинет, как вдруг порыв ветра распахнул окно, и вместе с ним медленно отворилась неплотно закрытая дверь Валерьяныча.

Шеф не шевелясь сидел в той же позе, что и те двое. Мышцы лица были расслаблены, отчего начальственная физиономия выглядела глупой и безвольной. Версия участия Шефа в глобальном первоапрельском заговоре пугала Олега своей дерзостью. Оставалось только од-

но: его никто и не думал разыгрывать. Обычное поведение обыкновенных зомби.

Все в порядке.

Олег продолжал завороженно наблюдать. Теперь уже стало ясно, что это вовсе не галлюцинации.

Шеф не замечал Карпова и по-прежнему не двигался.

Сзади незаметно подошла Леночка.

– Что вы хотели? – спросила она, удивленно хлопая длиннющими ресницами.

Олег прижал палец к губам и кивком показал на Шефа.

– А, заявление принесли? Оставьте на столе, – сказала она нарочито громко.

Валерьяныч тут же кашлянул и взял в руки какой-то справочник.

– Лена, кто там? Карпов? Пригласи.

Олег неуверенно вошел и, присев на краешек стула, проговорил:

– Евграф Валерианович... Это, наверное, глупо. И нетактично...

– Ну-ну, – поддержал его начальник.

– Для меня это очень важно. Что вы сейчас делали? До того, как вернулась Лена?

– Да я, собственно... – виновато начал Шеф, но сразу опомнился. – Слушай, а какое тебе дело? Ты кто такой, чтобы меня контролировать?

И, уже багровея и вставая из-за стола:

– Совсем распоясался, щенок! Будешь руководству указывать?

Олег тоже встал.

– Как самочувствие, Валерьяныч? – игриво осведомился он. – Прошел столбняк-то? Вы себя берегите, вам болеть нельзя. Такая ответственность! Вы ж не пенсионер и не женщина одинокая.

Шеф настолько растерялся, что плюхнулся обратно в кресло и некоторое время тупо смотрел на Карпова. Затем очнулся и обронил:

– Вон отсюда.

Олег истолковал приказ по-своему и, не заходя к себе в кабинет, отправился домой. Весь вечер он провел у телевизора. Карпов с нетерпением ждал информации о страшной эпидемии, но ни в одной программе о ней даже не обмолвились, и он понял, что телевидение уже заражено.

«В самом деле, – думал он. – Это же так просто: посмотрел на человека и сразу увидел, болен он или здоров. Ведь каждый кого-то знает, а следовательно, может определить, остался ли он тем, кем был. И только в одном случае никто ничего не заметит – если инфицированы все».

Ночью Карпов практически не спал. Одолеваемый тягостными раздумьями, Олег лишь изредка отключался, продолжая как часовой бдить одним глазом, поэтому утро он встретил с облегчением и, наскоро позавтракав, поехал в кафе у Ириного дома.

За прилавком его встретил веселый дядька с лицом, изъеденным оспой.

– Добрый день, – начал Карпов.

– Добрый, – приветливо кивнул оспенный.

– Скажите, где мне найти тетю Галю?

– Она здесь больше не работает.

– Тогда Люсю.

– Аналогично, – ответил буфетчик с притворным сочувствием.

– Скажите, а вы случайно не знаете Ибрагима? Седого такого, у него еще сын родился недавно.

Мужчина пожал плечами.

– Он мне очень нужен, поверьте.

Карпов скрипел зубами от бессилия. Рябой над ним откровенно издевался, но не бросаться же на него с кулаками!

– Они тут в прошлые выходные гудели, – напомнил Олег.

– Кушать будете? – бесцеремонно прервал его буфетчик.

Карпов как побитая собака поплелся к выходу, но у самых дверей остановился.

– Хотя бы телефон чей-нибудь дайте! – взмолился он.

– К сожалению, я потерял записную книжку, – нагло ответствовал оспенный.

Плюнув, Олег вышел на улицу.

«Местные торгаши, местные торгаши», – бубнил он как заклинание. Ни палаток, ни лотков поблизости не было.

– Бабуль! – окликнул он проходившую мимо старушку. – Скажите, пожалуйста, где здесь ближайший рынок?

– Ры-ынок? Тут нет никакого рынка. Базар был, во-он там, у метро. Его вчера снесли.

– Как снесли?

– А как сносят? Разломали ряды, побросали в грузовик да увезли, вот и вся недолга. Говорят, магазин будут строить.

Карпов вспомнил, что, выходя из метро, видел на асфальте длинные темные прямоугольники с ржавыми вмятинами по периметру, и почувствовал, что некто всесильный затеял с ним какую-то недобрую игру.

Играть в темную, да еще по чужим правилам, не хотелось, и через несколько дней Олег продал квартиру вместе со всем барахлом. Инстинкт, осевший в генах фронтовика-деда и отца – номенклатурного ра-

ботника, подсказывал: угроза всегда идет с Запада. Значит, отступать нужно на Восток.

В Ачинске у Карпова жил двоюродный брат, с которым они виделись всего дважды, последний раз – пятнадцать лет назад. Обременять родственника Олег не собирался: деньги, вырученные за хрущевку, для провинции были целым состоянием, к тому же Карпов считал, что голова и руки у него на месте, – как-нибудь устроится.

В Ачинск он прибыл со скромной спортивной сумкой. В ней лежали: костюм, две рубашки, смена белья, бутылка водки и двухтомник Борхеса. Из старой жизни Олег взял только самое ценное.

Брательник Вова оказался человеком положительным, но пьющим. Жена Володю бросила, причем это была уже третья женщина, не сумевшая вынести его перевоплощений. По трезвости Вова был скромен и мечтателен, однако «злоупотребив», превращался в деспота. У брата Олег провел лишь одну ночь, а на утро мухой полетел в агентство по недвижимости.

Работу он нашел легко. Зарплата рядового бухгалтера на заводе никого не прельщала, поэтому свободных мест было достаточно. Вскоре Олег сблизился с тихой, некрасивой девушкой Надей, также работавшей в бухгалтерии, и жизнь понемногу стала налаживаться. Снимать жилплощадь с продавленным диваном и черно-белым телевизором порядком надоело, и Карпов начал подумывать о покупке квартиры.

Апартаменты ему подобрал уже знакомый маклер, бывший настройщик пианино, оглохший вследствие отита. Олег решил, что пока он не осядет окончательно, на хоромы замахиваться не стоит, и приобрел простенькую квартирку в тихом переулке.

Надя, в чьей семье день без скандала считался прожитым зря, перебралась к нему с огромным удовольствием. Они и до этого не скрывали своих отношений, а теперь, когда их роман перетек в гражданский брак, на работе все были уверены, что свадьба не за горами.

Тревога, с которой Олег покидал Москву, понемногу проходила. Он все еще помнил о тех сомнениях и муках, но теперь ему казалось, что ужасы существовали как-то отдельно, сами по себе.

Однажды вечером, ложась в нагретую Надей постель, Олег понял, что пора жениться. Он размышлял две или три минуты, потом повернулся к Надежде и смущенно сообщил ей о своем предложении. В сумерках Карпову показалось, что Надя улыбается, на самом деле она неслышно плакала. Почувствовав на губах слезы, Олег встал и включил свет.

– Ты что?

– Я... так просто.

– Когда ты решишь?

– Сейчас. Я согласна.

Другого ответа он не ожидал. Их отношения складывались настолько гармонично, что лучшей жены Карпов не мог и представить.

Ачинск, видевшийся из Москвы чужим и далеким, как Луна, был в общем-то нормальным городом. К тому же не таким суетливым, как столица, и не таким равнодушным. Кроме того, любое место в России всегда выигрышно отличается от Москвы тем, что туда не рвутся карьеристы, авантюристы и прочая сволочь.

Карпов полагал, что, связывая с человеком жизнь, нужно доверять ему до конца. Нервно жуя сигарету и перескакивая с одного события на другое, он поведал Наде о том кошмаре, который пережил дома. Помявшись, рассказал и о своих выводах.

По его теории выходило следующее. В военных лабораториях одной из недружественных стран был разработан новый вирус, делающий людей похожими друг на друга. Строго говоря, это была не совсем болезнь: человек становился не хуже, а вроде как даже и лучше, поэтому диверсия до сих пор осталась незамеченной. Обращаться в правительство бессмысленно и опасно, поскольку вся Москва уже заражена и кроме инфекции там ничего не найдешь.

– Ты больше никому об этом не говорил? – спросила Надя.

– Без толку, – с досадой отмахнулся Карпов. – Перед отъездом пытался связаться с СВР, но...

В этот момент Олег увидел ее лицо и запнулся. В свой вопрос Надя вкладывала совсем другой смысл.

– Думаешь, я спятил? – осторожно сказал Карпов. – Эх, ты...

– Ну что ты, Олежек? – залепетала она. – Конечно, нет. На сумасшедшего ты не похож. Просто у каждого бывают такие моменты, когда...

– «Моменты»?! – взвился Карпов. – «Помере-ещилось»! «Все пройде-ет, все будет хорошо-о»!.. А какого же хрена я все бросил и притащился в эту дыру, а? Тоже «моменты»?!

– Ну, Олежек, нет худа без добра. Если б ты не переехал, мы бы и не встретились.

– Скажи-ите, какое счастье – встретились!

Чтобы не наговорить еще больших гадостей, Карпов ушел на кухню. Там, вглядываясь в черную беззвездную ночь и нервно тряся коленкой, он простоял с полчаса. Потом выпил стакан водки и закурил.

«Дурак! – клял он себя. – На что рассчитывал? На то, что полуграмотная девица сможет втиснуть в свой узкий лобик проблему такого

масштаба? Куда ей! Приняла за психа. Так тебе и надо».

Когда Олег вернулся в комнату, Надежда притворялась, что спит.

– Если ты мне не веришь, лучше уходи, – сказал он. – Уходи сразу.

Она открыла глаза и виновато улыбнулась.

– Потешаешься? За дурака меня держишь? Пошла отсюда! Вон!!

– Олег, ночь на дворе, – жалобно пискнула Надя.

– Чтоб духу не было!!

Карпов открыл шкаф и принялся выкидывать оттуда ее вещи. Весь Надин гардероб поместился в маленьком чемодане с самодельной тряпочной ручкой.

Суп, сваренный Надеждой накануне, Олег принципиально вылил в унитаз.

Отношения с коллективом почему-то разладились. Окружающие, в основном – пожилые дамы, встали на сторону Нади. Сам конфликт был им до лампочки, просто женщинам нравилась маленькая интрига, скрасившая однообразные будни. Начальство утвердилось во мнении, что «Карпов испортился». Теперь каждую его ошибку рассматривали как халатность, а из пятиминутного опоздания раздувалась целая катастрофа. Идиллия обернулась кошмаром, и Олег решил уволиться. Но все вышло иначе.

Он шел на работу в приподнятом настроении. В его кармане лежало аккуратно сложенное заявление об уходе, и злобные выпады коллег Карпова больше не волновали.

Навстречу Олегу попалась Елизавета Евгеньевна – это она по любому поводу бегала на него жаловаться и непрерывно подзуживала Надежду «показать этому мерзавцу». Карпов церемонно и слегка шутовски раскланялся, на что та неожиданно сердечно ответила:

– Вот так, Олег. Очень жалко. Нет, правда. Ты ведь человек неплохой.

– О чем это вы, Елизавета Евгеньевна?

– Узнаешь. Там, на доске объявлений...

С нарастающей тревогой Карпов устремился к темному корпусу заводоуправления и в коридоре, на квадратном куске ДСП, озаглавленном «Информация», увидел свежеприколотый листок со вчерашней датой.

«За аморальное поведение... За халатное отношение к служебным обязанностям... За создание нездорового климата... За... За... За... ...уволить».

– Во дают! – изумился Карпов.

Его беспокоил не столько факт увольнения – к заскокам окружающих он давно привык, – сколько намек по поводу нездорового климата. Подобное обвинение мог выдвинуть либо полный слепец, либо тот, кто сам серьезно болен.

Женщины встретили Олега с неподдельной скорбью. Их сочувствие не знало границ – обещали даже написать письмо к руководству с просьбой восстановить его на работе. От такой заботы Карпов чуть было не прослезился и пожалел, что думал об этих людях плохо. Елизавета Евгеньевна вернулась с двумя коробками пирожных, и все сели пить чай.

На лавочке у подъезда его ждала заплаканная Надя.

– Привет, – молвил Олег. – А ты чего не на работе?

– Отпросилась, – всхлипнула она. – Мне с тобой поговорить нужно.

– Ну, пойдем.

– Нет, лучше здесь. Я, Олежек, не хотела тебя обижать. Когда ты ночью про эпидемию рассказывал. Тебя мои слова задели, и ты вспылил. Я тогда не понимала. В общем, прости. Мне с тобой было так хорошо...

Надежда зарыдала и бросилась ему на шею.

– У меня сегодня самый счастливый день, – проговорил Карпов. – Приходи вечером, хорошо? Все образуется, вот увидишь.

– Приду, – кивнула Надя. – А сейчас мне бежать надо.

– Тогда до вечера.

– До вечера, – кивнула она, утирая слезы.

Зайдя в квартиру, Карпов сразу начал прибираться. Стыдно, если Надя обнаружит в его жилище помойку. Телефонный звонок застал его в разгар мытья полов.

– Олег, ты? Это Вова, привет.

– Здорово, Вова, – невольно срифмовал он. – Как дела?

– Лучше всех. Приглашаю на свадьбу. Часам к семи.

– На чью? – не понял Олег.

– На мою!

– Опять за старое?

– Да нет, Люба вернулась. Решили отметить.

– Вот те раз! Сегодня что, день примирения народов? Она же твою пьяную харю на дух не выносит.

– А я завязал, – гордо объявил Володя. – Серьезно. Уже месяц. Даже на свадьбе пить не стану. Только «фанту».

– Это ты молодец. Зашился, что ли?

– Нет, сам. Посидел тут, подумал и решил, что брошу. И бросил. Ну ладно, мне еще полгорода обзванивать. Подарок не забудь!

Не успел Карпов прополоскать тряпку, как раздался новый звонок.

– Привет, сынок.

– Привет, пап. Откуда у тебя мой телефон?

– Так я же, милый, не в бухгалтерии работал! Связи кое-какие остались. Вот ты, стервец, почему пропал? Хоть бы весточку какую дал – мол, жив-здоров.

– Извини, пап. Как твое здоровье?

– А, какое у старика может быть здоровье! Печень, проклятая...

Олег проболтал с отцом минут пять, а когда положил трубку, благодушие сменилось животным страхом.

Его догнали. Как резвая, вечно улыбающаяся собака колли догоняет теннисный мячик. Догнали и вот-вот прикусят крепкими зубами. Наверное, это будет не больно, но вырваться не удастся. Черта с два! Мы еще побарахтаемся!

Сначала нужно успокоить, притупить бдительность. Хотя кто знает, что у них за психология? Вот и батин звонок – нужен он им был? А ведь если б не отец, спекся бы Олеженька. Приполз бы к трезвеннику Вове, а Надюша-солнышко перекрыла бы отступление. Подонки!

Карпов торопливо перезвонил Володе и справился насчет его размера обуви.

– Туфли, что ли, дарить собрался? – прямолинейно спросил тот. – Сорок третий. Коричневые, слышишь? Черные у меня уже есть.

Прекрасно. Теперь, если даже за ним следят, он преспокойно отправится в центральный универмаг, а от него до вокзала – рукой подать.

В магазине Карпов купил не модные, но добротные ботинки. У него был тот же номер, что у Вовы, и сейчас это оказалось весьма кстати. Обходными путями Олег добрался до касс и в каждом окошке взял по билету, все – на разные направления.

Он спасся. Его чуть не взяли, зато теперь он знал об эпидемии гораздо больше. Вирус объединяет. Шурика, отца, Валерьяныча – всех. Объединяет и превращает в сообщников, это способ его существования. Каждый зараженный становится частью Системы, вот почему их действия были такими согласованными. Они вместе. Вместе – против него.

Карпов посмотрел на расписание. Поезд «Ачинск–Оконечинск» отходил через двадцать минут.

«...конечинск». Первая буква на здании вокзала отвалилась, но сути это не меняло. Состав выпустил из своего душного нутра двоих последних пассажиров, для края Земли – в самый раз.

В том, что он попал именно по этому адресу, Карпов не сомневался. Толпу встречающих олицетворял долговязый мужик в грязных кирзовых сапогах, бесцельно слонявшийся по дощатому перрону. Миновав пустой зал ожидания, Олег вышел на площадь, которая в Москве сошла бы за школьный двор. Того, что красиво называется сервисом, а именно: торговцев, носильщиков, воришек и прочего люда, харчующегося на вокзалах, не было в помине, и это говорило о том, что жизнь в Оконечинске патологически тиха. По мнению Карпова, именно таким и должно быть место, где беспечное человечество встретит свой последний день.

Дальше эвакуироваться некуда.

Если не случится чуда – а откуда ему взяться, чуду? – и зараза не остановится, значит, придется биться. Только с кем? Олег представил, как стреляет в отца, как втыкает нож в Надю, и содрогнулся. Вот если бы по приказу боевого командира, если бы все вокруг взялись за оружие, тогда и он не раздумывая пошел бы крушить налево-направо.

Олег решил окопаться и стоять до последнего. Он готов был полюбить этот город, стать его заботливым пасынком, превратить Оконечинск в последний бастион угнетенной, но не сдавшейся цивилизации, но город его не принял. Приличной работы для Карпова не нашлось. Несмотря на хроническую нехватку кадров, Олега оформили по временному договору. Целый год его обещали зачислить в штат, но дальше посулов не пошло. Соответственно статусу получил он и жилье: маленькую комнатенку в общаге, с удобствами в конце коридора. К тому же вскоре к Карпову подселили беженца из Узбекистана, бородатого инженера Аркашу.

Тот факт, что Олег приехал «с самой Москвы», у новых сотрудников вызвал лишь пошлое и обидное злорадство. Несколько месяцев Карпов привыкал к подозрительным взглядам и доказывал, что с прежнего места его выгнали по чистому недоразумению. В это, конечно, никто не верил.

Своей дружбы он никому не навязывал, слишком уж горький урок преподал ему Ачинск. Карпову вполне хватало двух собеседников – соседа по комнате Аркаши и бесшабашного весельчака Валеры на работе. Пара анекдотов во время перекура да вечерняя бутылка вина с соседом – таков был ежедневный лимит общения, который он себе отмерил.

Карпов стоял у дома культуры и растерянно глядел по сторонам. Низко над головой висели пузатые темно-серые тучи, и это означало, что солнышка, даже зимнего, дохленького, сегодня не предвидится. А

удастся ли ему вообще дожить до светлого дня? Или весну с ее ручьями, ожившими птицами, робкой зеленью встретит уже не он, а некто в его обличье – положительный, оболваненный, запрограммированный?

Надо было идти, и Карпов пошел – с каждым шагом набирая скорость, все быстрее и быстрее, потому что вспомнил, куда ему нужно. Олег побежал бы, но мешали тяжелые унты да толстый тулуп из нестриженой овчины, а еще неспортивная мысль о том, что до общаги слишком далеко, не хватит дыхалки. Лишь на мгновение он остановился у засыпанной выбоины, посмотрел, ковырнул тупым носком – ладно сработано, наши люди так не делают! – и поспешил дальше, стараясь не поскользнуться на раскатанном тротуаре.

В общагу. Только проверить. Только убедиться, что Аркадий еще здоров. Одному больше невмоготу. Только убедиться – и все. Ведь не могли же они подсунуть Карпову инфицированного и полтора года ждать. Если бы Аркашу и заразили, то уже после его приезда. А за этим Олег следил, ох как следил! Целую систему разработал: то варежки подарит с заводским клеймом, заведомо краденые, то спиртом угостит, опять же ворованным, то десяточку под кровать подбросит, особенно перед самой зарплатой, когда в кармане – одни ключи. Сосед вел себя естественно. Подарки принимал, спиртом угощался, найденным деньгам радовался. Выходит, не идеальным был. Здоровым.

«Последний раз доказать самому себе, и можно будет открыться, – подумал Олег. – И сразу станет легче, это известно. Ведь в компании и помирать веселей».

Половина окон в общежитии уже погасла: люди ушли на работу. Аркадий же частенько опаздывал, похоже, его начальство на такие мелочи смотрело сквозь пальцы. Вот и сейчас на четвертом этаже сквозь занавеску, сварганенную из казенной простыни, был виден его силуэт.

Аркадий брился. Не сидел, уставившись в стену, а ходил, водил машинкой по впалым щекам, что-то попутно откусывал... вот исчез... вот – снова появился, кажется, завязывает галстук.

Успел! Аркашка не с ними!

Олег так обрадовался, что начисто забыл про свой план, тем более что теперь он был ни к чему. По лестнице Карпов летел, как на свидание, перепрыгивая через две ступеньки.

– ...так ему и передай: к четвергу третью линию не запустить, – донеслось до Олега, и он слегка разочаровался, поскольку был уверен, что Аркадий один. – В лучшем случае, к понедельнику. Это если рембригада будет вкалывать все выходные.

Из комнаты, раздосадованно грохнув дверью, выскочил незнакомый мужчина. Аркаша сидел на кровати и изучал какие-то чертежи.

– Забыл, что ли, чего? – проронил он.

– Фу, запыхался. Кто это был? – требовательно спросил Олег.

– Да так, с работы. Зачем вернулся-то?

– Аркаш, у тебя есть полчаса? Хотя что я говорю? Ты выслушай меня, вот и все! Такое узнаешь... Возьми сигарету и держись покрепче. И никому ни слова!

Карпов раскрыл свою тайну торопливо, но толково. На деталях не останавливался – только суть. Даже сам удивился, насколько получилось красиво и убедительно.

Сосед слушал, с сомнением покачивая головой, но не перебивал. Под конец он и вовсе стал хлопать ладонью по коленке, будто сам о чем-то подобном догадывался, но не мог эти догадки свести в одну теорию или смог, но испугался поверить.

– А ведь точно! – воскликнул он. – Я все не врубался, что вдруг с моей Маринкой случилось, а она... жалко ее... А потом еще Николай Степанович, а потом – Севастьянов, Горохов, Хошимов...

– И ты замечал?! – обрадовался Олег.

– А то! Почему, думаешь, я из Бухары уехал?

– Ну, национальные проблемы...

– Я в Бухаре родился, меня там каждая собака знает. И по-узбекски я как по-русски. Все равно уехал. В Питер.

– И что? – страстно спросил Карпов.

– А ничего. Только освоился, чувствую: меняется все. Прямо на глазах. Не узнаю людей, перестаю их понимать.

– Что же теперь делать?

– Есть у меня в цехе двое – они, кажется, тоже подозревают. Так вот, для начала надо объединиться. Четверо – это уже сила. И ты у себя в отделе приглядись, покумекай. Ведь не может такого быть, чтобы кроме нас никто и ничего...

– Правильно, – согласился Карпов. – Чем больше нас будет, тем лучше. Главное – не посвящать случайных людей. Представляешь, что может подумать тот, кто сам этого не испытал? Нас же всех в дурке пропишут, пожизненно!

– Факт, – кивнул Аркадий. – Тогда уж мы точно сопротивляться не сможем. Действовать осторожно, но без волокиты.

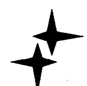
Олег застегнул тулуп и, на секунду задержавшись в дверях, спросил:

– Аркаш, ты в армии служил?

– Обязательно.

– Командовал отделением?

– Что, заметно?

– Только не считай меня бабой... С тобой спокойнее. И чего я раньше молчал-то?..

Карпов пулей вылетел из общежития. Настроение было уже другим: тревога и чувство безысходности испарились, на их место пришла решимость. Четыре человека! Раздобыть бы оружие. Теперь он не сомневался, что сможет его применить. Жалеть стоит только здоровых.

Олег глянул на часы и присвистнул: он опаздывал больше чем на час. Хотя какая теперь, к черту, работа?! Ладони зудели от жажды разорвать чье-нибудь горло. Добраться бы до их главаря... Ох, и отольется же ему! Карпов представил, как ловит организаторов диверсии, привязывает к стулу и начинает пытать. Нет, быстро умереть Олег им не позволит. Он будет медленно и страшно греметь хирургическим инструментом, а потом долго примериваться, с чего бы начать. Ведь страх мучительнее боли.

Карпов опомнился и умылся колким снегом. Нашел о чем мечтать! Он поймал себя на том, что до сих пор кружит около общаги.

«Да что же это со мной?» – обозлился Олег, и тут его взгляд упал на пожарную лестницу. Он так и не проверил Аркашу, а ведь в комнате с ним находился посторонний. Что, если, оставшись в одиночестве...

Карпов погнал эту мысль прочь, поскольку она топила последнюю соломинку. Олег категорически запретил себе думать о плохом, но укоренившаяся привычка подозревать каждого взяла верх.

Он встряхнул пожарную лестницу, та не поддалась – видно, примерзла насмерть. Стальные прутья обледенели, и унты, несмотря на рифленую подошву, скользили. Это почти не мешало, пока Карпов не поднялся до третьего этажа. С такой высоты падать было неинтересно.

Вверх! Осталось всего четыре ступеньки. Три. Еще шажок. Перенести левую ногу. Поднять правую. Занавеска отодвинута, и если немного подтянуться...

Аркаша сидел на стуле. Человеку постороннему могло показаться, что он просто задумался, но Олегу хватило и одного взгляда. Он понял все. Он уже видел эту позу и это выражение лица.

Чтобы заставить соседа очнуться, Олег решил разбить окно. Он размахнулся, но унты вдруг соскользнули, и Карпов повис на одной руке. Он начал отчаянно перебирать ногами и уже нащупал какую-то трубу, уже вытянул вторую руку и почти схватился, когда пальцы, не выдержав веса, разжались. Хотелось крикнуть, но легкие оказались на выдохе и кричать было нечем.

Часы остановились, поэтому, сколько прошло времени, Карпов не знал. Он осторожно пошевелился, боязливо ощупал ребра. Нескладно под-

нялся в три приема: на четвереньки, на колени, в полный рост. Так, позвоночник держит. Голова не болит, но слегка кружится. Да хрен с ней, с головой.

Олег посмотрел на свое окно – свет уже не горел. Значит, сосед слинял. Хоть бы скорую вызвал! Карпов оценил траекторию своего полета. Впечатляет. Если б не толстая овчина, синяками не обошлось бы.

Он сделал несколько шагов по двору. Земля под ногами пошатывалась, но это ерунда. Координация нормальная. Теперь на завод, и как можно быстрее. Там должен кто-то остаться. Не могли же они всех... Нет, не успели бы.

Карпов очень рассчитывал на Валеру, неунывающего остряка и мастера на все руки, – уж он обязательно должен что-то придумать. Он не может не придумать. Потому что больше идти не к кому. Если они заразили Валеру, тогда точно каюк.

Не дождавшись автобуса, Олег пошел пешком. Впереди маячила чья-то спина, и он удивился тому, с какой легкостью ее догоняет, – пока не понял, что человек стоит на месте.

Это была женщина лет сорока. Если не считать ярко-красной хозяйственной сумки, в ее облике не было ничего примечательного. Разве что лицо. Лицо было тем самым – тупым и мертвым. Дама стояла посреди тротуара и будто бы чего-то ждала. Карпов обошел ее вокруг, пощелкал у нее перед носом пальцами на манер невропатолога. Женщина не двигалась. Тогда, повинуясь какому-то нелепому желанию пошалить, Олег наклонился к ее уху и гаркнул:

– Эй!

Женщина вздрогнула.

– Добрый день, – улыбнулась она.

– Здрасьте, – процедил Карпов. – Давно прохлаждаетесь?

– Извините, я вас не знаю, – нахмурилась прохожая и двинулась вперед настолько уверенно, что Олега это позабавило.

– Сударыня! Не подскажете, который час?

– Без пятнадцати четыре, – не оборачиваясь, ответила сударыня с хозяйственной сумкой.

Ого! Сколько же он провалялся? И ведь ни одна гнида даже не поинтересовалась, жив ли.

Дама бодро прошла еще метров десять, потом ее движения стали вялыми и неохотными. Через несколько шагов она опять остановилась. Понимая, что ведет себя неприлично, Карпов без труда забрал у незнакомки сумку и повесил ей на шею, как ярмо. Затем снял варежку и ущипнул ее за нос.

Женщина заморгала, повернула голову и, увидев Олега, тепло улыбнулась.

– Добрый день, – сказала она.

Карпов согласно кивнул.

– Ой, мне нужно идти, – спохватилась дама.

– Понимаю.

Она вновь устремилась к неизвестной цели, на ходу снимая сумку. Как и в прошлый раз, хватило ее ненадолго.

Олег вздохнул и пошел на работу. Свернув на проспект Космонавтов, он обнаружил еще несколько живых статуй. Карпов сделал подсечку застывшему на перекрестке инспектору и только потом сообразил, что у него можно разжиться оружием.

Старший лейтенант поднялся с земли и принялся удивленно отряхиваться.

Олег кашлянул.

– Добрый день, – приветствовал его инспектор.

– Продолжайте нести службу, – строго сказал Карпов.

Инспектор немного потоптался на месте, вроде как согреваясь, и постепенно сник.

Убедившись, что тот отключился, Олег осторожно расстегнул кобуру и достал оттуда табельный ПМ. Пистолет оказался тяжелым и неимоверно холодным.

«Вот теперь повоюем!» – подумал он, пряча оружие.

На душе сразу потеплело. Только одна мысль продолжала тревожить: почему его до сих пор не тронули? Всех вокруг инфицировали, а его оставили. С какой целью? Как объект для экспериментов более изощренных? Как заложника? Или у него иммунитет?

«Глупо тыкаться вслепую, – подумал Карпов. – Проще разговорить одного из этих истуканов. Жалко, нет автомата», – совсем было раздухарился он и вдруг понял, что замершие прохожие – это и есть те самые враги, с которыми он еще недавно собирался поквитаться.

Ну и что? Собирался, значит, сделает!

Олег подошел к одной из фигур и вытащил пистолет. Снять с предохранителя, дослать патрон. Делов-то...

Он хамским подзатыльником сбил с прохожего засаленную ушанку. Перед ним стоял старик лет восьмидесяти – еще в силах, судя по тому, что оказался на улице без провожатых. А может, и не очень, просто устал ждать забывчивых внуков и, когда голод стал совсем невыносимым, кое-как выбрался из дома. Или пошел за лекарствами для своей больной бабки. Хорошо еще, если у него на это есть деньги...

Нет! Жалеть только здоровых! Только здоровых!!

Олег приставил ствол к морщинистому лбу, усеянному старческими пятнами, и зажмурился.

Нажать на курок. Трудно в первый раз. Потом будет легче.

– Добрый день, – услышал он слабый голос и от неожиданности чуть не выстрелил.

В глазах старика не было ничего, кроме горечи и тоски.

– Вы хотели меня убить? Вы сможете? – отстраненно спросил он, и Карпов поверил бы в его равнодушие и, возможно, смог бы, если бы не взгляд старика.

Дед не шевелился, но он не спал, а терпеливо ждал ответа. Ветер раздувал его выцветшие пряди, и Олег только сейчас заметил, какая вокруг тишина. И еще он представил, каково на таком холоде находиться без шапки. Бросив пистолет, он побежал за ушанкой. Та, подхваченная внезапным порывом, катилась к центру города, и Карпову показалось, что во всем Оконечинске осталось только два живых существа – он и этот головной убор. Когда Олег вернулся, старик уже заснул.

– Я не смогу, дедушка, не смогу! – бормотал Карпов, опускаясь на заснеженный асфальт.

Он почувствовал, что плачет, и утерся рукавом. Кудрявый отворот с маленькими серыми льдинками поцарапал переносицу, и тогда Олег заревел по-настоящему. Голося на всю улицу, он ползал перед стариком и вымаливал прощение, что-то рассказывал, бесконечно клялся. А потом, окончательно впав в истерику, лежал на тротуаре и тыкался лбом в дедовы поношенные ботинки, пока не понял, что тот зашевелился. Оторвав от земли лицо, Карпов с болью посмотрел на старика.

– Добрый день, – услышал он в который раз.

– Будь все проклято! – заорал Олег. – Ну, почему я? Почему?!

Вскочив, он понесся к заводу. Еще есть Валерка. На всей планете – только он один, и с ним такого случиться не может. С кем угодно, только не с ним. Пока он не увидит Валеру зараженным, будет жить надежда, что все еще можно вернуть и поправить.

Чем ближе был центр, тем больше народу встречалось на улицах, если сломанные куклы можно назвать народом. На него все так же не обращали внимания, и это начинало бесить. Вскоре Карповым овладела веселая неистовая ярость.

– Эй! Я уже здесь! – вопил он, приближаясь к очередному перекрестку. – Я уже иду! Всем команда «добрый день»! Глухие вы, что ли? Совсем оборзели, гады! Але! Рота, подъем!!

До завода он добрался к пяти, злой и совершенно осипший.

– Вале-ер! – позвал Карпов, но получилось так тихо, что он сам едва расслышал.

Вахтерша, в прошлом бойкая, юморная тетка, была похожа на мешок с картофелем. Олег сунул в рот сигарету и перепрыгнул через турникет.

Заводоуправление казалось не просто заброшенным, а разбитым, разграбленным, поруганным. Даже когда из-за аварии или забастовки работа в цехах останавливалась, здесь все продолжало бурлить: кто-то бегал по коридорам, звонили телефоны, директор громогласно объяснял инженерам, кто на заводе хозяин, поэтому Карпову было вдвойне странно видеть эти пустые кабинеты, бездействующие компьютеры, лежащие без движения документы.

– Лю-уди-и! – прохрипел он.

Одна из дверей распахнулась, из-за нее показался взъерошенный Валера.

– Олег? Ты что здесь делаешь?

– На работу пришел, – пояснил, пожав плечами, Карпов. – Опоздал вот маленько...

– Почему ты не в клубе?

– Где?..

– Праздник. Все гуляют.

– Праздник? – апатично спросил Карпов. – То-то я смотрю...

– Праздник, – повторил Валера. – Ты не в курсе?

– Да, не в курсе! – взорвался Олег. – Что празднуем-то? Апокалипсис?

– Ну, зачем так мрачно? Просто...

– Просто? Что просто? – Карпов схватил Валеру за грудки и встряхнул. Тот даже не попытался высвободиться, и Олег начал его раскачивать, как обильно родившую яблоню. – Все у вас просто! Где праздник, где? На улице?! По-твоему, это праздник? Слушай, ты ведь еще вчера был в порядке. Что случилось? Что они с тобой сделали?

– Пойдем.

В Валерином голосе послышалась железная уверенность в том, что все происходящее – хорошо и правильно.

– Ты... меня отведешь? – спросил Олег, не отпуская его пиджака.

– Да. Я тебя отведу.

«Чему быть, того не миновать, – бессильно подумал Карпов. – Все равно мне не выжить в этом городе».

Он ощутил, как остатки воли покидают его, заставляя кулаки разжиматься, а ноги – плестись вслед за Валерой.

Через некоторое время они подошли к дому культуры со знакомой статуей. Лопата была облеплена снегом, а безликий рабочий выглядел особенно изможденным, будто весь день убирал улицу.

— В подвал? Или вы уже не прячетесь?

— «Вы»? — хмыкнул Валера, но больше ничего не сказал.

В зале на пятьсот мест было пусто, тепло и покойно.

— Ну? — с нетерпением выдохнул Карпов. — Где?

— На сцене.

Олег взбежал по высоким ступенькам, но там тоже ничего не было.

— Ты ожидал увидеть что-то другое? — спросил Валера.

Да, он ожидал. Кресло с кожаными захватами, передвижной столик со шприцами и ампулами, на худой конец — таблетку. Тем не менее он был уверен, что его привели именно в святая святых, в то самое место, где здоровый становится больным.

— Смотри под ноги! — предупредил Валера.

На полу лежала квадратная черная плита, казавшаяся неимоверно тяжелой. Олег догадался: достаточно на нее подняться, и все закончится, и начнется новое — чуждое, непостижимое. То, что его нынешний разум не способен ни принять, ни оценить, ни осмыслить.

Олег достал сигарету и закурил. Потом педантично затушил окурок и загнал его в щель между половицами.

— Что ж, последнее желание исполнено. Зрители могут занимать места в партере и бельэтаже, — заявил он.

— Откуда столько пессимизма, Пионер?

— Вы перепутали текст, милейший. В нашей драме нет ни пионеров, ни октябрят — только палач и жертва. И поверженное Человечество в качестве массовки. Ладно, кончай балаган. Так залезать или разуться?

— Да ты же все забыл! — удивился Валера.

Не зная, как на это реагировать, Карпов стоял в полной растерянности и теребил ключ от комнаты. В сумрачной глубине зала открылась дверь запасного выхода, и в ярко-желтом квадрате появилась до боли знакомая фигура.

— Папа?! — воскликнул Олег.

Он боялся обознаться. Он понимал, что это невозможно, ведь отец болен и вряд ли смог бы приехать в Оконечинск самостоятельно.

— От эмоций нужно избавляться, Пионер, — доброжелательно сказал батя.

— Почему ты меня называ...

— Подготовка завершена, — деловито сообщил тот, кого раньше звали Валерой. — Транспорт готов.

Вслед за названием из омута памяти всплыло и назначение устройства, которое он принял за чугунную плиту, а через секунду и стран-

ное обращение «Пионер» из пустого звука превратилось в имя собственное. Его Собственное Имя.

Внезапное просветление быстро улетучивалось, оставляя Карпова в мрачной и тяжелой, как каменная глыба, действительности.

Валера с отцом стояли у сцены, тревожно переглядываясь.

– Просыпайся, Пионер, просыпайся. Время Рапорта!

Как он устал от этого кошмара! Понятно, что все вокруг спятили, но почему так быстро и так синхронно?

Олег презрительно сплюнул на черную платформу. Транспорт? Обыкновенный кусок железа. Что он здесь делает? Ах, да, это его эшафот. Можно начинать...

– Пионер, ты всех задерживаешь.

«Батя. Как он сюда попал? Почему так рано включили транспорт?»

В какой-то момент Олегу показалось, что наваждение отступает, и он попытался взять себя в руки.

– Координатор, нельзя ли на этот раз без меня? Формулу Рапорта я знаю наизусть, – сказал Карпов.

– Ты обязан присутствовать.

Олег нехотя вышел из зала. У дома культуры собрался весь Оконечинск. Люди были напряжены и сосредоточены – они жили. Отец забрался на постамент. Его голос донесется до каждого, где бы тот ни находился, но, похоже, Координатор не смог подавить местные поведенческие стереотипы.

Толпа зашевелилась, но не издала ни звука. Земные традиции отмирали – на смену им приходили другие, более привычные. Да и люди, взявшиеся за руки в сладостном ожидании, были не те. Уже не аборигены, но еще не граждане Системы, люди-заготовки, люди-полуфабрикаты, которых ждет долгая дорога познания.

– Я, Координатор, объявляю о том, что стадия подготовки завершена, – произнес отец. – Я, Координатор, объявляю о том, что ареал с самоназванием «Земля» отныне принадлежит вам. Желаю всем стремления к Совершенству.

Рапорт был стандартным, но, как всегда, слегка адаптированным к местным условиям. Его текст Карпову был знаком так же хорошо, как колыбельная из детства. Вот только чье это было детство?..

Олег из последних сил пробился сквозь волю посторонней личности, овладевшей его телом. Выкарабкался из бездонного колодца небытия, куда его равнодушно, мимоходом сбросили, и осмотрелся. Дом культуры со всех сторон был окружен неподвижными телами. На грузовиках их, что ли, сюда свозят?

Кто-то схватил Олега и потянул вниз, в глубину, и он, понимая, что

больше не вернется, мертвой хваткой вцепился в ускользающую реальность.

Папа стоял рядом со скульптурой и, чтобы не свалиться, держался за металлическую лопату, словно собирался ее отнять. Каменный работяга с плоским лицом был на две головы выше отца, однако раствор, из которого его изваяли, давно потрескался, и теперь гиганта мог обидеть любой.

Батя кивком приказал вернуться в зал, и Олег подчинился.

– Давай, – сказал Валера. – Я передал, что ты готов.

– Наверное, это почетно – быть последним, – задумчиво проговорил Карпов.

– Это опять ты? А где Пионер?

Карпов попытался что-нибудь съязвить, но чувство юмора осталось висеть в колодце.

Вот, пожалуй, и все. Он вспомнил, как это начиналось, как игрушечно, неопасно выглядели его первые догадки, и ему вдруг стало смертельно обидно за то, что он так ничего и не сделал. Ведь это он первым почуял неладное и забил тревогу. Впрочем, не стоит себя обманывать. Его окопы так и остались невырытыми, а блиндажи – непостроенными. Чему он посвятил эти два года? Лишь тому, чтобы уцелеть.

Да, Карпов уцелел. И теперь жалел об этом. А может – перехватило дыхание, – он и был одним из тех, кто нес в себе инфекцию?

Карпов попробовал плиту ногой. Твердая.

Через мгновение транспорт перенесет Пионера в новый, неосвоенный мир. А когда очередная цивилизация будет приобщена к Системе, он снова отправится в путь. Пионера не интересуют ни средства, ни сама цель. Процесс – вот его призвание. Он будет исследовать бесконечность до тех пор, пока не доберется до самого конца. Конца Света.

Олегу захотелось обняться – все равно с кем, лишь бы услышать простое «до свидания». Но на всей Земле даже и на такую малость уже никто не был способен.

И тогда он сказал самому себе:

– Прощай.

Дмитрий Янковский

ПЛАТО ВСЕХ СТИХИЙ

Не так уж часто авторы, работающие в жанре фэнтези, вдруг начинают писать хорошую НФ. Дмитрий Янковский — из тех, кому это удалось. Сперва он сочинял «славянскую фэнтези», которая публиковалась в серии «Загадочная Русь», затем создал геополитическую фантазию «Рапсодия гнева» и наконец перешел к «городской сказке» (опубликованы романы «Флейта и Ветер» и «Нелинейная зависимость»). Рассказ «Плато всех стихий» — новый этап в творчестве Дмитрия, который отправил своих героев на далекую планету, чтобы они обнаружили там земное волшебство.

Плевое дело
Осознать суть волшебства.
Раз — и готово!
Мацудайра

До взлета «Капы» оставалось шесть часов, и нас с Ленкой охватила предстартовая лихорадка – мы пронумеровали образцы кристаллов, упаковали их и провели консервацию транспорта. Говорили мы больше обычного, дурачились и смеялись, но я понимал, что наше возбуждение лишь ширма, за которой прячется грусть расставания с этой планетой. Лично мне улетать с Алмазной не хотелось дико, и видно было, что Ленка тоже не горит желанием на год задраиться в отсеках «Капы» под неусыпным надзором пишущей техники. Однако задержаться хотя бы на час мы не могли: «Капа» уходил к небесам в автоматическом режиме, и остановить процесс могло лишь наше отсутствие на борту. К тому же любая задержка привела бы к пересчету орбиты, а бортовые запасы воды и пищи не предусматривали значительного увеличения полетного времени.

Зарождался новый день – наш последний день на свободе. С каждой минутой становилось все светлее, и вскоре из-за горизонта должна была показаться Вера – спутник Алмазной, который всегда заслонял собой солнце, пропуская его лучи через свою синюю атмосферу.

Закончив со сборами, мы уселись на порог шлюза прощаться с планетой. За бортом виднелась каменистая пустыня и небо, на котором даже днем сияли лохматые звезды. Еще было видно Плато, где полгода назад мы с Ленкой впервые занялись любовью. Больше всего мне запомнилось именно то утро, через неделю после посадки. До него Ленке что-то мешало сделать первый шаг, я тоже не был готов к нему, хотя давно уже добивался ее благосклонности, еще на «Мамке». Но Ленка не обращала на меня внимания. Может, потому и согласилась лететь в одном экипаже. Вообще, в таких двойках старались сохранить прохладные отношения, несмотря на длительные сроки полетов. Кому же хочется, чтобы эксперты потом обсуждали записи интимных сцен?

До Алмазной я честно держался. И уже на месте – все время, пока мы занимались разгрузкой.

Но через неделю мы сделали первую вылазку на Плато. Ленка развеселилась на свежем воздухе и была особенно соблазнительной, а я старался держаться подальше, хотя думал только о ней, ходил злобный и плевался себе под ноги. В таком состоянии приходилось работать. Мы как раз нашли диковинную поросль кристаллов – это были тонкие штыри разной длины, самые большие из них достигали метра в длину. Чтобы хоть чем-то отвлечься от навязчивых мыслей, я отошел в сторону, отломил образец и сунул в анализатор породы.

Наверное, это глупо все выглядело. Ленка подошла ко мне и улыбнулась.

– Почему-то хочется это сделать, – сказала она и поцеловала меня в губы.

Потом мы безумствовали на расстеленных комбинезонах, опьяненные неожиданным счастьем. Словно нам не хватало именно этой планеты, словно в душных отсеках «Капы» наши чувства были закатаны подобно консервам в банке. Планета нас сблизила, но теперь все могло обратиться вспять: неизвестно, кого мне назначат напарником в следующий рейс. Да и вообще, на Земле все иначе.

От досады я плюнул в раскрытый люк.

Ленка внимательно посмотрела на меня.

– А зачем ты тогда на Плато плевался? – неожиданно спросила она, крутя в руках серый кристаллический штырь, отломленный мною в то самое утро.

Мы набрали тогда их штук десять на образцы. А этот, маленький, Ленка таскала в кармане все полгода, что мы провели на Алмазной.

– Там не хватало одной стихии, – важно сказал я, не желая раскрывать истинную причину своего тогдашнего поведения.

– Вот чокнутый!

– Нет, правда! – Я воодушевленно начал развивать только что родившуюся теорию. – Там всегда есть ветер, там есть земля, там есть огонь солнечных лучей и пустота космоса. А воды нет.

– Пустота есть везде, а воды на Алмазной отродясь не было, – усмехнулась Ленка. – Так ты думал наплевать озерцо?

– Плато – единственная возвышенность на планете. – Меня потянуло поспорить. – Оттуда до пустоты космоса ближе всего.

– Ну и что?

– В этом есть какая-то магия. Мне казалось, что если добавить в эту смесь воду, что-то должно измениться.

– Я же говорю – чокнутый. – Ленка прижалась щекой к моему плечу. – Честно говоря, мне кажется, что ты плевался просто от злости.

Мы помолчали, скорее всего думая об одном и том же.

– А вообще, – вдруг сказала Ленка, – если бы ты знал, что одно твое желание наверняка сбудется, что бы ты загадал?

– Стал бы волшебником. – Мне хотелось съязвить в отместку за надругательство над моими стихиями.

– Никакой романтики, – вздохнула Ленка, пропустив мою иронию мимо ушей. – А вот я бы хотела, чтобы мы с тобой никогда не расставались и умерли в один день. Как в сказке. Ой! – Она выронила штырь из пальцев, и он вдребезги раскололся, ударившись о стальной пол.

Ленка со вздохом смахнула осколки за борт.

– Мы же этих штырей упаковали с десяток, – успокоил я ее. – Взлетим, достанешь еще.

– Хочется сходить на Плато еще раз... – тихо сказала она.

– Сумасшедшая, – фыркнул я.

– Еще пять часов до отлета... – в ее голосе послышались умоляющие нотки. – Самое большее час туда, час обратно!

– «Капа» прекратит сборы, если мы умотаем. – Мне показалось уместным привести хоть какой-то рациональный аргумент.

– Мы можем снять браслеты, и «Капа» не узнает, что мы ушли. Тебе не хочется попрощаться с Алмазной?

Я не ответил. Идея была романтичной, но уж очень расходилась со всеми инструкциями.

Плато высилось всего в каких-то полутора километрах – даже пешим ходом рукой подать. А оттуда видна половина мира и восходящая

Вера в сияющей короне света. В общем, отличное место для прощания. Мы оба это понимали прекрасно, и нас неодолимо манило туда.

К тому же воспоминание о близости с новой силой пробудило во мне желание, и я знал, что Ленка не станет заниматься любовью на корабле под надзором приборов. Она не делала это из принципа, каждый раз затаскивая меня на Плато – вершину этого мира.

– Мы могли бы повторить все, что было в тот день, – тихо сказала она.

Мое сердце забилось чаще. Такого раньше никогда не бывало, каждый раз Ленка пыталась устроить все так, словно случайно поддалась порыву неожиданной страсти. Мне это было внове и потому возбудило до крайности – без лишних слов я расстегнул браслет и забросил его в коридор. На Плато так на Плато, черт бы его побрал! Ленка тоже скинула свой браслет, и мы осторожно, словно «Капа» мог нас застукать, спустились по трапу на грунт. Из люка послышался вызов связи с «Мамкой».

– Ответим? – остановился я.

– Мы могли уйти и не слышать. – Ленка потянула меня за собой.

– Они знают, что мы на борту.

– Пусть идут к черту. Вернемся, тогда и ответим. А то испортят все настроение.

На моем месте было глупо перечить.

Было еще прохладно, так что мы легко добрались до Плато через безжизненную, как и вся планета, каменистую пустыню. Это был мир кристаллов, их обиталище, а заодно невиданный ранее заповедник алмазов. Но это важно для Земли – не для нас.

Взобравшись на Плато, мы увидели все, что хотели. Вечный ветер свистел в ушах, а звезды тепло полыхали в небе, напоминая диковинные цветы на фиолетовой глади пруда.

– Красиво как! – Ленка восторженно сжала мою ладонь. – Каждый раз все будто впервые!

Я сощурился от нарастающего блеска алмазов, понимая, насколько она права. Сердце едва не выскакивало у меня из груди.

И снова восторг быстро перерос в страсть, и снова мы неистово, до одури, любили друг друга, а из-за горизонта вставала Вера, пылающая в лучах здешнего солнца.

– Пора возвращаться, – не открывая глаз, шепнула Ленка, когда все закончилось. – А то «Капа» уйдет без нас.

Мы оделись. Утомленный, я начинал злиться на то, что ничего не мог изменить в предначертанном ходе событий. Даже для Ленки. Мне не хотелось улетать, чтобы навсегда с ней расстаться! В сердцах я пнул

торчащий из грунта штырь, он обломился и закувыркался в алмазной щебенке.

– Лучше бы взял на память, – вздохнула напарница.

– У нас их полный ящик на «Капе», – отмахнулся я.

Ленка не ответила. Мы начали спускаться, я хотел подать ей руку, но сам потерял равновесие и провалился ногой в расщелину. Боль молнией пронзила тело. Ленка бросилась мне на помощь, помогла выбраться, но это уже мало что меняло. Перелом голени был виден невооруженным глазом. А вокруг только камни – даже шину сделать не из чего, не говоря уж о подобии костыля. Я скрипел зубами и пытался сохранить мужественный вид.

– Штырь! – вдруг сообразила Ленка и бросилась назад на плато.

Я полез в аптечку за обезболивающим и всадил себе двойную дозу в бедро. Прямо сквозь ткань комбинезона.

Ленка вернулась с полуметровым штырем и, причитая, начала приматывать его бинтом из аптечки к моей ноге. Я все-таки пару раз потерял сознание. Потом начало действовать обезболивающее, и мир вокруг сделался не таким безобразным.

– Это все из-за тебя! – прошипел я сквозь зубы. – Чего нас вообще понесло наружу? Все люди как люди... Извращенка!

Ленка влепила мне отрезвляющую пощечину. Ее решимость в экстремальной ситуации заставила мои мозги стать на место.

– Иди на «Капу», – посоветовал я. – Выбросишь браслеты наружу, и он не улетит.

– А пересчет орбиты? – Ленка от волнения закусила губу.

– Не дадут же нам умереть с голоду! Свяжемся с «Мамкой», когда подлетим поближе, оттуда вышлют транспорт с провизией. Ну же! Меня ты все равно за оставшиеся два часа не дотащишь.

Напарница поцеловала меня в губы и со всех ног бросилась к кораблю. Я услышал удаляющийся шорох щебня. Боль отступала, но действие наркотика оказалось более сильным, чем я ожидал, – во мне начали формироваться странные образы, сотканные из воспоминаний и бреда. Это было особое состояние, при котором подсознательный анализ включился на полную мощность. Поначалу видения имели абстрактный характер, но затем я начал замечать в них до странности искаженное отражение происшедших событий. То, что в нормальном состоянии казалось мне важным, почти полностью утратило смысл, а всякие мелочи, вроде нечаянно оброненного слова или разбившегося штыря, показались мне столпами мироздания. Все нелогичные вещи вдруг выстроились в изумительную теорию, нуждавшуюся в немедленной проверке. В общем, я понял, что нас ждет, если мы взлетим на

одном корабле. Будь то сейчас или в любое другое время.

– Лен! – несмотря на боль, мне пришлось крикнуть во весь голос. – Стой!

Она не отозвалась: видно, отбежала уже далеко. Мне не оставалось ничего другого – я напрягся и с трудом вытащил кристаллический штырь из бинтов. Мысли метались алыми сполохами. Мне надо было проверить свои догадки. Немедленно!

Я согнул здоровую ногу в колене и переломил об нее кристалл. Затем представил себе то, чему нужно случиться. Прошла секунда, две, три. В голове начало проясняться. Моя бредовая теория уже начала мне казаться ошибочной, когда воздух рвануло сокрушительным взрывом. Теплая волна скользнула надо мной и грохочущим эхом откатилась от скал Плато.

Я все-таки потерял сознание, а когда очнулся, Ленка уже была рядом.

– Это все я накликала... – шептала она, сидя рядом со мной на корточках. – Дура. Теперь точно умрем в один день. От голода.

Я перевернулся на бок и посмотрел туда, где недавно возвышался «Капа». Разбросанные взрывом обломки все еще полыхали, чадя густым дымом. Среди них я разглядел то, что искал, – оранжевый аварийный блок. Нормально. Этих запасов нам хватит недели на три.

– Не реви, все теперь будет хорошо. – Я попробовал успокоить напарницу, но она пока мало реагировала на внешние раздражители.

Может, ей тоже обезболивающее вколоть?

В темном небе начали прорезаться первые росчерки падающих метеоров. Если бы «Капа» взлетел по программе, через пару минут сквозь него можно было бы муку просеивать. Вот о чем нас хотели предупредить!

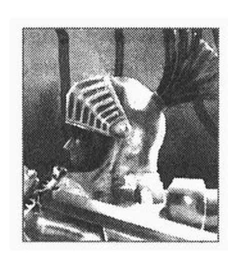
– На падающие звезды можно загадывать желания, – снова окликнул я Ленку.

Она с удивлением глянула на меня. Кажется, еще не поняла причину моей уверенности.

– Любые? – Напарница еще несколько раз всхлипнула и вытерла слезы.

– Скорее всего, любые. – Я поднял с грунта обломок штыря и еще раз переломил его надвое.

Александр Зорич

КОНАН И СМЕРТЬ

Харьковский фантаст Александр Зорич долгое время оставался весьма загадочной фигурой для своих коллег и поклонников литературы. И лишь недавно маска была сброшена — как оказалось, под ней скрывались университетские преподаватели Яна Боцман и Дмитрий Гордевский. Сегодня Зорич расширяет сферу литературных интересов, от приключенческой фэнтези переходя к историческим фантазиям («Карл, герцог») и даже к киберпанку («Сезон оружия»). А повесть «Конан и Смерть», которую печатает «Звездная дорога», вполне можно назвать постмодернистским пастишем, где перемешаны традиции «конаниады», мифы Северной Европы и шутки с сайта «Анекдот.ру».

Через удушливый ельник, стеснивший мощеную дорогу, пробирались двое. Среди этих двоих огромным ростом, богатырским разворотом плеч, солдатской стрижкой а-ля Тиберий и свирепостью лица, не смягченного подлыми благами цивилизации, выделялся тот, кто вышагивал позади.

Это был Конан, варвар из Киммерии.

– А правда, что датчане называют ясень «конем Одина»?

– Правда.

– А когда они хотят сказать «медведь», говорят «волк пчел»?

– Временами – да.

– А «море»? Они и впрямь говорят «дорога китов»?

– И еще «лебединая дорога».

Заморский король Конан недобро поглядел на нидерландского королевича Сигурда.

– Не врешь?

– Вы хотите обидеть меня, король Конан. Я никогда не вру.

Последнее было желаемым, но отнюдь не действительным качеством натуры Сигурда. Врал он часто, но по малости лет далеко не всегда искусно.

– А как будет «меч»?

– «Меч»? М-м-м... «Жезл Одина».

– Жезл... Клянусь Митрой, это глупо.

– Обычно датчане говорят «меч», «море», «медведь». Это только в песнях у них все называется не по-людски, – попробовал защитить датчан Сигурд.

– Вдвойне глупо. Называть одно и то же по-разному! Предположим, я убил демона, спас дочь офирского визиря и захожу в харчевню. И там говорю: «Подать мне бочонок с промоканием горла! Да поживее!» А когда разносчик сообразит, что я прошу вина, скажу: «Иди прочь со своей жменей поноса!»

Конан расхохотался.

Уа-ха-ха. Пауза. Уа-ха-ха. Пауза. Уа-ха-ха.

– На Гнитайхеде лучше не шуметь, – предупредил Сигурд.

– Демоны? Эмпузы? Пикты? Понимаю.

Конан опустил ладонь-лопату на рукоять кинжала.

– И виверны, – добавил Сигурд.

Ни виверн, ни эмпуз на Гнитайхеде не водилось. О демонах Сигурд представления имел более чем смутные, а о пиктах не слыхал вовсе.

Не принято было на этом острове смеяться, озорничать, повышать голос без нужды – и все тут. Обычная дань уважения. Как в церкви.

– Виверны практически безопасны, – авторитетно заметил Конан.

Потом добавил:

– Но весьма страховидны.

«Не страшнее нас с вами», – подумал Сигурд.

– Бывает и хуже, – обтекаемо заметил он вслух.

Конан сразу же оживился.

– Мне ли не знать?! Да будет тебе известно, в подземельях Пунта я выдержал схватку с самим Змеем Сах, порождением Хаоса!..

И до самого заката Киммериец уже не давал Сигурду вставить ни словечка сверх расхожих «ого!», «да ну?», «вот это да!».

Найти проводника здесь непросто. Батавы Нидерланда суеверны и вместе с тем до смешного бескорыстны. Услуга, которую в Пунте или Офире было бы легко приобрести за деньги, у этих варваров бесплатна. Но, презрительно отворачиваясь от золота, батавы одновременно отказываются и от дальнейшего общения с чужаком.

К счастью, нидерландская знать наслышана о Конане Киммерийце.

Поэтому, когда я, отчаявшись, все-таки решил явиться ко двору короля Сигмунда и смог доказать, что являюсь тем самым легендарным Конаном, мне поднесли хорошую выпивку, сносную закуску и навалились со всех сторон с расспросами.

Когда я изложил свою просьбу, она вызвала удивление, но, хвала Митре, не встретила отказа. Хорошо быть королем, пусть даже и бывшим.

До самого логова Фафнира меня вызвался сопровождать Сигурд, младший сын короля Сигмунда. Чтобы не обидеть своих гостеприимцев, я сразу согласился, хотя предпочел бы общество валькирии. Но валькирий при нидерландском дворе я не приметил. Еще один повод не доверять «наидостовернейшим историям» о заморских странах. Сулят алмазных джиннов верхом на золотых симургах, а приезжаешь – непочтение к Митре, демонопоклонство, чернокнижие.

Сигурд – нелюдимый малый лет пятнадцати. Кажется, он меня боготворит. Все время смотрит в рот и ничему не перечит.

Старший брат Сигурда – редкая сволочь, сразу видно. Одно имя чего стоит: Атаульф! Кукарекульф.

Сигурда немного жаль. Из всех папашиных земель ему достанется хрен с изюмом. У батавов с этим строго: чтобы не дробилось нажитое ратными трудами королевство, все земли купно с движимым и недвижимым имуществом наследует старший сын. Даже захудалой марки Сигурду не светит.

Он волен выбирать между куцым списком придворных должностей, карьерой епископа (так здесь называют верховных жрецов) и дальними странствиями. Судя по отрешенности взора, Сигурд готовится к жречеству.

О Фафнире он знает не больше моего. Или не хочет рассказывать. Последнее маловероятно, поскольку отроки обычно простодушны и сразу же спешат выболтать все, что знают, дабы возвыситься в глазах старших. Особенно столь авторитетных, как я. С другой стороны, он не настолько самодоволен и напыщен, как аристократы Аквилона. Те еще в пеленки мочатся, а их уже распирает чванством, как петухов после случки.

Постараюсь все-таки Сигурда спровоцировать.

– У вас в стране об этом не принято говорить, но Фафнир время от времени требует человеческих жертвоприношений.

– Откуда вам это известно?

– Слышал от одного знакомого дракона.

По лицу Сигурда видно, что он не верит.

– Вероятно, тот дракон хотел очернить своего единоплеменника. Ес-

ли бы Фафнир требовал жертв, кто предоставил бы ему убежище?

Это что-то новое – насчет убежища. Главное – не подавать виду, что ему удалось меня удивить.

– Ха, «убежище»! Уверен: это никакое не убежище. Фафнира держат здесь, на Гнитайхеде, про запас. Приберегают либо для войны, либо для теургии. Либо для чего похуже. Мы друг друга отлично понимаем, Сигурд, ведь так?

Удивительное дело: малец растерялся! Покраснел. Смотрит в сторону. Что-то я нащупал – чего мне, чужаку, знать не положено...

Правильно я сделал, что оставил свою шайку и махнул сюда, на Край Земли. Только здесь и осталось еще место настоящему подвигу.

– Это верно, – отвечает тут Сигурд, собравшись. – Вы, король Конан, очень проницательны. И потому мне придется просить Фафнира взять с вас особую клятву никогда и ни с кем не делиться вашими подозрениями.

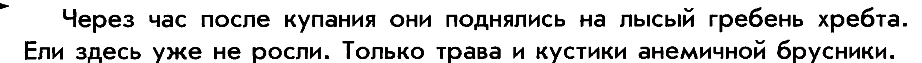
И тут я снова смотрю на гаденыша и вижу, что от маленького варвара немногое осталось. Будто сам владыка времени Зерван снизошел в эту глушь и вылепил нового Сигурда взамен прежнего. Статный, спокойный и страшный – такой, сдается, далеко пойдет. И отнюдь не в епископы.

Два дня восхождения на хребет Глербьёрг предоставили Сигурду возможность наглядеться на заморского гостя вволю.

За пояс Конана, изготовленный из дивной – вероятно, линдвурмовой – кожи, был заткнут длинный кинжал с костяной рукоятью. Меч варвара имел такие невероятные габариты, что в поясных ножнах ему делать было нечего – они волочились бы по земле, оставляя корявый след. Поэтому Конан носил меч на плече, обмотав его сафьяном.

Самыми броскими предметами королевского туалета были шелковые шаровары – некогда, вероятно, роскошные – и чудные кожаные туфли с загнутыми кверху носками. За спиной Конан тащил мешок с пожитками, которые, по его словам, были представлены «амулетами, талисманами и ядами». Однако каждое утро и каждый вечер вместо амулетов и талисманов варвар доставал из мешка большое зеркало из полированной бронзы и замечательный бритвенный ножичек. Побрившись, он притирался мазями из двух склянок и молился на тарабарском языке неведомым Сигурду богам.

В лицо, шею, руки Киммерийца глубоко въелся невыводимый загар. При этом его торс и плечи, скрытые под рубахой и кольчугой, загорели куда слабее. Это выяснилось, когда они ополоснулись в горном водопаде уже под самым гребнем Глербьёрга.

Через час после купания они поднялись на лысый гребень хребта. Ели здесь уже не росли. Только трава и кустики анемичной брусники.

Долина у подножия была подернута дымкой. Лес, оставшийся у них за спиной, не смог выбраться наверх, не смог он и спуститься в долину. Кое-где на северном склоне виднелись прозрачные рощи – и все.

Мощеная дорога уходила влево, забираясь все выше по гребню Глербьёрга. От мостовой отщеплялись две тропы. Одна вела вниз, в долину, вторая – направо, в развалы серых валунов. Прямо перед Сигурдом и Конаном торчал придорожный камень, исписанный красивыми рунами.

– Не умеете читать руны?

– Не умею.

– То-то же. А я умею. Написано на камне вот что: «Налево пойдешь – забвение найдешь. Направо пойдешь – смерть найдешь. А прямо пойдешь...»

Сигурд наморщил лоб, припоминая перевод. На самом деле руны он еще читать не научился.

– «А прямо пойдешь...»

– Неважно, – оборвал его варвар. – Пойдем, что ли, направо? Наверняка «смерть найдешь» – это про вашего Фафнира.

– Плетью косу правите, король Конан. Ни в коем случае нельзя нам направо. Там действительно Смерть. Настоящая. Кто ходил налево – о тех ничего не известно. А кто направо – тех потом встречали. Только не их самих, а призраков. Понимаете? Налево – забвение, направо – Смерть.

– Чего ж тут не понять.

– Ну вот. Поэтому нам прямо – вниз, в долину. Вам повезло: приди вы к нам весной или в начале лета, никто не вызвался бы вести вас к Фафниру. Опасно, можно сгинуть без следа. Топи.

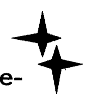
– Хорошо, хорошо. Тогда ясно, что на твоем камне написано: «Прямо пойдешь – Фафнира найдешь». Так?

– Так.

Сигурд через силу кивнул. Он вспомнил, что гласили руны: «Прямо пойдешь – могилу дурака найдешь».

Королевич показал себя хорошим ходоком: мы почти сбежали с горы, причем ему даже удалось вырваться вперед. Потом мы пересекли топи. Действительно, коварные. Тропа потерялась, но Сигурд безошибочно чуял, куда нужно ступать. Мои щиколотки остались сухими.

Стало ясно, что малец здесь бывал и раньше. Когда я спросил его прямо, он неохотно ответил, что да, бывал. Вместе с отцом. Но тогда

он был совсем еще ребенок, а потому к Фафниру его не пустили. Сегодня он впервые повстречается с мудрым змеем, задаст ему вопросы и утолит свою жажду истины.

«Как и вы, король Конан», – гордо добавил Сигурд. Гордость королевича была вполне объяснима: факт совместного путешествия к дракону как бы ставил его вровень со мной.

Да уж, будут тебе вопросы. Если там, в логове, вообще кто-то есть, этот кто-то едва ли рад своей незавидной доле – утолять отроческую «жажду истины». Варвары не отягощены пустым чадолюбием, а потому легко представить, что папаша твой Сигмунд загодя сговорился с Фафниром. Продал ему твою душу, а когда я подвернулся – решил воспользоваться удобным случаем и заплатить Фафниру по счетам, да еще с прибавкой в виде сытного Киммерийца.

Как дневной свет ясно: не станет дракон, порождение Ангра-Манью, прохлаждаться в логовище без своего интереса. А какие интересы у порождений Ангра-Манью, мы знаем... Да только не на того напали!

За топями снова началась чаща. Поганая, заваленная буреломом и очень сырая. Тропа задралась вверх, петляя между каменьями вдоль ручья, и наконец вывела нас из леса под открытое небо.

Мы остановились на краю просторной поляны. В ста шагах перед нами темнела широкая скальная стена. Задрав голову, я убедился, что ее верхний край теряется в сгустившихся тучах.

Удивительно – с вершины хребта, глядя через долину, я не видел ничего, похожего на этого каменного исполина. Я приободрился: место, значит, колдовское. Не жаль будет потраченного времени.

У подножия скалы, примерно в футе над поляной, краснела обильно сдобренная ржавчиной железная дверь – огромная, шириной в три телеги. Ни петель, ни запоров я не приметил.

– Как величают ваш меч?

Сигурд говорил тихо-тихо. Видать, боялся дракона. Боялся, несмотря на то, что находился под моей защитой. Да он сам не верил, что получит ответы на свои вопросы! Не верил, небось, даже в то, что ему вообще представится возможность эти вопросы задать!

– Чего?

– Имя. У вашего меча есть имя?

– Зачем?

– Надо же как-то к нему обращаться!

– А надо?

Тут я вспомнил, что у этих варваров такой обычай: молиться своему оружию. Воистину нет ничего безбожнее – поклоняться железу, которое всечасно оскверняется нечистой кровью врагов и гадов. Но это гиб-

лое дело: разубеждать людей в заблуждениях, унаследованных ими от дедовских пращуров.

– Надо, – тем временем ответил Сигурд. – Имя моего меча, например, Грам.

Мне не оставалось ничего другого, как припомнить первое подходящее местное слово.

– А моего – Ридиль.

– Что же вы сразу не сказали?

– Не люблю такие вещи попусту выбалтывать. Но коль уж ты имя своего назвал, то и я называю.

– Хорошо. Дайте, пожалуйста, Ридиль сюда. Мне нужно с ним поговорить.

Предельная серьезность королевича к глумлению не располагала. Я размотал сафьян и протянул Сигурду свой меч, который – да-да! – отныне зовут Ридилем.

Сигурд аж крякнул. Ясно, к таким игрушкам королевич не привык. Его собственный меч едва ли превосходил весом и длиною мой кинжал.

Кое-как взгромоздив Ридиль на плечо, Сигурд отошел в сторонку, под древний ясень. Там он воткнул оба меча – и мой, и свой – в землю.

Королевич опустился на колено, молитвенно сложил руки и принялся бормотать. Пытался, небось, их на разговор вызвать – наши мечи. Умора!

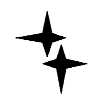
Пора было и мне о деле подумать. Я достал из мешка шангарское ожерелье из черных коробочек убой-мака и ладанку с засушенным ухом аграпурского колдуна Иовамбе. Ладанку вместе с ожерельем я надел на шею, а на указательный палец – перстень Эфирного Паука.

Подумал немного – и забросил мешок обратно за спину. Мало ли что? Конечно, без поклажи за спиной с драконом толковать сподручнее, но о вездесущем ворье забывать нельзя. Безлюдье здешних мест не должно усыплять мою бдительность. Воруют ведь не только люди. Те же виверны, например...

Сигурд продолжал свои беседы с Грамом и Ридилем. Мечи, однако, не отвечали ему ни звоном, ни даже самым тихим писком.

А вот *меня* услышат – потому что я знаю, к кому и как обратиться. Я повернулся лицом на восток и прочел из «Михр-яшт» слова, которые некогда приносили мне победу над целыми странами:

Мы почитаем Митру...
Он битву начинает,

Выстаивая в битве,
Выстаивая в битве,
Ломает войска строй;
И все края волнуются
На бой идущих войск,
Трепещет середина
У войска кровожадного;
Несет им властный ужас,
Несет им властный страх,
Он прочь башки швыряет,
Людей, неверных слову...

Когда я закончил свои приготовления, Сигурд все еще стоял на коленях под ясенем. Я подошел к нему.

– До утра бормотать собрался?

Сигурд вроде как не слышал.

Я схватился за рукоять своего меча и вознамерился вырвать его из земли. Хватит, отроче, наговорился.

Как бы не так. Ридиль сидел в земле так прочно, будто пустил корни. Или, как сказал бы старый гнусный Иовамбе, застрял в зубах у Нергала.

Я присел на корточки, подставил плечо под крестовину меча и попытался распрямиться. Я надеялся вызволить свое оружие хоть так.

Не помогло и это.

Сигурд, на виду у которого я в угрюмом молчании предпринимал эти унизительные попытки, наконец проснулся:

– Король Конан, чем вы заняты?

Сдержать гнев мне стоило немалого труда.

– Не видишь – меч достаю. Что с ним?

– Ничего страшного. Железо поступило под покровительство священного дерева. Дерево отдаст нам мечи после того, как мы переговорим с Фафниром.

– И никакая сила не сможет его оттуда извлечь?

– Едва ли.

– А ты не боишься идти к дракону без оружия?

– Нисколько. Напротив: я боюсь идти к дракону с оружием.

Тут до меня кое-что дошло: по таинственной причине Сигурд не принимает в расчет мой кинжал. Или он полагает кинжал безопасным, или таковым его, по мнению королевича, полагает Фафнир. А скорее всего – Сигурд о моем кинжале просто позабыл. Порою какой-то предмет так примелькается, что перестаешь его замечать вовсе.

Но вдруг Сигурд прозреет? Тогда он потребует, чтобы я доверил ясеню и свой кинжал!

Я – как мог непринужденно – улыбнулся и сказал:

– Хорошо же. Тогда отпирай, наверное, Фафнира, а я сейчас отойду в сторонку и скоро вернусь.

– Зачем в сторонку?

– Не могу же я помочиться под вашим священным ясенем! Ведь, как сказали бы датчане, «негоже пеной чрева коня Одина сквернить». Верно?

Кажется, смешно получилось. Я расхохотался.

Отойдя в кусты и все еще похохатывая, я достал из своего мешка крохотную, в два наперстка, бутылочку. Эта махонькая вещица в свое время была оплачена жизнями целой пиратской ватаги.

Бутылочка содержала пот ракшаса-невидимки. Я смочил этим зельем ножны и рукоять кинжала. Кожа на глазах точно выцвела; побелела и желтая слоновая кость. Утрачивая природный окрас, все субстанции, составлявшие ножны и кинжал, напитывались новым цветом – *цветом невидимости*.

Оружие на глазах растворилось в воздухе. И вместе с тем я попрежнему осязал его от гладкого костяного шарика на верхушке рукояти до серебряной нашлепки на законцовке ножен. Все на своих местах. Да и могло ли случиться иначе?

Пота ракшаса-невидимки надолго не хватит. Скоро он высохнет, и зрительный образ кинжала, прорезавшись из пустоты, раскроет мои намерения...

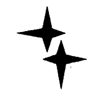
– Король Конан! Король Ко-онан!.. Я вхожу в пещеру-у!..

Железная дверь поворачивалась на железном же столбе, проходящем ровно через ее середину. Замечательное изделие кузнеца Регина, помимо традиционных достоинств – прочности и вечности, – обладало также великолепным механическим замком.

Сигурд смазал старым салом ключ и вставил его в скважину, скрытую за кустом ежевики справа от двери. Королевичу пришлось поднапрячься, чтобы привести механизм в действие. Для этого через головку ключа он был вынужден продеть вторую, вспомогательную деталь – футовый рычаг.

При первом полном повороте ключа четыре штифта вернулись в пазы замочного механизма и разблокировали дверь.

Теперь дюжина молодцев могла, багровея от натуги, повернуть железный монолит вокруг оси-столба. Однако Регин не считался бы Архимедом своего небогатого гениями времени, если бы для пользования

его дверью требовалась дюжина молодцев или – тем паче – магия.

Сигурд провернул ключ вновь – на второй полный оборот.

В толще базальта над дверью зарычал, пробуждаясь, рукотворный водопад. Резервуар, вмурованный в скалу, исторг десять тысяч бочек воды.

Зашлепали лопасти водяного колеса, затарахтели шестерни передаточного механизма; дверь приоткрылась. Ровно настолько, чтобы в зазор мог протиснуться человек любой комплекции – даже амбал Конан.

Чтобы вновь заполнить резервуар, ключевой воде, струящейся потайными жилами скалы, требовались пять дней.

Второй резервуар, расположенный симметрично первому относительно дверной оси, по-прежнему был полон под завязку. Ему надлежало опорожниться во имя закрытия двери.

Вслед за Сигурдом в пещеру решительно шагнул Конан.

Просочившийся через дверь рассеянный свет осеннего дня отражался в самоцветах, которые несколькими пунктирными линиями намечали стены и потолок просторного коридора. Коридор продолжался по прямой примерно шагов семьдесят, а потом плавным изгибом уходил вправо.

Смрада, липкой жижи отбросов, черепов и костей крупного рогатого скота – этих атрибутов неряшливого чревоугодия – приготовившийся к худшему Киммериец в коридоре не обнаружил.

Обитель Фафнира выдавала в его хозяине существо чистоплотное и даже творчески мыслящее, но флегматичное, ленивое, склонное действовать спорадически во время редких припадков вдохновения. Существо, не приученное к регулярной, систематической работе демиурга. Что было вполне объяснимо: ни демиургом, ни даже близким родичем демиурга Фафнир не являлся.

Изгиб коридора открыл драконоискателям одно из последних творений Фафнира – внушительную глыбу горного хрусталя. Только приноровившись к непривычному освещению и проникшись своеобразием художественного мышления творца, в ней можно было опознать автопортрет в одну двенадцатую натуральной величины. Хрустальный дракон лежал на полу, по-кошачьи подвернув передние лапы под грудь и накрывшись с головой правым крылом.

За изготовлением левого крыла Фафнира как раз застал король Сигмунд, приезжавший в начале года посовещаться с мудрым змием насчет религиозной политики своей державы. Сигмунд спугнул Фафнирово вдохновение, а потому автопортрет так и остался однокрылым.

Будучи от природы наделен совершенным инструментом, ваятель пренебрегал традиционными орудиями скульпторского труда – прене-

брегал в силу врожденной гордости. Для черновой обработки хрусталя Фафнир использовал алмазные резцы верхней челюсти. Проработка деталей производилась когтями передних конечностей, шлифовка – наждачной кожей хвоста.

«Фафнир, сын Хрейдмара» – такое название дал дракон своему изваянию. Но воплощать надпись в нетленном камне не стал – от творчества ломило зубы, зудели когти.

Конан поднялся на цыпочки и оценивающе постучал ногтем по кончику хрустального хвоста. Впрочем, варвар не обладал достаточно развитым абстрактным мышлением, чтобы опознать в глыбе хрусталя нечто, отличное от игралища горных стихий, а потому и хвост Фафнира оставался для него всего лишь причудливым сталагмитом.

– В чужом доме без позволения хозяина лучше ни к чему не прикасаться.

Конан счел, что эту фразу произнес осмотрительный Сигурд. Акустика в недрах волшебной горы была, само собой, волшебной. Далекие звуки казались близкими, близкие подчас вовсе не достигали слуха, биение собственного сердца можно было принять за шум раскаленной серы в подземных водопадах Утгарда.

– Да сколько можно меня учить! – вспылил варвар, резко оборачиваясь.

Никого.

Конан нервно схватился за кинжал, да вовремя одумался. Лязг стали мог прежде времени выдать его намерения. Если не Фафниру, то Сигурду.

Киммериец обошел изваяние кругом и теперь сообразил, что хрустальная глыба в некоторых ракурсах отдаленно смахивает на прикорнувшую птицу Симург. Впрочем, это сходство оставило его равнодушным. Ему-то сейчас нужен был не хрустальный Симург, а мясной Сигурд, который точно под землю провалился!

– Кто здесь? – спросил Конан.

– Именно: кто?

Голос не принадлежал Сигурду, хотя и дребезжал теми же подростково-петушачьими колокольцами.

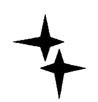
– Я – Конан, король Аквилона, благородный уроженец Киммерии, – ответил варвар, подобравшись.

– А я Фафнир, сын Хрейдмара, разумный уроженец Нифльхейма. Ты можешь задавать свои вопросы.

– Где Сигурд?

– Получает ответы на свои вопросы.

– А где ты?

– Здесь.

– Почему я не вижу тебя?

– Ты видишь мой симулякр. Он разговаривает с тобой. Ты можешь получить ответы. Этого недостаточно?

– Нет.

Обладая иезуитской деловой сметкой, Конан не подал виду, что впервые в жизни слышит слово «симулякр». Хотя и начал догадываться, что, по всей вероятности, имеется в виду этот корявый хрустальный Симург. Возможно даже, предположил Конан, «симулякр» – это искаженный варварской речью и святотатственным мышлением «Симург», низведенный до имени нарицательного.

– Сигурд вежлив, подобно своему отцу Сигмунду. Он безропотно довольствуется общением с моим симулякром. А ты – нет, – сказал Фафнир. – Полагаю, твой отец был такой же дремучей деревенщиной, как и ты...

Дракон не зря славился даром вещуна. Отец Конана, Ниун, действительно прожил небогатую церемониями жизнь деревенского кузнеца.

– Однако, – продолжал дракон, – у тебя, возможно, есть веские причины настаивать на личной встрече?

– Разумеется, проницательный сын Хрейдмара. Мне известно, что слюна дракона – превосходный трансмутатор. Я хотел бы приобрести четверть мины твоей слюны. За ценой не постою.

– Твой голос принадлежит воину. Не магу. Твое дело – разить железом. Домогаясь моей слюны, ты сворачиваешь на тропу чернокнижия. Это не доведет тебя до добра... – Внятная манера изложения Фафнира вдруг деградировала до глухого дремотного бормотания, – Вижу жизни твои, варвар... вот-вот-вот... жизни-рыбки... жизни-жизни... Ага! Вот он, самородочек на сорок пудов! – возликовал дракон. – Слушай же, голое животное: никогда еще не брал ты от небеснорожденного дракона ни слюны, ни пота, ни крови, ни желчи. Брал от ракшасов, брал от людей и виверн, от земляных змеев-линдвурмов богопротивных и от многих зверей богоугодных. По преимуществу брал кровь. И это было твое право, потому что стоял ты на стезе воина обеими ногами. А теперь...

– Довольно! Перейдем к делу. Что возьмешь с меня за мину своей слюны?

– Твою левую руку. По локоть.

– Это чересчур. Не достанет ли одного моего пальца? За четверть мины?

Минута тишины.

– Достанет. Но запомни мое предостережение: если сегодня отдашь мне палец, через четыре дня расстанешься с жизнью.

До сего момента Конан оставался глух к предостережениям Фафнира. Весь этот пустой разговор он вел только ради того, чтобы выманить дракона из убежища и заставить тварь предстать перед ним во всей зримой, осязаемой, уязвимой плотской полноте.

Однако повторное предостережение дракона смутило даже его, варвара из Киммерии. В самом деле, смерть знаменитого искоренителя скверны – то есть его, Конана, – должна быть на руку любому исчадию Зла. Какой резон отродью Ангра-Манью отговаривать Конана от колдовской сделки?

Но варвар легко покончил с колебаниями, заключив, что корыстная тварь лжет.

– Заметано! – смело выкрикнул Конан. – Мой палец – твой!

Когда-то Киммериец был свидетелем нападения огромной орды перелетной саранчи на царство Куш. Ему на всю жизнь запомнилось апокалиптическое тарахтенье прожорливого облака, обдирающего с ландшафтов пестрые заплаты полей и пастбищ, приводящего к общему пепельноцветному знаменателю посевы гороха и конопли, ячменя и пшеницы. Ничего страшнее этого неостановимого уравнителя Конан в жизни своей не встречал.

Саранчовая туча сконденсировалась в глубине пещеры и, спикировав из-под задрапированных темнотою сводов, рванула на бреющем прямо в грудь Конану.

Опыт, перенятый от перехожих калик Куша, швырнул Киммерийца наземь.

Когда оглушительный треск внезапно стих, оставив после себя лишь несколько прохладных ураганчиков, Конан поднял голову.

Перед ним застыл, гордо выпятив грудь, дракон – и впрямь более похожий на Симурга, чем на пресмыкающееся.

Крылья Фафнира – не вписывающиеся в коридор при полном размахе – стояли торчком над его крапчатой спиной. Их задняя кромка показалась Конану окровавленной и растрепанной. Однако, приглядевшись, варвар обнаружил, что обман зрения вызван перьями, покрывающими крылья дракона: черными, алыми и желтыми.

Перья же, хотя и более скромных колеров утепляли задние лапы и затылок Фафнира. Два острых уха снаружи кудлатились густо-серым пушком, а внутри – отдавали голубизной. Как у молодого ракшаса, отметил Конан.

Варвар также предположил, что именно пернатость Фафнира служила причиной угрожающего звукового сопровождения его полета.

Однако Конан ошибся. Громкий стрекот, которым пернатый отшельник возвестил о своем появлении, был всего лишь одной из многочисленных драконьих шуток. При желании Фафнир мог пропищать комаром, зашипеть ливнем, прогудеть болидом.

На груди, брюхе, внутренней поверхности бедер дракона жизнерадостно зеленели, точно грядки салата, отчетливо отделенные один от другого бледными кожистыми перетяжками сегменты ороговевшей кожи. Пожалуй, только это обстоятельство да еще голый хвост с трехперой боевой глефой на конце и надменная крокодилья харя непомерной длины выдавали в Фафнире собственно дракона.

Росту в нем было не менее десяти локтей. Длину Киммериец оценить не брался. Мешало обманчивое освещение.

Невиданная масть. Волшебная порода. Конан едва не задохнулся от восторга. Бесценный трофей!

– Так вот ты каков, Конан, сын Ниуна!

Подлинный голос Фафнира, порожденный его живой глоткой, а не хладным симулякром, был шелковист. По нему хотелось провести рукой, а может быть, даже – языком. Приложить к щекам, ко лбу, повязать себе на шею. Голос обаятельной бестии, совратителя принцесс, похитителя душ человеческих. Конан утвердился в мысли, что тварь коварна, кровожадна, лжива.

– Я таков. А что?

– Ты похож на моего брата Регина. Бычишься, как он. И ростом вышел.

– Твой брат – человек?

– Мой брат – человек-не-человек. Но мне интересней другое.

Фафнир сделал два шага вперед и приблизил свой оправленный в роговое кольцо зрак вплотную к Конану.

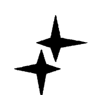
Киммериец слыхивал, что драконий глаз, вопреки своей обманчивой уязвимости, не берут ни меч, ни стрела, ни копье. Была ли то правда или брехал лукавый евнух Лоламба?

Проверить хотелось, но риск перевешивал возможные выгоды.

– Скажи мне, Киммериец, хранила ли твоя мать верность отцу? – вдруг спросил Фафнир. – Не подставлялась ли она, задрав юбку, северному ветру? Не пила ли воды с червячками? Может, принимала золотой дождь в своих покоях? Или путалась в образе лебедки с черным коршуном?

Это было уже слишком! Рассудок Конана ослеп от ярости. Но глаза видели, а руки делали.

Первый удар тяжелейшего кулачища ойкумены пришелся дракону по правой скуле.

Голова Фафнира мотнулась в сторону.

– Не смей порочить мою мать! – заорал Конан.

Зря – тратить время на подобные аффекты не стоило.

Подвижности драконьего хвоста могла бы позавидовать гремучая змея. Фафнир сбил Конана с ног в тот самый момент, когда варвар наносил третий по счету удар в серии.

При этом костяная глефа на конце хвоста чиркнула по кольчуге Конана.

Отскочила на два пальца.

Продолжила движение по инерции.

Развернулась вдоль продольной оси.

Снесла Конану мизинец на левой руке, отведенной для четвертого удара.

Снесла свое собственное скульптурное изображение на монументе «Фафнир, сын Хрейдмара».

И, разбив чету самоцветов на стене коридора, ушла назад, влекомая продольной мускулатурой хвоста – чрезвычайно развитой у небеснорожденных драконов.

– Праздно любопытствующие мне глубоко противны! Противней линдвурмов! – пролаял дракон. – А ты противен мне втройне! Торгашеское семя!

Передняя лапа дракона – лишенная перьев, когтистая – прижимала шокированного болью Конана к полу. И заодно покрывала невидимый кинжал, к которому были устремлены все атомарно простые мысли варвара.

Левая рука Конана истекала кровью, а правая лихорадочно нащупывала рукоять кинжала.

– Получай свою слюну! Не четверть мины, а все четыре мины!

Фафнир в сердцах сплюнул.

Но его густой плевок не растекся пенистой лужей по полу. От соприкосновения с воздухом светящаяся жидкость бурно вспузырилась. Отдельные пузырьки, перекатываясь друг через друга и потрескивая, собрались вместе в большой шар. Внешняя оболочка шара затвердела. Содержимое же этого сосуда, напоминающего стеклянные пчелиные соты, приобрело цвет лежалой кровяной колбасы.

Пока плевок претерпевал эти трансформации, а Конан повторно призывал Митру в союзники, Фафнир принюхивался. Вскоре запах крови помог дракону обнаружить отрубленный варварский палец. Убрав лапу с поверженного Конана, он шагнул вперед, вытянул шею и, скрутив хвост магическим кренделем, дохнул на мизинец.

Бесхозный кусочек человеческой плоти превратился в серебряную

рыбешку, которую Фафнир тотчас же слизнул блестящим языком.

— Человечина заповедана... — пробормотал он. — Но никто не заповедал рыбку...

Дракон полагал сделку совершившейся, а разговор с непоседливым Конаном — завершенным. Но варвар придерживался другого мнения.

Левая передняя подмышка Фафнира находилась сейчас точно в зените над носом Конана. Киммериец скосил глаза. Костяная рукоять его кинжала уже возвращалась в мир зримого.

Правой, здоровой рукой Конан осторожно подал кинжал из ножен.

— Постой-ка... это что за новости?.. — насторожился вдруг Фафнир, прислушиваясь к вещим токам, доходящим из желудка. — Судьба? Моя судьба?.. Эй, Конан!..

Дракон изогнул шею и заглянул себе под брюхо.

Там царил полумрак. Глаза Фафнира ярко вспыхнули.

— Король Конан? Что происходит?!

Вопрос принадлежал Сигурду. Две минуты назад королевич завершил общение с другим симулякром Фафнира, расположенным в небольшом зале, куда он попал, следуя ответвлением главного коридора за сто шагов от первого, хрустального симулякра.

Конан вскочил на ноги и выбросил руку с кинжалом вверх. Сталь разорвала стяжку между двумя роговыми сегментами на драконьем брюхе.

Клинок ушел в плоть Фафнира на всю длину лезвия. Затем туда же, в живые недра, сочащиеся пока еще не кровью, но какой-то мучнистой клейковиной, погрузилась и рукоять кинжала вместе с кистью Конана.

Фафнир заголосил. Причитания дракона были жалобны и неразборчивы. Глаза его дважды мигнули и погасли.

Конану почудилось, что утроба Фафнира сейчас засосет его целиком. Он вскрикнул от испуга и отдернул руку. Кинжал полностью остался в ране.

Киммериец пулей вылетел из-под дракона.

Сигурд, который стоял под левым крылом Фафнира, получил размашистый шлепок по уху. Он все еще ничего не понимал.

Неожиданно Фафнир затих и рухнул на правый бок. Захрустело сломанное крыло.

Тотчас же с громким хлопком кинжал выскочил из раны. Его рукоять больно стукнула Сигурда по ребрам.

— Конан, вы...

Сигурд не окончил. В грудь королевича уперлась тугая струя драконьей крови. Перед глазами Сигурда зачастили спицы алого колеса.

Королевич на несколько мгновений провалился в обморок. Его тело сползло по стене на пол. Туша дракона дважды вздрогнула. Кажущаяся неиссякаемой кровавая струя окатила Сигурда с макушки до пят.

Как только чудодейственные гемоглобины оросили темя королевича, Сигурд глубоко вздохнул, с сипением втягивая повлажневший воздух, и очнулся.

Одновременно с Сигурдом очнулся и Фафнир.

– Рррр-ца, ырг-ррррца, – сказал дракон и, скрежеща распяленными когтями, поднялся на все четыре лапы.

Пока Фафнир умирал, а Сигурд принимал кровавый душ, Конан только и успел, что возблагодарить Митру – на скорую руку. Теперь же выходило, что благодарности были преждевременными, Митра ему не помощник и единственный союзник Киммерийца – его верный кинжал. Где же он?!

От омовения в драконьей крови у Сигурда сразу же раззуделась кожа. Но главное – что-то произошло с его зрением. На месте выхода из пещеры он видел теперь яркую звезду, на месте Конана – светящуюся гнилушку. Фафнир представлялся продолговатым окошком, за которым серебрится ночное море. По морю, по лунной дорожке, плыла лодка. В ней лежал человек. На корме сидел некто в черном балахоне. В руках незнакомец держал неправдоподобно тощее весло.

Сигурд закричал. От его крика некто в черном балахоне обернулся. Белые зубы, обнаженные десны, вечная улыбка костяка. Весло вышло из воды целиком, и Сигурд увидел, что это не весло, а коса. Пассажир, путешествующий в лодке лежа, был Конаном. Кормщик – Смертью.

Комит небесного воинства Иисус и его пресвятые центенарии, спасайте! Отведите сатанинские мороки!

Сигурд вскочил и бросился наутек. Налетел на стену – вещественная геометрия коридора не совпадала с *параллельной*, на которой сфокусировалось зрение Сигурда под воздействием крови Фафнира.

Шарахнувшись в сторону, он пробежал вперед еще тридцать шагов и налетел на противоположную стену.

Проклятье!

Но выход был уже близко. Укрепившись духом, Сигурд отважно нырнул в недра ослепительной звезды – и, не опалив даже кончиков волос, вынырнул уже по ту сторону параллельного зрения, встреченный объятиями вечерней сырости и мокрой травы.

В пещере рычал и бесновался Фафнир – воплощенная ненависть к роду человеческому.

Сигурду почудилось, что дракон мчится за ним по пятам. Смерть от когтистой лапы раненого Фафнира была бы справедлива. Королевич

признавал это. Тот, кто привел под видом друга убийцу, заслуживает и смерти, и посмертного проклятия.

Но жажда жизни выше справедливости, моральные категории чужды телу.

Тело Сигурда, вместо того чтобы ожидать заслуженного возмездия, выпрямилось перед вставленным в скважину ключом. Руки Сигурда схватились за футовый рычаг и повернули ключ: раз, другой, тре... тре...

Кровь Фафнира стекала по ногам королевича и, орошая траву, превращала ее в ломкие кристаллы золотистого шпата.

Вода из второго резервуара хлынула на лопасти приводного колеса. Дверь закрывалась.

Конан, неукротимый варвар из Киммерии, едва не оглох от драконьих завываний. Но самообладания, в отличие от Сигурда, не потерял.

Когда Сигурд побежал к выходу, а Фафнир, кукольно переставляя одеревеневшие ноги, наоборот – попятился в глубь пещеры, Конан отыскал и подобрал свой кинжал. После возвращения из драконьего нутра сталь приобрела невиданный вишнево-красный цвет, слоновая кость рукояти окрасилась лимонной желтизной.

Левая ладонь, оставшаяся без мизинца, болела нестерпимо. Обрубок кровоточил.

Конан вырвал из своего ожерелья разом три головки убой-мака и поспешно разжевал их. Обезболивающее действие офирского зелья сказалось почти сразу: онемели и руки, и ноги, и челюсть, и язык. Позвоночник словно заиндевел. Впрочем, конечности по-прежнему слушались Конана, а это было главным.

Киммериец отвернулся, зажмурился и, процедив сквозь сжатые губы заклинание, открыл перстень Эфирного Паука. С тихим гудением из полости в перстне, которая скрывалась под массивным рубином, выбрался дух по имени Эфирный Паук.

Он молниеносно принялся за работу и через несколько мгновений соткал из воздуха образ Конана – ни в чем от Киммерийца не отличимый. Рядом с Конаном теперь стоял, пошатываясь как пьяный, второй Конан.

Природа Эфирного Паука была такова, что он быстро растворялся в воздухе, если только его не защищала теллурическая магия рубина. А потому дух почел за лучшее пару раз глотнуть праны из уст своего хозяина и сразу же скрыться в перстне.

Конан надавил на рубин, и тот со щелчком вернулся на место.

После этого Киммериец открыл глаза. Смотреть на Эфирного Пау-

ка в процессе работы хозяину возбранялось категорически. В противном случае Паук перехватил бы взгляд, внедрился в зеницу ока и поселился у Киммерийца в черепной коробке. Перспектива безрадостная – особенно если учитывать несносную болтливость духа.

Фафнир, движимый чем угодно, но только не жизненной силой, прекратил пятиться. Он во все глаза смотрел на Конана. Варвар, похоже, впал в столбняк. Руки его были опущены, голова склонилась набок.

Фафнир, в сознании которого уже тикали секунды последнего отсчета, с сомнением разглядывал фальшивого Конана. С тем, что из его крылатого тела ушла почти вся жизнь, а теперь уйдет и *движение*, дракон уже свыкся. Фафнира заботил лишь один вопрос: покарать Киммерийца за его вероломство немедленной смертью или вверить жизнь варвара неумолимой Судьбе?

А настоящий Конан готовился к последней схватке. Затаившись за хрустальным симулякром Фафнира, он выжидал, пока дракон атакует его, Конана, воздушное подобие. По его расчетам, при этом тварь должна была приблизиться настолько, чтобы сделался возможным последний, решающий удар кинжала – в глаз.

Если лукавый евнух Лоламба был прав и глаз дракона тверже стали – попытка не увенчается успехом и челюсти живучего исчадия Анграманью, сомкнувшись на черепе Конана, выдавят мозг из ноздрей и глазниц. Но если Лоламба заблуждался... о, тогда он, Киммериец, дарует людям свободу от гнета пернатого тирана!

Фафнир прыгнул вперед.

Сотканный из воздуха фальшивый Конан разлетелся в клочья. Невесомые, разноцветные, они закружились в воздухе, возмущенном драконьими лапами.

Морда Фафнира проступила из этой цветастой круговерти в двух саженях от Конана. С боевым кличем офирской верблюжьей гвардии Киммериец бросился на дракона.

В посрамление Лоламбы острие кинжала с легкостью проткнуло роговицу твари. Глаз дракона взорвался изнутри: это выплеснулся наружу жизненный жар третьего внутрителесного кокона, соединявшего мозг Фафнира с его угасающим сознанием.

Поток сияющих частиц на несколько мгновений расцветил волосы варвара, полыхнул у него на щеках, затуманил взор.

– Я прощаю тебя. Но помни: сделка совершилась, – пробормотал Фафнир, опускаясь на брюхо и накрывая голову крылом – точь-в-точь как его хрустальный симулякр.

Дракон затих. Сразу вслед за тем в воздухе погасли последние ис-

корки его разбитого глаза и в обители Фафнира засияла слепым светом абсолютная тьма.

Поначалу Конан пренебрег этим обстоятельством.

Как и раньше случалось с варваром после победы над достойным противником, он ощутил, что кровь вспенилась в нем океанским прибоем, а в ушах заревели всепобеждающие фанфары жизнелюбия.

– Ты – отродье Отца Всех Лжей! И сам ты производил только ложь!

Конан обращался к духу Фафнира, который, по его мнению, сейчас топтался где-то поблизости.

– Не боюсь тебя, не боюсь твоих прорицаний! – спесиво резюмировал Киммериец и плюнул в темноту.

Затем Конан спел Песню Удачи и сплясал Танец Победы.

Конану подпевал целый хор его эхорожденных двойников.

А вот танцевать в темноте было несподручно. Трижды больно ударившись о стены и симулякр, Конан наконец соизволил обратить внимание на отсутствие Сигурда и темнотищу.

– Эгей! Эге-гей, королевич! Выкручивай портки и скачи сюда! Я освободил ваше королевство от кровопийцы! Вы теперь свободные люди! Сво-бод-ны-ы-е-е-е!

Конан прислушался. Отвечало только эхо.

«Какой нежный», – проворчал варвар. Он все еще верил, что королевич где-то поблизости. Может, в обмороке?

Но куда пропал свет? Конан на ощупь добрался до выхода из пещеры и удостоверился, что дверь заперта. Ни один луч солнца или луны, светляка, болотного огонька, звезды или кометы не проникал внутрь, не воспламенял самоцветов на стенах.

– Эй, кто бы ты ни был, кому бы ни служил, ты, Нергалов потрох, знай: Конан Киммериец доберется до тебя! По земле или под землей, птицей или змеей – доберется и порвет голыми руками! Лучше открывай дверь, пока я не вышел из себя! Я сегодня в добром расположении духа – так и быть, пощажу недоумка!

Из-за двери донесся десятикратно ослабленный стальной толщей комариный крик королевича:

– Король Конан, не в моих силах открыть эту дверь. Теперь нам придется ждать пять дней и пять ночей, пока вода не заполнит открывающий резервуар. А сейчас – молчите. Вы совершили ужасное преступление. Я не хочу с вами разговаривать.

– Сигурд, не глупи! Что значит – «не в твоих силах»?! Ты ее уже один раз открыл, уже один раз закрыл!.. Трудно открыть еще раз?! Я освободил вас от дракона, а ты!..

Но королевич больше не отозвался.

Всю первую ночь, проведенную под железной дверью, Сигурд терзался муками совести.

В самом деле: вначале он убил славного Фафнира – не своими руками, руками Конана. А теперь убивает Конана, заточив его в пещере Фафнира. И опять *как бы* не своими руками, не своей волей: ведь дверь была заперта силою воды, он же, Сигурд, был в тот миг уверен, что Конан мертв, а раненый Фафнир намерен оторвать ему, королевичу, голову.

Было и еще одно важное обстоятельство, которое не давало Сигурду покоя. За смерть Фафнира требовалось заплатить виру. Ее должны получить родичи дракона – в противном случае они, или их духи, или дух Фафнира сживут Конана со свету, да и на *том* свете спуску Киммерийцу не дадут.

Даже если эту проблему рассматривать через призму сугубо христианского разумения (а Сигурд признавал, конечно, великую силу за комитом Иисусом, то есть самого себя считал убежденным христианином), все равно Фафнир рисовался тварью невинно убиенной, жертвой предательского удара, а Конан – Иудой и Иродом.

В такой ситуации следовало обратиться за консультацией к епископу. Но епископов-то как раз на Гнитайхеде и не было! Не было церквей и монахов, языческих базилик и храмов Юпитера, не было ни одного жреца Изиды, ни одного захудалого друида!

Выходило, что проступки Сигурда не только губительны для жизней Киммерийца и Фафнира, но еще и небезопасны для посмертной судьбы короля Конана. Король по неразумию своему убил существо, которое убивать не следовало ни в коем случае. И теперь, будучи лишен возможности сразу же очиститься от скверны убийства, вынужден торчать взаперти, наедине со своими грехами и жертвой этих грехов.

Дуролома Конана королевичу было немного жаль. Ровно настолько, чтобы считать своим долгом прождать под дверью пещеры эти проклятые пять дней и повернуть ключ, освобождая силу накопленной воды и вместе с ней освобождая буйного варвара.

После этого Конану придется выбирать из двух зол: остаться на Гнитайхеде вечным изгнанником или предстать перед королевским судом. Если, разумеется, суд Божий не свершится раньше земного – ведь Конан посягнул не только на законы гостеприимства, но и на великий небесный план Конца Мира, в котором Фафниру была отведена важнейшая роль...

Странно. Конан вроде бы намекал на свою причастность к этому тайному знанию. Неужели его безумие зашло столь далеко?

Сигурду не спалось. Он замерз. На священном ясене усердно скрипели жуки-усачи. За железной дверью храпел Киммериец.

– «Свет невечерний»! «Истина»! – передразнил Сигурда Киммериец. – Какой «истины» можно ожидать от порождения Ангра-Манью, под началом которого, среди прочих проклятых дэвов, ходит сама Друдж, Мировая Ложь?

– Мы так не считаем.

– Упертый ты, как баран. Ладно, зачем я пришел к Фафниру, ты теперь знаешь. О чем же говорил с драконом ты?

– Вам это действительно интересно?

– Клянусь дубинкой Сраоши, лучше болтать с тобой, чем сходить с ума от голода и жажды!

– Может быть, еще раз попробуете разрушить дверь? Пустите в ход какой-нибудь из ваших магических талисманов? Вы, кажется, пока еще не испытывали на двери чудесных свойств слюны Фафнира?

– Не торопи дохлого ослика, ему отдых нужен, – отшутился Конан типично офирской шуткой. – Ты мне пока рассказывай, а я с мыслями соберусь.

– Хорошо. Я, как и вы, беседовал с одним из симулякров. Тот симулякр изображал нечто вроде контура дерева, выложенного из шариков белой глины. Дракон уверял меня, что этот симулякр называется «Фафнир без кожи».

– Безумное существо! Правильно я его железом пощекотал...

– Едва ли безумец сможет излагать последовательно и связно, – перебил Сигурд варвара. – Мне легче поверить, что дракону было открыто потаенное. Интериорное, понимаете? И свои симулякры Фафнир строил в соответствии с этим знанием.

– Где ты таких слов набрался? – удивился Конан. – «Интериорное»... Этот твой «свет невечерний»... Пока мы сюда добирались, ты говорил как нормальный человек!

– «Интериорное» значит на латыни «внутреннее». Ничего особенного.

– Ничего так ничего, – уныло согласился Конан. – Так что же этот «Фафнир без кожи» тебе наплел?

– Я хотел знать свое будущее. Точнее сказать, я шел сюда, чтобы узнать, какое именно будущее я могу для себя избрать.

– Спросил бы у меня. Это совсем простой вопрос. Для ответа на него не нужны лживые драконы.

– Вот как?

– Разумеется. У человека нет будущего, а потому знать попросту нечего. И у всего мира нет предначертанного будущего. И хотя среди

служителей Ахура-Мазды в последнее время распространились еретические толки о неизбежности победы над Ангра-Манью, я считаю их пустым звоном. Я был бы рад им верить, да только котелок у меня еще варит. Думать головой надо, а не задницей! Думать! Ничто не предначертано, королевич!

Обычно Конан не говорил, а цедил сквозь зубы – с явным чувством своего духовного превосходства, с иронией или издевкой. Но тема мирового будущего воспламенила варвара. Недра железной двери нет-нет да и отзывались словам Конана одобрительным гудением.

«А смерть? Смерть разве не предначертана каждому из нас?» – хотел спросить Сигурд. Но сразу же отказался от этой затеи. Вопрос был чересчур грустен. Особенно в свете вчерашней гибели *бессмертного* дракона Фафнира.

– Я принимаю вашу точку зрения, – политично согласился королевич. – Но мы, батавы, *так говорим*. Хальвданы, саксы и франки тоже. У нас принято говорить о будущем так, как путники говорят о дальних странах. Мы считаем, что будущее можно выведать так же, как дорогу в Гиперборею. Вас ведь не удивляет, что купец, отправляясь за три моря, хочет вызнать побольше о дальних горах и озерах, лесах и племенах, трактах и крепостцах? Даже если поездка в итоге и не состоится?

– Нет. Это меня не удивляет.

– Ну вот. Считайте, что я спросил у Фафнира, какие дороги чужбины для меня удобней прочих. Это традиция нашей семьи. Так же поступил мой старший брат Атаульф. До него – мой отец Сигмунд и мой дядя Рогнар. И другие наши родичи. Я хотел знать, в какую сторону мне можно направляться, а в какую лучше даже не смотреть.

– Так бы сразу и сказал, что хочешь узнать свое назначение. А то «будущее», «будущее»... Все-таки, чувствуется, что мы с тобой рождены в разных краях. И языки у нас разные.

– Назначение – у неодушевленных орудий. У плуга или седла. А у человека – предназначение или призвание.

– Вот и договорились. Бьюсь об заклад, что быть королем – не твое призвание. Так Фафнир сказал?

– Та-ак... Откуда вы знаете?!

– Твой старший брат, Атаульф, убьет тебя, стоит ему заподозрить за тобой подобные претензии. Это совершенно ясно. Я такого навидался – страшно сказать! Вовсе не нужно быть драконом, чтобы судить о твоем призвании.

– Если так, скажите, пожалуйста, что же предложил мне дракон?

– Дай-ка подумать... Ты можешь быть воином. Это очевидно. Оче-

видно также, что воин из тебя выйдет неважный. Далее, можешь пойти в жрецы Спасителя. В епископы, правильно? В епископы ты сгодишься, уж точно. «Свет невечерний», «открытое-сокрытое»... Складно поешь! Больше вариантов для королевича я не вижу. В сапожники или евнухи ты вряд ли захочешь. Не-ет, постой-ка. Есть третий путь! Можешь стать судьей. Как Сраоша в войске Ахура-Мазды. Будешь ходить с дубинкой и молотить по головам мздоимцев и лиходеев.

– А вот и неверно. Ни о каком епископстве речь не шла! Фафнир говорил о том, что я могу стать Ловцом Стихий, то есть магом.

– Разница как между мулом и онагром, – безучастно отозвался Конан. – И даже меньше. Могу сообщить тебе, что в тех землях, где исповедуют истинное учение Заратуштры, служителей Ахура-Мазды и Спасителя как раз и называют магами. Так что ты, сам того не ведая, не перечишь мне, а лишь подтверждаешь мною сказанное.

Сигурд совсем приуныл. Может, и впрямь не было у Фафнира особого знания?

Но тут же укорил себя за святотатственную мысль. Как это не было?! Что значит не было?! Ведь самое главное – не что, а *как*! Фафнир не только открыл перед ним определенные перспективы, но и дал точные наставления, как именно достичь желанных целей.

– Хорошо же... Пусть разницы нет... – Голос Сигурда срывался, но он изо всех сил стремился сохранить самоконтроль и старательно строил фразы. – Если вы, король Конан, притязаете на драконову мудрость... Скажите, что еще предложил мне Фафнир? Что?

В ответ Конан не по-человечьи заворчал. Или заурчал? Или забулькал? Сигурд решил, что это у варвара от голодухи и недостатка воспитания.

– Вот что я тебе скажу, королевич, – спустя минуту отозвался Киммериец севшим голосом. – Можешь ты стать Ловцом Памяти. Нету в вашем языке лучшего названия, не скажешь попросту «воин», или «маг», или «судья». В самом деле: король – Ловец Власти, воин – Ловец Отваги. Маг – Ловец Стихий, судья – Ловец Справедливости...

С каждым новым словом Конана сердце королевича опускалось на три сажени. Теперь оно билось где-то глубоко под землей. Колени Сигурда ходили ходуном, его лицо стало мраморным.

Киммериец повторял сказанное Фафниром слово в слово.

– ...А Ловец Памяти может быть кем угодно. Скальдом, воином, ярлом, берсерком, магом. Он может быть даже золотарем. Но когда-то Ловец Памяти подожжет один-единственный храм или будет распят на косом кресте. Он напишет «Метаморфозы» или сосчитает небесные сферы. Войдя в мир, Ловец Памяти останется в нем навсегда.

Как луна и звезды. Смерть его неизбежна, но память о нем нетленна. Потому и называется он Ловцом Памяти...

– Король Конан, замолчите! – сорвался Сигурд, зажимая голову в тиски ладоней.

Но Конан будто только и ждал умоляющего вопля королевича. Он расхохотался и продолжил:

– А еще расскажу тебе о путях, которыми ты пойдешь, совершив свой выбор! Чтобы стать Ловцом Отваги – отправляйся прямиком ко двору базилевса ромеев и отыщи там аколуфа Никифора, которого после несчастливой встречи с готской стрелой прозвали Монофтальмосом, сиречь Одноглазым. Нанимайся на службу в его галатскую тагму, будь послушен во всем – и через пять лет выйдет из тебя отчаянный воин. А через пятнадцать – сам станешь аколуфом и, воюя с персами, дойдешь до Евфрата. Но помни: домой ты уже не вернешься...

Поскольку Конан не обращал на протестующие вопли Сигурда ни малейшего внимания, королевич прислонился к двери и замолчал. Прагматика взяла верх над священным ужасом – Сигурд заключил, что выслушать напутствия Фафнира повторно будет небесполезно.

– Чтобы стать Ловцом Справедливости, иди в Сирмий, ко двору царя гуннов Атли. Галлоримляне брешут о нем, как псы: он-де людоед, дикарь, животное. Правда же их слов лишь там, где называют они Атли Бичом Божиим. Но в том и справедливость. Риторов и легистов Галлии забрал Атли силой. Академики Греции и гностики Азии идут к Атли самовольно, ценя его просвещенное правосудие и стоическую умеренность. Великолепие гуннского двора прирастает лучшими умами рассветной стороны. Найдешь в Сирмии неоплатоника Валентиниана. Сможешь с ним объясниться и будешь учить справедливость по Кун Цзы и Катону. Станешь судьей над гуннами и федератами, поедешь в Равенну и Константинополь. Но домой ты уже не вернешься...

Прославленная своей необратимостью река бытия словно бы повернула вспять. Сигурд, со всей определенностью, вошел повторно в те самые воды, из которых вчера уже вышел.

А воды эти тем временем повествовали:

– Чтобы стать Ловцом Стихий, иди в Нибелунгенланд. Если дойдешь – считай себя везучим. В Нибелунгенланде найди Рюдеберг, на Рюдеберге разыщи Нифльзее. Если отыщешь – считай себя счастливым. По Нифльзее плавает круглый корабль, обшитый кожей линдвурмов. Кораблем правит карлик Альбрих. Если он оставит тебя в живых – считай себя избранным. Скажешь Альбриху, что Фафнир ему кланяется. Карлик возьмет тебя в ученики. Через пять лет станешь фюрером над всеми тварями и духами Нифльзее. Через пятнадцать лет превзойдешь

свою природу и сделаешься Ловцом Стихий. К людям ты уже не вернешься.

Нифльзее, Озеро Мрака, вдруг представилось Сигурду столь зримо, будто на его берегах он родился и вырос.

Вопреки названию этого черноводного горного ока, воздух над Нифльзее был прозрачен, как пасхальные мысли. Пара огромных рыбин играла совсем близко от береговых валунов. Рыбьи игры подсказывали, что Нифльзее – озеро глубокое, с дном ямистым и коварным.

Хотелось есть, но вот лезть из-за этого в воду Сигурду не хотелось совсем – застудишь брюхо, намочишь перья. Поэтому, хлопнув крыльями и капризно оттолкнув от себя землю всеми четырьмя лапами, он взмыл в воздух, намереваясь перехватить рыбу-игрунью над самой водой, когда та, осуществляя собственное скромное стремление к полету, преодолеет границу двух стихий и...

Чужие воспоминания, воспоминания Фафнира, вошедшие в плоть Сигурда вместе с драконьей кровью, отступили.

– Какая же я дубина! – воскликнул он.

Королевич вдруг понял. Понял, что же случилось на самом деле этим утром, пока он умывался в ручье и завтракал ломтиками медвежатины, деликатно удалившись от входа в пещеру, чтобы не смущать голодного Киммерийца своим чавканьем.

Стал бы король Конан смущаться, как же! Да он сам мог смутить кого угодно!

Ни грана сомнений не осталось у Сигурда: этот мосластый каннибал вырезал у Фафнира сердце и закатил пир горой!

А ведь королевич его предупреждал. Заклинал. Умолял потерпеть каких-то несчастных пять дней без пищи и воды. В этом нет совершенно ничего страшного – и друид, и дисциплинированный монах сказали бы, что полный пятидневный пост не вреден, а полезен, и даже очень. Он поспособствовал бы духовному, да и телесному преображению варвара. Но не-ет...

Вот и ключик к пугающей загадке. Знание Конана – заемное, почерпнутое из сердца Фафнира. А все пророчества его – суть пророчества Фафнира.

Он причастился драконьими плотью и кровью – и со всей неизбежностью станет драконом. Живым или мертвым, просветленным или безумным – драконом, не человеком.

Через одну-две трапезы Конан начнет понимать язык деревьев и птиц. Ему откроются тайны Творения и Конца Мира. Но если природа дракона была этому знанию созвучна и, более того, сама являлась его

неотъемлемой частью, то природа человека такой полноты заповедных сведений не выдержит.

И что же случится тогда? Конец Конана – вот что.

Знание о том, что ждет варвара, пришло к Сигурду вместе с кровью Фафнира, в которой он вчера омылся против своей воли. Но королевич отделался гомеопатическими дозами *драконовости*, а Конан хлебнул этого сомнительного эликсира от души.

Удивительно, как еще Конан жив остался.

Или не остался? Вдруг по ту сторону двери уже обдирает с себя остатки лопнувших шароваров новоявленный монстр, дракон-антропоген?

– Король, как вас теперь правильнее называть? Человек Конан или дракон Конан? А может, король Фафнир?

– Провались ты к дэвам, королевич, – безнадежным, похмельным голосом отозвался Киммериец. – Я – это я.

– Так о чем мы с вами говорили, король Конан?

– То есть как это о чем? Ты что – уже забыл?

– Не серчайте. Я лишь хочу проверить, внимательно ли вы меня слушали. Мне почудилось, что вы задремали.

– Каков наглец. Думаешь, если я до тебя не могу добраться, так можно выказывать недоверие старшему. И какому старшему! Конану из Киммерии!

– Я могу сейчас встать и пойти прочь. И тогда ни через пять, ни даже через пятьсот пять дней никто эту дверь не откроет. Помните: ключ с *моей* стороны.

– Долбодятел, – процедил Конан еле слышно.

Сигурд молча ждал более содержательного ответа. И варвара он все-таки переупрямил.

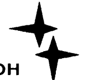
– Знай же, отрок: я слушал тебя более чем внимательно. Ты рассказывал мне со слов Фафнира о Ловцах. Куда тебе нужно направиться и что сделать, чтобы твои назначения сбылись.

– Это я вам рассказывал? – переспросил Сигурд, нажимая на «я».

– Ты. Ты! Ты, чтоб мне сдохнуть!

Вот так-то. Трансмутация личности Конана шла полным ходом. И проходила она в высшей степени любопытно. Устойчивую связь с человеческой действительностью варвар стремительно терял. Но вторая, драконья, природа, овладевающая его сознанием, пока не открывала варвару своего присутствия, прикидываясь до времени чем-то внешним, далеким и безопасным.

На третий день началось самое интересное. Конану, варвару из Киммерии, открылись тайны Творения и Конца Мира. Каковые он поспешил по-

ведать Сигурду в ходе очередного полуденного транса, в который он входил на этот раз особенно долго, помогая себе грозным рычанием и даже как бы клекотом.

Сигурда постигло разочарование. *Эти* тайны ему в общих чертах уже были известны, поскольку совпадали с воззрениями хальвданов. Народ хальвданов считался наиболее осведомленным в таких тонких материях по причине давней дружбы все с тем же Фафниром – ныне покойным.

Разумеется, варвар, выйдя из транса, счел рассказанное им от лица Фафнира некоей не заслуживающей доверия чепухой, услышанной от нечестивого фантазера Сигурда.

– Говорил я себе: Конан, не ищи славы на склоне лет. Много ты злого погубил, а значит, вдоволь уже добрых дел переделал. Нет, понесли меня дэвы на Край Земли. И здесь, среди грязи и убожества, пал я ниже низкого. Превратился в мальчишку, которого... – Конан саркастически хмыкнул и выдержал паузу, – ...которого учит тайнам мироздания богоравный, мудрый, как большая желтоухая собака, философ Сигурд!..

На Гнитайхеде Сигурд улыбнулся дважды. Этот раз был вторым.

Сигурда тронула не шаблонная ирония Киммерийца, нет. Но ультимативный идиотизм ситуации: варвар, драконоубийца и драконоед, пропитавшийся до самых корней волос Фафнировым знанием и сам же этим знанием фонтанирующий, отделен глухой стеной от второй, драконьей половины своей новой личности и, более того, подвергает ее, вторую половину, диалектическому остракизму.

– ...Скажите, пожалуйста, учитель Сигурд, – паясничал Конан, – если все сказанное вами – правда, как же свершится ваш Рагнарек теперь, без Фафнира? Ведь вы сами сказали, что вместе с Ангра-Манью, который зовется у вас Локи, должны выступить против светлых богов дракон Фафнир и волк Фенрир?

– В том-то все и дело! – Королевич не видел более оснований скрывать от Киммерийца сакральной сути совершенного варваром преступления. – Ваше бесцеремонное вмешательство нарушило установленный от века и тщательно оберегаемый нашими народами порядок вещей. Раньше Конец Мира был известен. Каждый знал, как и что случится. В великой битве погибнут и боги, и их присные, жители Асгарда и Утгарда. Но это ведь будет не гибель ради гибели, а начало обновления!

– Но откуда у вас такая уверенность в полной гибели богов? – спросил варвар рассудительно. – А если сыщутся победители? Если этими победителями станут волки и драконы?

Контраргументов у Сигурда не сыскалось. И правда, как разжиться гарантиями в таком щепетильном деле?

«Откуда-откуда»...

От Фафнира. Но Фафнир-то, если вдуматься, был лицом заинтересованным!

– Вот подумай, надутый лягушонок, кому были выгодны такие басни? Людям или Фафниру? Если Фафнир должен был выступать в битве последних дней против светлых богов Асгарда, зачем твои родичи его оберегали?

– Чтобы сохранить симметрию. Фафнир был бы сражен рукой Бальдра, сына Одина. Но теперь Бальдр найдет другого врага. Воинство Одина получило перевес, и кто-то в нем может выжить. А без полной гибели богов не будет обновления, – отчеканил Сигурд.

– По-моему, все проще. Думаю, твои родичи – просто *гебры*, неверные. А Фафнир был ба-альшим хитрецом. Что, впрочем, не уберегло его от моей доблести. Так радуйся же – в моем лице ты встретил героя, в котором сочетаются сила и благомыслие. Фафнировы лжеучения забудь. Они тебе больше не понадобятся.

В тот час Сигурд впервые посмотрел на ситуацию чужими глазами и впал в нерешительность. А вдруг Киммериец прав?

На четвертый день речь зашла о силах, движущих мирозданием. Киммериец трещал без умолку.

Сигурд понимал немногое. Увлекшись, Конан часто сбивался на язык небеснорожденных драконов. В пещере то и дело раздавались необъяснимые звуки. Не то лопались исполинские грибы-дождевики, не то ухал тысячеголосый совиный сброд.

Поскольку язык небеснорожденных драконов насыщен магическими созвучиями вдесятеро от языка Адама и Евы, творилось черт знает что.

Стрельнули ростками, зацвели и увяли, не завязав ягод, останки сухого ежевичника, который Сигурд почти под корень извел на растопку костров.

Трава на поляне росла скорее отдельными пучками, нежели хрестоматийным «сплошным ковром». И вот некоторые из этих пучков одним махом скрутились в тугие колтуны, дико вывернулись и вросли в землю верхушками – да так, что шевелящиеся корни оказались наверху.

Сигурд убрался подальше – не хватало еще, попав под волну магических вибраций, обнаружить себя закрученным в бараний рог и воткнутым в землю, как морковка.

Но Конан уже сменил регистр стихий. Несколько каменных зубьев пробились сквозь траву на два локтя. Потом втянулись обратно, оста-

вив после себя круговые выбросы коричневого глинозема.

Варвар даже не фонтанировал – он извергался, как молоденький исландский вулкан. Его речь уже далеко ушла по пути превращения в Слово: созидательное, разрушительное, а то и непознаваемое в своих целях, как искусство ради искусства.

К счастью для Сигурда, да и для всего Гнитайхеда, воля Конана, способная придать Слову целенаправленность и, следовательно, настоящую силу, в этом макабре участия не принимала. А *тело* Конана – неустранимая переменная всех уравнений с участием человеческого существа – тело хотело лишь вырваться прочь из просмоленного тьмой, запечатанного железом драконьего склепа.

С двери начала осыпаться ржавая пыль. Сигурд поначалу не придал этому значения. Но когда толстый ломоть воздуха перед входом стал непроницаемо рыжим, королевич струхнул. Потому что такого толстого слоя ржавчины на двери, конечно же, быть не могло.

А когда рыжий туман поредел и Сигурд снова увидел железную плиту, Конан уже замолчал.

Но это не удивило королевича. Он был поглощен изучением поверхности плиты.

Моментальное впечатление – будто смотришь сверху на отлитые из железа холмы и горы Гнитайхеда. Затем Сигурд пригляделся и понял, что очертания новоявленного барельефа не сообразны ни Гнитайхеду, ни какому-либо другому ландшафту. Таких гор и холмов в принципе не бывает.

На поляне было совсем-совсем тихо. Королевич повременил еще немного, опасаясь рецидивов магического монолога Конана.

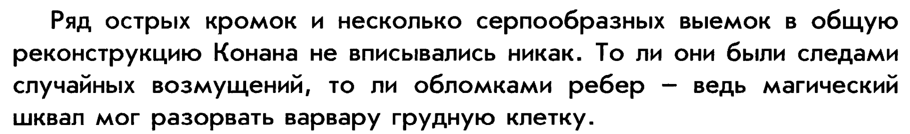
Но он уже догадывался, что рецидивов не случится. Сигурд подошел к двери и остановился в пяти шагах.

Постоял. Подошел еще на четыре шага. Понял, что ближе подходить не стоило. Вернулся обратно.

Вот так. Оптимальное расстояние было подобрано.

Если бы железо двери размякло до состояния нагретого воска, если бы Конан бросился на дверь как бодливый баран и смог грудью пробить его толщу, одновременно сам превращаясь в это колдовское «восковое железо», то... то можно было бы если не понять, то в общих чертах представить себе, как получился барельеф, перед которым оцепенел Сигурд.

Над поверхностью двери горбатились колени, ладони и голова Конана. В дополнение к тому кое-где выступали отдельные мелкие детали: складки рубахи, сегменты нашейного ожерелья, правое плечо и носок крючковатой туфли.

Ряд острых кромок и несколько серпообразных выемок в общую реконструкцию Конана не вписывались никак. То ли они были следами случайных возмущений, то ли обломками ребер – ведь магический шквал мог разорвать варвару грудную клетку.

Все эти детали, в их целокупности, и были первоначально приняты Сигурдом за горный пейзаж. Однако теперь верный гештальт был схвачен.

Варвар смотрел не прямо перед собой, а вниз, примерно в ту точку, где находились ступни Сигурда. Соответственно, и голова его была наклонена вперед – так, что подбородок не образовывал самостоятельной детали, а почти полностью скрывался в толще железа.

Вот оно, разрешение всех диспутов. Вот он, решительный аргумент в пользу силы, а значит, и правды дракона. Слова Конана – чужие, заемные слова, истинным владельцем которых являлся Фафнир, – лишь едва-едва задели стихии Гнитайхеда, но и этого воровского прикосновения хватило, чтобы уловить далекий отголосок предсмертной творческой воли дракона и породить искуснейший симулякр.

Воплощенная сила стихий рвалась из железа к свету. Зримая, весомая, вселяющая трепет. Отвлеченные категории – судьбы мира, справедливость, будущее, честная воинская игра – были смяты в воображении Сигурда этой силой, раздавлены, перемолоты в песок. Мысли о ловле чужой памяти и вовсе вызывали недоумение. Неужто Ловец Стихий не запомнится всем и каждому своим искусством, своей ошеломительной властью над водой и огнем, деревом и воздухом?

С детской простотой Сигурд вдруг подумал, что, будь он Ловцом Стихий, в первую же ночь мог он вырвать проклятую дверь вместе с кусками скалы и спасти короля Конана из узилища прежде, чем тот принялся пожирать сердце дракона. Вот это был бы настоящий подвиг!

Помедлив, Сигурд присел на корточки и заглянул в лицо короля Конана.

Он ожидал увидеть яростный оскал или, возможно, последнюю улыбку. Улыбку освобождения плоти из узилища пещеры, души – из узилища плоти.

Ее-то он и увидел.

Роберт Янг

БОГИНЯ В ГРАНИТЕ

Американский писатель Роберт Янг (1915—1986) прожил довольно незаметную жизнь: лишь за несколько лет до его смерти фантастическое сообщество узнало, что номинант премии «Хьюго», один из ведущих журнальных авторов 50—60-х служит привратником в обычной школе. Что ж, журнальными гонорарами сыт не будешь, а романов Янг написал до обидного мало — всего четыре. Зато сочинил больше полутора сотен превосходных повестей и рассказов, которые не устарели по сей день и вряд ли когда-нибудь устареют, потому что это настоящая литература. Прочтите повесть «Богиня в граните» и убедитесь сами!

Добравшись до верхней грани предплечья, Мартин остановился, чтобы передохнуть. Подъем пока не вымотал его, но до подбородка все еще оставалось несколько миль и хотелось сохранить как можно больше сил для финального восхождения к лицу.

Он взглянул назад, на пройденный путь, вдоль почти отвесного склона предплечья, по направлению к широченной глыбе руки; и еще дальше, в сторону гранитных пальцев великанши, прорезавших воду и ставших берегом. Он увидел свою взятую на прокат моторную лодку, покачивающуюся в голубом заливе между большим и указательным пальцами, и поблескивающую ширь Южного моря за заливом.

Мартин передвинул рюкзак в более удобное положение и проверил подъемное оборудование, прикрепленное к плетеному поясу: самоблокирующуюся кобуру с пистолетом для забивки альпинистских крепежных крюков, запасные крюки для пистолетной обоймы, герметичный пакет с кислородными таблетками, флягу с водой. Удовлетворен-

«Goddess in Granite» by Robert F. Young

ный, он экономно отпил из фляги и сунул ее в переносную охлаждающую камеру. Затем закурил сигарету, выпуская дым в утреннее небо.

Небо было глубоким, полным ясной голубизны, и из этой голубизны Альфа Вирджиния ярко освещала окрестности, распространяя свет и тепло на человекоподобные формы горного массива, известного как Дева.

Она лежала на спине, голубые озера ее глаз неизменно смотрели вверх. С ее предплечья Мартину открывался великолепный вид на вершины, образующие груди Девы. Он задумчиво разглядывал их. Они поднимались почти на 8000 футов над плато грудной клетки, но поскольку и само плато находилось в добрых 10 000 футов над уровнем моря, истинная высота груди превосходила 18 000 футов. Однако Мартин не был обескуражен. Это были не те вершины, что требовались ему.

Вскоре он оторвал взгляд от их изумительно белых снеговых гребней и продолжил путь. Гранитный хребет некоторое время поднимался вверх, а затем начал косо падать вниз, постепенно расширяясь и переходя в покатую поверхность ее плеча. Теперь ему была отлично видна голова Девы, хотя он еще не забрался достаточно высоко, чтобы видеть ее в полный профиль. В этой зоне наибольший страх внушал утес ее щеки высотой 11 000 футов, а волосы казались тем, чем, собственно, они и были, – сплошным лесным массивом, в беспорядке спускавшимся вниз, к долинам, рассыпавшимся вокруг ее массивных плеч почти до самого моря. Сейчас он был зеленым. Осенью он станет коричнево-медным, а затем золотым; зимой почернеет.

За много веков ни дождь, ни ветер не смогли нарушить изящные контуры ее плеча. Оно напоминало ему место для высокогорных прогулок. Мартин укладывался во время. Тем не менее был почти полдень, когда он достиг плечевого склона, и он понял, что недооценил всей огромности Девы.

К этому склону стихия была менее добра, и Мартин вынужденно замедлил движение, выбирая путь между мелких оврагов, обходя трещины и расселины. Местами гранит теснили другие вулканические породы, но общий цвет тела Девы оставался все тем же – серовато-белым с примесью розового, что в первую очередь напоминало о цвете человеческой кожи.

Мартин поймал себя на том, что задумался о ее скульпторах, и в тысячный раз задался вопросом, зачем они вообще создали ее. Во многих отношениях это походило на такие земные загадки, как египетские пирамиды, инкская крепость Саксайуаман и Храм Солнца в Баальбеке. Прежде всего потому, что тайна Девы была точно так же нераз-

решима и, вероятно, останется такой навсегда, поскольку древняя раса, некогда жившая на Альфе Вирджинии 9, либо полностью вымерла много веков назад, либо отправилась в полет к звездам. В любом случае они не оставили после себя никаких записей.

Но в основе своей эти загадки были различны. Когда вы созерцаете пирамиды, крепость или Храм Солнца, вы не задаетесь вопросом, *зачем* они были построены, вас интересует, *как* их возводили. С Девой все ровно наоборот. Она возникла как природный феномен, гигантский геологический сдвиг, и все, что оставалось сделать ее скульпторам (хотя, несомненно, их труд и был сравним с трудами Геракла), так это внести окончательные штрихи и создать автоматическую подземную насосную систему, которая уже многие века снабжает искусственные озера ее глаз водой из моря.

Возможно, здесь и лежит ответ, подумал Мартин. Возможно, их единственной мотивацией было желание усовершенствовать природу. Потому что не было никакой фактической основы для теософских, социологических и психологических мотиваций, теоретически допускаемых полусотней антропологов Земли (никто из которых на самом деле даже *никогда не видел ее*) и изложенных в полусотне посвященных этому вопросу книг. Возможно, ответ был так же прост, как...

Обращенные к югу области плечевого склона были менее подвержены эрозии, чем центральные и северные, и Мартин все ближе и ближе продвигался к южному краю. Перед ним открылась удивительная панорама левой стороны Девы, и он, восхищенный, взирал на великолепную вертикальную стену из темновато-пурпурной породы, тянущуюся до самого горизонта. В пяти милях от места соединения с плечевым склоном она изгибалась, формируя ее талию, а еще через три мили – выдавалась далеко вбок, образуя начало левого бедра; потом, перед тем, как совсем исчезнуть в бледно-лиловой дали, гигантским виражом охватывала нижнюю часть бедра.

Плечо не было слишком крутым, однако Мартин чувствовал усталость; его губы стали сухими и жесткими, когда он добрался до самого верха. Он решил немного отдохнуть и, сняв рюкзак, сел и привалился к нему спиной. Поднеся к губам флягу, сделал большой неторопливый глоток. Затем выкурил очередную сигарету.

С этой высоты вид на голову Девы был гораздо лучше, и теперь он как зачарованный разглядывал ее. Гора, формировавшая лицо, все еще была скрыта от него – разумеется, за исключением самой высокой точки, ее гранитного носа; однако детали щек и подбородка оставались неясными. Ее скулы представляли собой округлые массивы горной породы, почти незаметно сливавшиеся со скошенным краем щеки. Гордый

подбородок оказался утесом, который заслуживал отдельного изучения, – столь резко (даже слишком резко, подумал Мартин) он обрывался к изящному гребню ее шеи.

Однако, несмотря на педантичную увлеченность ее скульпторов деталями, Дева – при обзоре ее с такого близкого расстояния – была далека от той красоты и того совершенства, которые они намеревались получить. Это происходило оттого, что в данный момент можно было видеть лишь какую-то часть ее: щеку, волосы, грудь, далекий контур бедра. Но если рассматривать ее с достаточной высоты, эффект будет совершенно другой. Даже с высоты в десять миль ее красота была ощутима; при высоте в 75 000 футов она была безупречна. И тем не менее следовало подняться еще выше, следовало искать нужный уровень, чтобы увидеть ее такой, какой она должна выглядеть по мнению ее создателей.

Насколько было известно Мартину, из землян ему единственному удалось отыскать этот уровень и он единственный видел Деву такой, какой она была на самом деле; видел ее в целиком принадлежащей ей реальности, реальности незабываемой, равной которой он никогда еще не встречал.

Возможно, будучи единственным, он должен был как-то противостоять тому воздействию, которое она оказывала на него; это обстоятельство плюс тот факт, что тогда ему было всего лишь двадцать...

Двадцать? – с удивлением подумал он. Сейчас ему было тридцать два. Однако прошедшие годы были всего лишь тонким занавесом, который он раздвигал тысячу раз.

И вот сейчас он опять раздвинул его.

После третьего замужества матери он решил стать астронавтом, покинул колледж и получил место юнги на космическом корабле «Улисс». Местом назначения корабля была Альфа Вирджиния 9; цель этого путешествия заключалась в том, чтобы составить карту залежей руд.

Разумеется, Мартин слышал о Деве. Она была одним из семисот чудес галактики. Но он никогда всерьез не задумывался о ней, пока не увидел ее из главного иллюминатора движущегося по планетарной орбите «Улисса». Через семь дней после посадки он позаимствовал одну из спасательных шлюпок и отправился на разведку. По возвращении этот подвиг стоил ему недели гауптвахты, но он воспринял такое наказание спокойно. Дева вполне заслуживала того.

Высотомер шлюпки показывал 55 000 футов, когда он наконец увидел ее, и вот на этом уровне он к ней и приблизился. Вскоре он созерцал великолепные очертания икр и бедер, медленно проплывавших пря-

мо под ним, белое пустынное пространство живота, изящную ложбину пупка. Он находился как раз над вершинами-близнецами ее грудей, в пределах видимости ее лица, когда сообразил, что, подняв корабль наверх, смог бы получить гораздо лучшую перспективу обзора.

Он остановил движение по горизонтали и начал набор высоты... 60 000 футов... 65 000... 70 000. Это напоминало отъезд телекамеры... 80 000... Теперь его сердце учащенно билось... 90 000... Приборы показывали нормальное давление кислорода, однако он едва мог дышать.

100 000, 101 000... И все же недостаточно высоко. 102 300... *Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим, грозна, как полки со знаменами...** 103 211... *Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника...*** 103 288...

Он с силой надавил на кнопку, останавливающую набор высоты, блокируя фокус. Теперь у него вообще перехватило дыхание, по крайней мере в этот первый момент экстаза. Он никогда еще не видел никого, кто был бы похож на нее. Стояла ранняя весна, и ее волосы были черными, а глаза – по-весеннему голубыми. И ему казалось, что плоский холм, формирующий ее лицо, полон сочувствия, а красный срез скалы на месте рта изогнут в мягкой улыбке.

Она неподвижно лежала у самого моря, словно красавица из Бробдиньяга***, вышедшая из воды, чтобы вечно загорать здесь на солнце. Голые долины были отлогим пляжем; поблескивающие развалины близлежащего города напоминали упавшую с уха серьгу; море было летним озером, а спасательная шлюпка – железной чайкой, парящей высоко над побережьем.

А в прозрачном чреве чайки сидел крошечный человек, который уже никогда не будет самим собой...

Мартин задернул занавес, но прошло еще некоторое время, прежде чем картина воспоминаний потухла. Когда она окончательно исчезла, он заметил, что внимательно, и даже с пугающей сосредоточенностью, смотрит на отдаленную скалу подбородка Девы.

Он приблизительно оценил ее высоту. Заостренная часть скалы, или вершина, находилась приблизительно на одном уровне с верхней кромкой щеки. У него получалось около 11 000 футов. Чтобы получить расстояние, на которое он должен подняться, дабы достичь поверхности

---

* Книга Песни Песней Соломона (6, 4).

** Там же (7, 2).

*** Придуманная Дж. Свифтом страна, где жили великаны (прим. ред.).

холма-лица, ему надо всего лишь вычесть высоту гребня шеи. Приблизительно он уже определил эту высоту как 8000 футов; вычитание 8000 из 11 000 давало ему 3000... Три тысячи футов!

Это было невозможно. Это было невозможно даже с использованием пистолета для забивания крюков. Склон шел вертикально до самого конца, и с того места, где он сидел, ему не удавалось различить хоть слабый намек на трещину или уступ на ровной поверхности гранита.

Он никогда не сможет сделать это, сказал он сам себе. Никогда. Было бы полным абсурдом для него даже совершить попытку. Она может стоить ему жизни. И даже если он и смог бы сделать это, даже если он и преодолел бы обрыв до самого верха, сможет ли он спуститься назад? Несомненно, пистолет значительно облегчит спуск, но останется ли у него достаточно сил? Атмосфера на Альфе Вирджинии 9 очень быстро разряжалась после 10 000 футов, и хотя кислородные таблетки помогали в такой ситуации, они могли поддерживать движение только в течение ограниченного времени. А после...

Но это были старые аргументы. Он уже рассуждал так сотни, может быть, тысячи раз... Мартин покорно встал. Водрузил на спину рюкзак. Бросил последний взгляд вдоль девятимильного склона руки туда, где из моря выступали пальцы великанши, затем повернулся и направился по плоскогорью грудной клетки к началу шейного гребня.

Солнце уже давно миновало зенит, когда он оказался напротив пологой ложбины между двумя вершинами. Холодный ветер дул вдоль склонов, проносясь через плоскогорье. Ветер был свежим и душистым, и Мартин понял: на вершинах должны быть цветы... возможно, крокусы или какие-то еще, из тех, что растут у самых снежных пиков.

Он удивился, почему не захотел взбираться на вершины, почему предпочел плоскогорье. Ведь вершины – это большие трудности и, следовательно, большее испытание. Почему же тогда он пренебрег ими в пользу плоского холма?

И ему показалось, что он понял. Красота вершин была ограниченной и поверхностной, ей не хватало более глубокой выразительности и многозначности плоскогорья. Они никогда бы не смогли дать ему то, что он хотел, даже если бы он взобрался на них тысячу раз. Итак, именно плоскогорье, с его голубыми и восхитительными озерами, и ничего другого.

Он отвернулся от горных пиков и сосредоточил внимание на длинном склоне, который вел к шейному гребню. Его наклон был достаточно пологим, но коварным. Поэтому Мартин двигался медленно. Любой ошибочный шаг, и он мог бы поскользнуться и скатиться по склону, на

которОМ не было ровным счетом ничего, за что можно было бы ухватиться и предотвратить падение. Тут он заметил, что его дыхание становится чаще, и удивился этому, но затем вспомнил про высоту. Однако он не стал прибегать к кислородным таблеткам: позже у него появится в них более острая нужда.

К тому времени, когда он добрался до гребня, солнце наполовину закончило полуденный круг. Но это не испугало его. Он уже отказался от мысли штурмовать скалу-подбородок сегодня. Он вообще был слишком самоуверен, вообразив, что сможет покорить Деву за один день.

Выходило, что на это требовалось, по меньшей мере, два.

Гребень был больше мили в ширину, его кривизна едва ощущалась. Мартин быстро преодолел его. В течение всего перехода он чувствовал, что скала-подбородок все круче и круче нависает над ним, но даже не смотрел на нее; он боялся смотреть на нее до тех пор, пока она не оказалась так близко, что закрыла половину неба, и тогда он был вынужден взглянуть на нее, вынужден оторвать глаза от гранитной выпуклости горловины и сфокусировать их на ужасающей стене, которая теперь определяла его будущее.

А будущее его было мрачным. Там не было опоры для рук или для ног; не было ни трещин, ни выступов. Отчасти он успокаивал себя тем, что если не найдется способа подняться на скалу-подбородок, то он и не заберется на нее. Но, с другой стороны, это стало бы ужасным разочарованием. Покорение плоскогорья-лица было чем-то большим, нежели честолюбие; это была одержимость, а физическая борьба, опасность, препятствия – все это неотъемлемые части одержимости.

Он мог бы вернуться тем же путем, которым пришел, – вниз по руке, к своей лодке, затем назад, в уединенную колонию; и там нанять у грубых, неразговорчивых аборигенов какой-нибудь летательный аппарат – это так же просто, как получилось с лодкой. И меньше чем через час после взлета он мог бы приземлиться на плоскогорье-лице.

Но это был бы обман, и он знал это. Не обман Девы, а обман самого себя.

Был еще и другой способ, но теперь он отверг и его по той же причине, что и раньше. Макушка Девы имела нечеткие очертания; конечно, деревья ее волос могли облегчить подъем, но расстояние, которое нужно было преодолеть на этом маршруте, почти втрое превосходило высоту скалы-подбородка, и склон был, вероятнее всего, такой же обрывистый.

Итак, оставалась лишь скала-подбородок, и больше ничего. При сложившихся обстоятельствах это казалось безнадежным делом. Но он

утешал себя тем, что исследовал относительно небольшую часть утеса. Возможно, удаленные участки были менее неприступными. Возможно...

Он покачал головой. Принимать желаемое за действительное, как правило, бесполезно. Пожелания возможны лишь *после* того, как он нашел средства для восхождения, а не до того. Он двинулся было вдоль основания скалы, затем остановился. Пока он стоял там, внимательно разглядывая колоссальную стену, Альфа Вирджиния тихо и скромно опустилась в расплавленное море. На востоке уже проглянула первая звезда, и цвет груди Девы изменился с золотистого на пурпурный.

Через силу Мартин решил отложить свое исследование до завтра. Такое решение было благоразумным. Темнота окутала его раньше, чем он успел разложить спальный мешок, а вместе с ней пришел и пронизывающий холод, из-за которого эта планета пользовалась дурной славой на всю галактику.

Он включил термостат спального мешка, потом разделся и медленно заполз в теплое пространство. Затем с трудом сжевал отложенное на ужин сухое печенье и позволил себе два глотка воды из фляги. Неожиданно он вспомнил, что забыл поесть днем и до сих пор этого не почувствовал.

Здесь ему почудилась параллель, некий элемент *затасканного сюжета*. Но связь была столь призрачной, что в следующее мгновение он не смог ухватить ее до самого конца. Он был уверен, что вспомнит об этом позднее, но природа человеческого мозга такова, что, по-видимому, произойдет это в результате какой-то другой цепи ассоциаций и он вообще не запомнит никакой первоначальной связи.

Так он лежал, разглядывая звезды. Темная громада подбородка Девы поднималась рядом с ним, скрывая от него большую часть неба. Ему следовало бы ощущать крушение надежд, даже страх. Но он не чувствовал ничего подобного. Он чувствовал безопасность и спокойствие. Впервые за много лет он познал удовлетворение.

Почти прямо над ним находилось необычное созвездие. Оно заставило его подумать не о чем ином, как о человеке, скачущем верхом на лошади. Человек держал на плече удлиненный предмет, и предмет этот мог быть любой из множества вещей, в зависимости от того, как вы мысленно соедините образующие его звезды: это ружье, а возможно, и посох; может быть, даже рыболовный багор.

Для Мартина же он выглядел как коса...

Он повернулся на бок, продолжая нежиться в своем микрооазисе тепла. Теперь, при свете звезд, подбородок Девы приобрел более мягкие очертания, и ночь заснула в кротком и молчаливом великолепии...

Это была одна из его собственных строк, думал он, засыпая... часть той фантастической мешанины слов и фраз, которые он связал между собой одиннадцать лет назад под общим названием «Воскресни, любовь моя!». Это была его первая книга, которая принесла ему славу, удачу... и Лели.

Лели... Она казалась такой далекой, но тем не менее она была. И каким-то странным, мучительным образом казалось, что была еще только вчера.

В первый раз он увидел ее, когда она стояла в одном из маленьких старомодных баров, столь популярных тогда в Старом Йорке. Стояла совершенно одна, высокая, темноволосая, с пышными формами, попивая дневной аперитив, будто доказывая, что такие женщины, как она, – самое обычное явление в галактике.

Еще до того, как она повернула голову, он был уверен, что у нее голубые глаза; такими они и оказались – голубыми, как горные озера весной, голубыми, как и подобает женщине, жаждущей быть любимой. Очень смело он прошел через зал, встал рядом с ней, понимая, что нужно действовать либо сейчас, либо никогда, и спросил, может ли он предложить ей что-нибудь выпить.

К его изумлению, она согласилась. Только позже она призналась, что узнала его. Он был настолько наивен в тот момент, что даже не осознавал, что уже имел известность в Старом Йорке, хотя ему следовало об этом знать. Ведь его книга пользовалась достаточным успехом.

Он наскоро закончил ее прошлым летом, когда «Улисс» вернулся с Альфы Вирджинии 9, а он оставил место юнги, навсегда излечившись от стремления стать астронавтом. За время этого путешествия его мать еще раз вышла замуж, и, узнав о том, он снял летний домик в Коннектикуте – как можно дальше от нее. Затем, обуреваемый силами, которые лежали за пределами его понимания, он уселся за стол и начал писать. В книге «Воскресни, любовь моя!» описывалась звездная одиссея молодого искателя приключений в поисках того, что может заменить Божество, и его итоговое открытие, что замена заключается в поклонении женщине. Критики в один голос закричали: «Эпопея!» – а держащиеся Фрейда психологи, которые после четырех веков пребывания в забвении так и не отказались от занятия психоанализом применительно к писателям, вынесли резюме: «Подсознательная жажда смерти». Самые разные оценки удачно сочетались, подогревая страсти в узком литературном мирке, и прокладывали дорогу для второй публикации, а затем и для третьей. Буквально за одну ночь Мартин стал самым непо-

стижимым из всех литературных явлений, стал известным талантливым романистом.

Но он еще не осознал, что его известность включала в себя и чисто физическое узнавание.

– Я читала вашу книгу, мистер Мартин, – сказала стоявшая рядом с ним темноволосая девушка. – Мне она не понравилась.

– Как вас зовут? – спросил он. И еще через мгновение добавил: – Почему?

– Лели Вон... Потому что ваша героиня нереальна. Ее не может быть.

– Я так не думаю, – заметил Мартин.

– Вы будете убеждать меня, что у нее есть прототип?

– Может быть, и буду. – Бармен подал их заказ, и Мартин, подняв стакан, отпил прохладной синевы своего коктейля. – Почему ее существование невозможно?

– Потому что она не женщина, – сказала Лели. – Она всего лишь символ.

– Символ чего?

– Я.... я не знаю. Во всяком случае, она не относится к роду человеческому. Она слишком прекрасна, слишком совершенна.

– Вы как раз на нее похожи, – заметил Мартин.

В следующий момент она опустила глаза и некоторое время молчала. Но потом продолжила:

– Существует затасканный штамп относительно этой ситуации, и звучит он так: «Держу пари, что вы говорите это всем девушкам...» Но почему-то мне кажется, что в данном случае это не так.

– И вы правы, – сказал Мартин. – Не говорил. – А затем добавил: – Здесь так душно, может быть, мы могли бы пойти прогуляться?

– Хорошо.

Старый Йорк был почти анахронизмом, сохранившимся лишь благодаря кучке литераторов, которые души не чаяли в старых домах, старых улицах и старом образе жизни. Это было гротескно и очень контрастировало с привычками их коллег с Марса, однако за многие годы некоторые уголки этого города приобрели не то окраску, не то атмосферу, присущую набережным Парижа, и если стояла весна, а вы полюбили, то Старый Йорк был самым привлекательным местом.

Они медленно шли через дремлющую запустелость старых улиц, в прохладной тени домов, тронутых временем. Затем надолго задержались в зарослях главного парка, где их окружало голубое, наполненное весной небо и деревья, украшенные бледной зеленью нарождающейся листвы... Это был красивейший полдень, а за ним близился красивейший

из вечеров. Никогда еще звезды не светили так ярко, никогда такой полной не была луна, так приятны часы и так сладостны минуты. Голова у Мартина кружилась, когда он провожал Лели домой, его шаг был нетвердым; но только спустя некоторое время, уже сидя на ступенях собственного дома, он понял, насколько голоден, и неожиданно вспомнил, что с самого утра во рту у него не было ни крошки...

Глубокой недружелюбной ночью Мартин вздрогнул и проснулся. Странное расположение звезд на небе на минуту вывело его из равновесия, а затем он осознал, где находится и что собирается делать. Сон вновь осторожно подкрался к нему, и он лениво повернулся в своем подогреваемом коконе. Высвободив одну руку, вытянул ее, и пальцы коснулись внушающей уверенность поверхности скалы, обласканной светом звезд. Он умиротворенно вздохнул.

Заря, разодетая в розовый наряд, кралась по земле, как застенчивая девица. За ней спешило утро, словно ее сестра, одетая в голубое, с ослепительным медальоном-солнцем, сияющим на груди.

Мартин чувствовал напряжение, замешанное на предчувствии и страхе. Он не мог позволить себе раздумывать над этим. Методично съел завтрак из концентратов, упаковал спальный мешок, а затем начал систематическое обследование подбородка Девы.

В утреннем свете скала не казалась столь ужасающей, как это было вечером накануне. Но ее склон так и не изменил ни своей крутизны, ни гладкости поверхности. Мартин был и успокоен, и разочарован.

Наконец близ западного края шейного гребня он нашел расщелину.

Это был неглубокий разлом, примерно раза в два превышавший ширину его тела, возникший, вероятно, от недавних сейсмических возмущений. И он неожиданно припомнил, что замечал и другие признаки сейсмической активности еще в колонии, но не удосужился расспросить об этом. Трещинки в потолках жилых помещений имеют весьма небольшое значение, если в тот момент вы находитесь на грани разрешения того, что так мучило вас на протяжении почти двенадцати лет.

Расщелина зигзагом поднималась вверх, насколько он мог видеть, представляя собой – по крайней мере, на первую тысячу футов – относительно удобный путь для восхождения. Здесь были бесчисленные опоры для рук и для ног и разнообразные выступы. Опасность, однако, была, и заключалась она в том, что он не знал, продолжались ли эти опоры или даже сама расщелина до вершины.

Он проклинал себя за то, что забыл взять бинокль. Затем заметил, что у него дрожат руки, а сердцу тесно в грудной клетке, и сразу по-

нял, что собирается подниматься на вершину, невзирая на последствия, и что ничто не может остановить его – ни он сам, ни даже четкое знание, присутствуй оно, что расщелина эта – всего-навсего тупик.

Он вытащил пистолет и зарядил его одной скрепой из дюжины висевших на поясе. Тщательно прицелился и спустил курок. Те долгие часы, что были потрачены им на практику стрельбы, пока он дожидался транспорта из космопорта в колонию, сполна окупились, и крюк с тянущимся за ним почти невидимым нейлоновым канатом прочно врезался в высокий выступ, который он выбрал для своей первой страховки. Звук от второго удара упруго отскочил вниз и присоединился к затухающему звуку первого, и Мартин знал наверняка: стальные «корни» крюка вошли глубоко в гранит, гарантируя его безопасность на первые пятьсот футов.

Теперь он убрал пистолет в автоматически блокирующуюся кобуру. С этого момента и до тех пор, пока он не доберется до уступа, нейлоновый канат будет автоматически сматываться, укладываясь в патроннике, с каждым шагом его подъема.

И он начал восхождение.

Теперь его руки чувствовали опору и были уверенными, а сердце вновь обрело нормальный ритм. Внутри него ожила какая-то песня, беззвучно пульсирующая сквозь все его существо, наполняя его ранее неведомой силой, познать которую в другой раз ему, возможно, никогда не придется. Первые пятьсот футов оказались до смешного легкими. Почти на всем пути было множество опор для рук и ног, так что восхождение напоминало подъем по каменной лестнице, а в нескольких местах, где выступы отсутствовали, стены прекрасно подходили для того, чтобы в них можно было упереться расставленными в стороны руками. Когда он добрался до большого уступа, его дыхание почти не нарушилось.

И он решил не отдыхать. Рано или поздно разряженность атмосферы скажется на нем, и чем выше он поднимется сейчас, со свежими силами, тем будет лучше. Он решительно вытащил пистолет и прицелился. Новый крюк устремился в высоту, вытягивая следом за собой новый канат и врезавшись в основание очередного выступа, почти на 200 футов выше того, на котором стоял Мартин. Дальность действия пистолета была 1000 футов, но узкое пространство расщелины и неудобство позиции накладывали жесткие ограничения.

Он возобновил подъем, и его уверенность увеличивалась с каждым сделанным шагом. Но он старался не смотреть вниз. Расщелина была на самом краю западного склона шейного гребня, и взгляд вниз охватывал не только расстояние, на которое он поднялся по ней, но и те

8000 футов, которые отделяли верх гребня от раскинувшихся внизу долин. Впрочем, он не думал, что его теперешняя уверенность объясняется одним лишь шоком от столь ужасающей высоты.

Подъем ко второму уступу также прошел без осложнений. И вновь он решил пренебречь отдыхом и, вонзив очередной крюк в третий выступ, приблизительно на 250 футов выше второго, продолжил восхождение. На полпути к выступу начали проявляться признаки кислородного голодания, создавая тяжесть в руках и ногах, учащая дыхание. Он сунул в рот кислородную таблетку и устремился вверх.

Растворяющаяся таблетка восстановила его бодрость, и когда он добрался до края третьего выступа, он все еще не чувствовал необходимости в отдыхе. Но он заставил себя присесть на узкую гранитную выпуклость и прижаться спиной к стене расщелины, принуждая себя расслабиться. Солнечный свет бил ему в глаза, и он в испуге понял, что скорость его подъема относилась к понятиям чисто субъективным; на самом деле с тех пор, как он покинул шейный гребень, прошли целые часы, и Альфа Вирджиния находилась почти в зените.

Так что он не имел права на отдых, ведь времени совсем не оставалось. Он должен был добраться до плато-лица еще засветло, иначе рисковал не попасть туда никогда. В то же мгновение он уже был на ногах, а пистолет поднят и наведен на цель.

Через некоторое время характер подъема изменился. Уверенность по-прежнему не покидала его, и бесконечная песня пульсировала внутри все возрастающим ритмом; но тяжесть в конечностях и частое дыхание проявлялись все чаще и чаще, придавая столь смелому предприятию дремотный оттенок, и эта дремота, в свою очередь, была исчерчена короткими, но отчетливыми перерывами, которые наступали немедленно, стоило принять кислородную таблетку.

Тем не менее характер расщелины менялся очень слабо. В течение какого-то времени она становилась шире, но он обнаружил, что, упираясь спиной в одну стену, а ногами в другую, может медленно продвигаться вверх без особых усилий. Затем расщелина вновь сузилась, и он вернулся к своему обычному способу подъема.

Из-за спешки он стал смелее. До этого он использовал страховку на три точки и никогда не переставлял одно из креплений, не убедившись, что два остальных надежно закреплены. Но по мере того, как смелость его росла, осторожность и осмотрительность уменьшались. Он все чаще пренебрегал тройной поддержкой и, наконец, вообще от нее отказался. В конце концов, убеждал он себя, что случится, если он соскользнет? Нейлоновый канат, тянущийся от пистолета, остановит его прежде, чем он свалится на два фута.

И так бы оно и было... если бы один из вбитых крюков не оказался дефектным. В спешке он не заметил, что нейлоновый канат не перематывается, и когда каменная опора, на которую он только что перенес свой вес, подалась под его ногой, его внутренний ужас был смягчен мыслью, что падение его будет очень коротким.

Но оказалось не так. Вначале падение было замедленным, нереальным. Он мгновенно понял: что-то случилось. И совсем рядом кто-то закричал. Некоторое время он не узнавал собственного голоса. А затем падение стало быстрым, стены расщелины скользили под его растопыренными руками и низвергали град камней на страдающее лицо.

Через двадцать футов он ударился о выступ на одной из сторон расщелины. Удар отбросил его к противоположной стене, а затем уступ, который он покинул незадолго до этого, вырос прямо под его ногами, дрожа и раскачиваясь в воздухе, и он распластался на каменной поверхности, прижимаясь к ней животом, в то время как ветер норовил его сбросить, а кровь из раны на лбу заливала глаза.

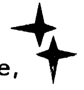
Когда дыхание восстановилось, он осторожно подвигал каждой конечностью, проверяя, нет ли сломанных костей. Затем глубоко вдохнул. И еще долго лежал на животе, радуясь тому, что остался жив и не получил серьезных травм.

Вскоре он осознал, что глаза его закрыты. Не раздумывая, он открыл их и вытер кровь, стекавшую со лба. Оказалось, что он, не отрываясь, смотрел прямо на лес, образующий волосы Девы и раскинувшийся на 10 000 футов ниже. Он резко втянул воздух, одновременно пытаясь утопить пальцы в неподатливом граните уступа. Некоторое время он чувствовал слабость и тошноту, но постепенно они оставили его, а с ними улетучился и весь ужас.

Лес простирался почти до самого моря, окаймленный величественными обрывами шеи и плеча и девятимильным гребнем руки. Море было золотистым и поблескивало в лучах послеполуденного солнца, а долины казались зеленовато-золотистым пляжем.

Где-то существовала аналогия увиденному. Мартин нахмурился, напрягая память. Не могло быть так, что давным-давно он уже взбирался на подобный утес (или это все-таки был обрывистый берег?), глядя вниз на похожий пляж, на самый настоящий пляж? Глядя вниз на...

И неожиданно он вспомнил, и воспоминание будто пламенем обожгло его лицо. Он попытался загнать нежелательный эпизод обратно в подсознание, но тот проскальзывал сквозь ментальные пальцы его разума и вставал перед ним, обнаженный, в свете солнечных лучей, и Мартину пришлось смириться с этой очной ставкой, независимо от того, хотел он ее или нет, пришлось пережить все это еще раз.

После свадьбы он и Лели сняли тот же самый коттедж в Коннектикуте, где родилась «Воскресни, любовь моя!», и он решил приступить ко второй книге.

Домик был просто очаровательный, стоящий на высоком обрывистом берегу и обращенный к морю. Внизу, отделенная лишь длинным пролетом винтовых ступеней, протянулась узкая лента белого песка, защищенная от любопытных глаз цивилизации лесистыми рукавами небольшой бухты. Именно здесь Лели проводила полдни, загорая в полной наготе, в то время как Мартин те же самые полдни тратил на то, что скармливал редакционной машине, стоявшей на его рабочем столе, пустые слова и банальные фразы.

Новая книга продвигалась очень медленно и трудно. Та непосредственность, что была свойственна созданию «Воскресни, любовь моя!», казалось, навсегда покинула его. Идеи не приходили, а если и появлялись, он был не в силах справиться с ними. Частично его душевное состояние – и он вполне осознавал это – можно было отнести на счет женитьбы. Лели оказалась такой, какой и следовало быть новобрачной, но все-таки ей недоставало чего-то неуловимого, и это отсутствие не давало ему покоя ночью и преследовало днем...

Тот августовский полдень был жарким и влажным. С моря дул бриз, достаточно сильный, чтобы раскачивать занавески на окне, но все же неспособный ворваться через стену застоявшегося воздуха в заполненное депрессией пространство кабинета, где он, несчастный и жалкий, сидел за рабочим столом.

И пока он сидел вот так, выдавливая из себя слова и фразы и борясь с идеями, он начал осознавать, что и мягкий звук прибоя у пляжа внизу, и вид Лели, темно-золотистой, лежащей под солнечными лучами, упорно вторгаются в его мысли.

В следующую минуту он поймал себя на том, что размышляет о положении, в котором она могла бы лежать. Возможно, на боку... а возможно, и на спине, и солнечные лучи поливают на манер дождя ее бедра, живот и грудь.

В висках слегка застучало, а в пальцах появилась какая-то новая нервозность, заставлявшая забавляться с карандашом для правки рукописи, который валялся на столе прямо перед ним. Лели неподвижно лежала у моря, ее темные волосы разметались вокруг головы и плеч, а голубые глаза неотрывно смотрели в небо...

А как она выглядит с высоты? Скажем, с высоты обрыва? Имеет ли сходство с другой женщиной, лежащей у другого моря... с женщиной, которая каким-то загадочным образом так поразила его и подарила ему на время литературные крылья?

Он хотел знать, и нервное напряжение все росло, а пульс в висках повышался и понижался, пока не совпал по ритму со звуками прибоя.

Он взглянул на часы, висевшие на стене кабинета: было 2 часа 45 минут. Времени оставалось слишком мало. В ближайшие полчаса она отправится принимать душ. Оцепенелый, он встал. Медленно прошел через кабинет, пересек гостиную и очутился на обнесенном решеткой крыльце, откуда открывался вид на зеленую лужайку, выступающий обрыв и искрящееся летнее море.

Трава под его ногами была мягкой как никогда, а полуденный солнечный свет и звук прибоя наполнены мечтательной сонливостью. Приблизившись к обрыву, он, чувствуя себя дураком, опустился на руки и колени и с осторожностью стал продвигаться вперед. В нескольких футах от кромки он пригнулся еще сильнее, опершись на локти и бедра, и оставшуюся часть пути просто полз. Осторожно раздвинул высокую траву и взглянул вниз на песчаную полоску пляжа.

Она лежала прямо под ним... на спине. Ее левая рука была откинута к морю, и пальцы свободно раскачивались в воде. Правое колено поднято вверх грациозным холмом позолоченной солнцем плоти... и гладкая поверхность ее живота тоже была золотистой, как были золотистыми и мягкие вершины ее груди. Шея казалась великолепным позолоченным гребнем, ведущим к гордому срезу подбородка и широкому золотистому плоскогорью лица. Голубые озера глаз были прикрыты в безмятежном сне.

Иллюзия и реальность переплетались в этой картине. Время отступило назад, и пространство перестало существовать. И в этот критический момент голубые глаза открылись.

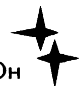
Она тут же увидела его. В первый момент на ее лице появилось радостное изумление, а затем осознание (хотя на самом деле она ничего не понимала). Наконец, губы ее сложились в манящей улыбке, и она протянула к нему руки.

– Спускайся сюда, дорогой, – позвала она. – Иди ко мне!

Пока он спускался по винтовой лестнице к пляжу, пульсация в его висках заглушила звуки прибоя. Она ждала его там, у моря, как ждала всегда; и он внезапно превратился в великана, ступающего через долины, его плечи задевали небо, а земля вздрагивала под его шагами – шагами обитателя Бробдиньяга.

Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим, грозна, как полки со знаменами...

Ветерок, возникший в лиловой тени между вершинами, поднялся вверх и добрался до его неприступного гнезда, охлаждая его разгоряченное

приливом крови лицо и восстанавливая бодрость в уставшем теле. Он медленно поднялся. Взглянул на стены расщелины, прикидывая, продолжаются ли они еще на лишнюю тысячу футов, которая и отделяла его теперь от вершины.

Он вновь достал пистолет и выбросил неисправное крепление, затем тщательно прицелился и спустил курок. Убирая пистолет, почувствовал приступ головокружения и инстинктивно потянулся за пакетом кислородных таблеток, висевшим у него на поясе. Затем он начал шарить вокруг себя, пытаясь обнаружить его, в приступе безумия ощупывая каждый дюйм плетеной ткани костюма, и наконец наткнулся на мелкие заклепки, которые только и напоминали о пакете, оторвавшемся во время падения.

На несколько мгновений он лишился способности двигаться. У него оставался лишь один разумный, логичный план действий, и он знал его: спуститься вниз, к шейному гребню, переночевать там и утром вернуться в колонию; затем добраться до космопорта, сесть на первый же корабль, идущий к Земле, и забыть о Деве.

Он едва не рассмеялся во весь голос. Логика была замечательным словом и прекрасной концепцией, но на земле и в небесах имелось множество вещей, которые выходили за ее рамки, и Дева была одной из них.

Он начал подъем.

Где-то в районе 2200 футов расщелина начала изменяться. В первый момент Мартин не заметил этих изменений. Кислородное голодание уменьшило его внимание, и теперь он двигался словно в затянувшемся полусне, поднимая одну отяжелевшую конечность, затем – другую, медленно перемещая свое громоздкое тело из одного рискованного положения в другое, столь же опасное, но чуть-чуть ближе к цели. Когда же он наконец заметил это, то был слишком слаб, чтобы испугаться, и слишком оцепенел, чтобы оказаться обескураженным.

Он как раз подыскал прибежище на узком уступе и взглянул вверх, чтобы найти очередной выступ, куда можно нацелить пистолет. Расщелина была слабо освещена последними лучами заходящего солнца, и на минуту ему показалось, что в сумерках он уже не видит деталей.

Потому что выступов больше не было.

Потому что дальше не было вообще никакой расщелины. Какое-то время она становилась все шире, а теперь превратилась в вогнутый склон, который протянулся до самой вершины. Строго говоря, расщелины не было и внизу. Весь этот излом напоминал сечение гигантской воронки: часть, которую он уже прошел, представляла собой тру-

бу, а часть, которую ему еще оставалось преодолеть, была раструбом.

Он сразу же понял, что раструб окажется сложным препятствием. Склон был слишком гладким. С того места, где он сидел, он не мог разглядеть ни единого выступа, и если это обстоятельство еще не означало отсутствия выступов вообще, оно все же сводило на нет вероятность наличия достаточно больших образований, позволявших использовать пистолет. Он не сумеет надлежащим образом установить страховочный крюк, если нет места, куда его можно всадить.

Он перевел взгляд на свои руки. Они вновь дрожали. Тогда он потянулся было за сигаретой, но вспомнил, что ничего не ел с самого утра, и вместо сигарет вытащил из рюкзака вечернюю порцию сухого печенья. Он медленно сжевал его, протолкнув внутрь при помощи глотка воды. Фляга уже почти опустела. Он с трудом улыбнулся самому себе. По крайней мере, теперь у него была веская причина для подъема на плоскогорье: надо пополнить свой запас воды из голубых озер.

Он вновь потянулся за сигаретой и на этот раз достал ее и закурил. Некоторое время он был занят тем, что выпускал голубые кольца в темнеющее небо. Затем выпрямил ноги и, крепко обхватив руками колени, начал медленно раскачиваться вперед и назад. Он что-то негромко напевал себе под нос. Это был старый-престарый мотив, скорее всего из раннего детства. Неожиданно он вспомнил, где именно и от кого он слышал его, и тут же с раздражением вскочил на ноги и, бросив сигарету в наползавшую темноту, повернулся лицом к склону.

И продолжил подъем.

Это было незабываемое восхождение. Склон оказался таким же трудным, как и выглядел. Подняться по нему прямо вверх было просто невозможно, и Мартин перемещался зигзагом, то продвигаясь вперед, то вновь возвращаясь назад, не используя ничего, кроме ненадежной хватки пальцев, для удержания собственного веса. Впрочем, непродолжительный отдых и скромная еда отчасти восстановили его силы, и первое время он не испытывал затруднений.

Однако постепенно возросшая разряженность атмосферы опять сказалась на нем. Он начал двигаться все медленнее и медленнее. Временами ему казалось, что он вообще стоит на месте. Он даже не отваживался посильнее отклонить назад голову, чтобы взглянуть наверх, поскольку опоры для рук и ног были столь ненадежными, что малейший дисбаланс мог лишить его их поддержки. И к тому же сгущавшаяся темнота тоже давала себя знать.

Он сожалел, что не оставил на последнем уступе свой рюкзак. Теперь это была неудобная ноша, и с каждым шагом она, казалось, ста-

новилась тяжелее. Он распустил бы лямки и сбросил бы рюкзак с плеч... если бы мог высвободить руки.

Пот застилал ему глаза. Один раз он даже попытался вытереть свой влажный лоб о гранитный склон, но преуспел лишь в том, что вскрыл прежнюю рану. К поту добавилась еще и кровь, и некоторое время он вообще не мог ничего видеть. Ему даже начинало казаться, что этот утес уходит в бесконечность. Наконец он сумел вытереть глаза о рукав, но так ничего и не увидел, потому что темнота к тому времени стала полной.

Время стерлось, будто прекратило свое существование. А Мартин не оставлял надежды, что вот-вот появятся звезды, и когда он подыскал более прочные, чем все предыдущие, опоры для рук и для ног, то осторожно откинул голову и взглянул наверх. Но кровь и пот вновь набежали ему на глаза, и он ничего не увидел.

Он был очень удивлен, когда его кровоточащие пальцы обнаружили уступ. Его обследование было кратким и поверхностным, но он совершенно точно помнил, что здесь не должно быть никаких уступов. Однако уступ существовал. Дрожа, он медленно, дюйм за дюймом, вытягивал вверх свое ослабевшее тело, пока наконец не обнаружил опору под локтями, и тогда он забросил правую ногу на гранитную поверхность и подтянулся, устремляясь к безопасности.

Этот уступ был широким. Он смог ощутить его ширину, когда перевернулся на спину и раскинул руки. Он тихо лежал на уступе, слишком уставший, чтобы двигаться. Через минуту поднял руку и вытер с глаз кровь и пот. Звезды появились. Небо было усеяно мерцающими красотами сотен созвездий. И то, которое он заметил еще прошлой ночью, было прямо над ним: всадник с косой.

Мартин вздохнул. Он хотел бы бесконечно лежать на этом уступе, погрузив лицо в рассеянный свет звезд, в успокоительной близости от Девы; лежать в блаженном умиротворении, навсегда подвешенным между прошлым и будущим, лишенным движения и времени.

Но отделаться от прошлого было не так-то просто. Несмотря на его попытки помешать ей, Ксилла отдернула темный занавес времени и вышла на сцену. А затем занавес разошелся в стороны, и началась невероятная пьеса.

После неудачи с третьей книгой (вторая была распродана с тем же успехом, что и первая) Лели поступила на работу в парфюмерный концерн ради того, чтобы он мог продолжать писать. Позднее, дабы освободить его от домашних забот, она наняла прислугу.

Ксилла родилась на Мицаре X. Все уроженцы этой планеты отлича-

ются двумя качествами – огромными размерами и слабоумием. Ксилла не была исключением. Ее рост превышал семь футов, а коэффициент умственного развития не достигал и 40.

Но, несмотря на свой рост, сложена она была пропорционально, и даже с определенным изяществом. Если бы ее лицо обладало хоть каким-то обаянием, она могла бы сойти за привлекательную женщину. Но лицо было невыразительным, с большими коровьими глазами и широкими скулами. Рот казался слишком полным, и полнота эта усугублялась отвешенной нижней губой. Волосы Ксиллы могли бы скрасить ее серое однообразие, будь они должного цветового оттенка, но они были просто коричневыми.

Мартин бросил на нее взгляд один только раз, когда Лели знакомила их. Он сказал: «Здравствуйте», – а затем просто выбросил ее из головы. Если Лели полагала, что эта великанша может справиться с домашней работой лучше, чем он, то он не возражал.

Той зимой Лели перевели на Западное побережье, и вместо того, чтобы содержать два дома, они отказались от дома в Коннектикуте и переехали в Калифорнию. Калифорния была населена не так густо, как Старый Йорк. Обетованная земля, давным-давно утратившая свои прелести, лежала вокруг тысячами еще не возделанных участков. Есть одна положительная особенность, связанная с вечным стремлением человека к зеленым пастбищам: пастбища, которые он оставляет, в его отсутствие покрываются буйной растительностью. В Калифорнии было много места и для тянущихся к покою домоседов, и для тех, кого всегда манила бурная деятельность; Земля после четырех веков авантюризма наконец-то утвердилась в своей новой роли культурного центра галактики.

Просторные особняки двадцать третьего столетия выстроились вдоль побережья. Почти все они были просто очаровательны, и большинство из них пустовало. Лели выбрала коттедж розового цвета, расположенный недалеко от ее места работы, и погрузилась в повседневную рутину, сменив для разнообразия утреннюю смену на послеобеденную, перейдя к режиму, о котором она уже и забыла; а Мартин вернулся к работе над четвертой книгой.

Или попытался вернуться.

Он не был до такой степени наивным, чтобы думать, будто перемена окружающей обстановки в один миг вытащит его из литературной летаргии. Он всегда знал, что слова и фразы, которые он закладывает в редакционную машину, должны исходить от него самого, из самой его глубины. Но он *надеялся*, что две неудачи подряд (вторая книга на самом деле была неудачной, несмотря на быстрый финансовый успех)

должны подвести его к состоянию, при котором не должно случиться третьей.

В этом он ошибался. Его летаргия не только не исчезла, но и стала еще хуже. Он заметил, что все реже выходит из дома, все чаще предпочитая уединение в кабинете со своими книгами. Но не с машиной. Теперь он читал и перечитывал классиков. Толстого и Флобера. Достоевского и Стендаля. Пруста и Сервантеса. Бальзака. И чем больше он читал Бальзака, тем больше его удивляло, что этот маленький толстый краснолицый человек был столь плодовит, тогда как сам Мартин оставался таким же бесплодным, как белый песок на пляже под окнами его кабинета.

Каждый вечер, около 10 часов, Ксилла приносила ему бренди в большом, зауженном кверху бокале (подарок Лели на последний день рождения), и он усаживался в кресле-качалке перед очагом (Ксилла в начале вечера разводила огонь из сосновых веток), погружался в раздумья и потягивал коньяк. Временами он погружался в короткий сон, а затем, вздрогнув, просыпался. В конце концов он вставал, проходил через холл к своей комнате и ложился спать. (Вскоре после их переезда Лели начала работать сверхурочно и редко появлялась дома раньше часа ночи.)

Ксилла заинтересовала его постепенно. Поначалу он даже не осознал этого. Однажды вечером он обратил внимание на ее манеру ходить – слишком легкую для такого тяжеловесного создания, почти ритмичную; в другой вечер – на девственную округлость ее колоссальной груди; а в последующий – на изящный изгиб бедер амазонки под грубой юбкой. Наконец наступил вечер, когда импульсивно (так ему показалось в тот момент) он попросил ее присесть и немного поговорить с ним.

– Если ваам так угоодно, сар, – сказала она и присела на подушечку у его ног.

Он никак не ожидал этого и сперва был повергнут в смятение. Однако постепенно, по мере того, как коньяк начал всасываться в кровь, он воодушевился. Он заметил игру огня в ее волосах и был удивлен, найдя в них что-то большее, чем один лишь тусклый коричневый цвет; теперь в нем появился красноватый оттенок – спокойная скромная краснота, которая сгладила грубые черты ее лица.

Они говорили о самых разных вещах – большей частью о погоде, иногда о море, о книге, которую Ксилла читала, когда была маленькой девочкой (это была единственная прочитанная ею книга), о Мицаре X. Когда она рассказывала о своей планете, что-то случилось с ее голосом. Он стал более мягким и детским, а ее глаза, которые он считал

тусклыми и безынтересными, посветлели и округлились, и он даже заметил в них след голубизны. Мельчайший след, разумеется, но это было начало.

С тех пор он каждый вечер просил ее остаться, и она всегда охотно соглашалась, занимая место на подушечке у его ног. Даже сидя, она возвышалась над ним, но он больше не считал ее размеры тревожащими – по крайней мере, они не тревожили его в том смысле, в каком тревожили раньше. Теперь огромное ее присутствие оказывало на него успокаивающее воздействие, создавая некое умиротворение. Он все с большим нетерпением ждал ее ночных посещений.

Лели же продолжала работать сверхурочно. Временами она не приходила почти до двух часов. Поначалу он беспокоился о ее задержках и даже выражал неудовольствие по поводу того, что она так много работает. Однако в конце концов он перестал беспокоиться на этот счет.

Но неожиданно Лели вернулась домой рано – в ту ночь, когда он впервые коснулся руки Ксиллы.

Ему давно уже хотелось притронуться к ней. Вечер за вечером он разглядывал ее руку, неподвижно лежащую на колене, вновь и вновь восхищался ее симметрией и изяществом, прикидывая, насколько она больше его руки, мягка она или груба, тепла или холодна. Наконец наступил момент, когда он не смог больше себя контролировать, наклонился вперед и потянулся к ней... и неожиданно ее пальцы переплелись с его пальцами, словно пальцы великана с пальцами пигмея, и он почувствовал ее тепло и ощутил ее близость. Ее губы были совсем рядом, ее лицо великанши, ее глаза отливали теперь яркой голубизной – цветом голубых озер. А затем заросли ее бровей коснулись его лба, и красный кратер рта плотно покрыл его губы, смягчаясь и тая, и ее огромные руки заключили его в пространство между двух близнецов – ее грудей...

А потом Лели, которая в шоке замерла прямо в дверном проеме, сказала: «Я соберу свои вещи...»

Ночь была холодной, и крупицы инея парили в воздухе, отражая свет звезд. Мартин вздрогнул и сел. Он взглянул вниз, в бледнеющие под ним глубины, а затем поднял глаза к бездыханной красоте вершин-близнецов. Через минуту встал и повернулся к склону, инстинктивно подняв руки в поисках новых опор.

Но его руки ощущали лишь воздух.

Он вздрогнул. Никаких выступов больше не было. И не было больше склона. Перед ним лежало плато лица Девы, бледное и жалкое в свете звезд.

Мартин медленно брел через плато. Вокруг него, словно блестящий дождь, падал звездный свет. Когда он добрался до кромки кратера рта, то прижал губы к холодному безответному камню. «Воскресни, любовь моя!» – прошептал он.

Но Дева под его ногами осталась неподвижной, как и должно было быть по его разумению, и он пошел дальше, мимо гордого пика ее носа, напрягая глаза в поисках первых отблесков голубых озер.

Он шел в оцепенении, его руки, словно плети, свисали по бокам. Он едва осознавал, что шел вообще. Зов озер теперь, когда они оказались так близко, подавлял все. Красивейшие озера с их манящими голубыми глубинами и обещанием вечного восторга. Неудивительно, что Лели, а позднее и Ксилла приелись ему. Неудивительно, что ни одна из многих других смертных женщин, с которыми он спал и проводил время, не смогла дать ему то, чего он хотел. И нет ничего удивительного, что после двенадцати напрасно потраченных лет он вернулся назад, к своей истинной любви.

Дева была несравненна. Подобных ей не существовало. Во всей галактике.

Теперь он был около скуловой кости, но пока не обнаружил мерцающего в звездном свете голубого оттенка, нарушавшего однообразие плоскогорья. Глаза его уже болели от напряжения и ожидания. Руки дрожали.

Затем – совершенно неожиданно – он обнаружил, что стоит на краю огромной безводной чаши. Ошеломленный, он неподвижно уставился на нее. Потом поднял глаза и увидел далекие заросли бровей, отчетливо выступавшие на фоне неба. Он проследил взглядом по линии бровей туда, где она изгибалась и превращалась в голый гребень, который когда-то был перешейком, разделявшим голубые озера...

До того, как истощилась вода. До того, как прекратила работу подземная насосная система – вероятно, в результате тех же сейсмических возмущений, что образовали и расщелину.

Он был слишком порывист, слишком нетерпелив в своем стремлении обладать истинной любовью. Ему никогда не приходило в голову, что она могла измениться, что...

Нет, он не мог поверить в это! Поверить значило признать, что весь кошмар ночного восхождения на скалу-подбородок пережит впустую. Поверить значило признать, что вся его жизнь прошла без какой-либо цели.

Он опустил глаза – отчасти в ожидании, отчасти в надежде увидеть голубую воду, хлынувшую назад в опустевшие глазницы. Но все, что он увидел, было мрачное дно озера... и оставшийся там осадок...

Но какой необычный осадок! Кучки серых, похожих на палки и прутья предметов, иногда соединенных вместе. Они напоминают... напоминают о...

Мартин отступил назад, яростно вытирая рот. Затем повернулся и бросился бежать.

Но далеко он не убежал – не только потому, что у него прервалось дыхание, но и потому, что прежде, чем далеко бежать, ему следовало разобраться, что он собирается делать. Инстинктивно он направился к скале-подбородку. Но какая, по правде говоря, разница – стать грудой переломанных костей на шейном гребне или утонуть в одном из озер?

Он остановился в свете звезд, затем опустился на колени. Отвращение сотрясало его. Как он мог быть столь наивен, даже в свои двадцать лет, чтобы поверить в то, что он был единственным? Несомненно, он был единственным землянином, но ведь Дева – древняя, очень древняя женщина, и в молодости у нее имелось множество поклонников, покорявших ее всеми способами, какие они только могли изобрести. А потом они умирали в голубых глубинах ее глаз.

Сами кости их свидетельствуют о ее популярности.

Что вам остается делать, когда вы узнали, что ноги вашей богини окутывает прах? Что вам остается делать, когда вы обнаружили, что ваша настоящая любовь всего-навсего шлюха?

Мартин в очередной раз вытер губы. Была лишь одна вещь, которую вы с ней не делали...

Вы с ней не спали.

Рассвет заявил о себе слабым проблеском на востоке. Звезды начали гаснуть. Мартин стоял на краю скалы-подбородка, ожидая прихода дня.

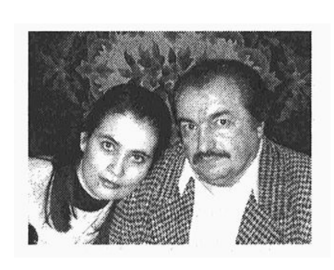
Он вспомнил человека, который много веков назад поднялся на вершину горы и закопал там плитку шоколада. Ритуалы подобного рода выглядят совершенно бессмысленными для непосвященных. Стоя на этом плоскогорье, Мартин похоронил часть того, что совсем недавно составляло его собственную жизнь. Он похоронил свое детство и похоронил все, описанное в книге «Воскресни, любовь моя!». Он похоронил виллу в Калифорнии и дом в Коннектикуте. И под конец – с глубокой скорбью, зато окончательно – он похоронил свою мать.

Он дождался, пока не подобралось вероломное утро, пока не вытянулись первые золотистые солнечные пальцы и не коснулись его усталого лица. Затем начал спускаться.

Перевод Олега Колесникова

Alter ego

Марина и Сергей
Дяченко

СЫСК МАШИ МИХАЙЛОВОЙ

«Alter ego» («Другое я») — новая рубрика нашего журнала. В ней будут печататься произведения популярных фантастов, лежащие вне фантастического жанра. Ведь фантасты — люди разносторонние, они пишут и юморески, и путевые заметки, и даже стихи. И делают это, как правило, талантливо и интересно. Но где мог читатель увидеть их «неформатные» тексты? Раньше — нигде, а теперь — на страницах «ЗД»... Открывают рубрику «детективы для малышей», которые написали киевляне Марина и Сергей Дяченко, лауреаты множества престижных литературных наград (вот и с «Интерпресскона-2002» Марина привезла целых две «Бронзовые Улитки» и приз сайта «Русская фантастика»). Кстати, главным адресатом «Сыска Маши Михайловой» была маленькая дочка писательской четы...

Маша и жадный грабитель

Жила-была девочка, звали ее Маша Михайлова, она училась в третьем классе. Училась хорошо – только по физкультуре у нее была четверка, потому что она медленно бегала. А так у нее были все пятерки, но дело не в этом.

Дело в том, что Маша умела разгадывать тайны, распутывать загадки, решать кроссворды и раскрывать преступления. Поэтому к ней часто обращалась милиция – за помощью.

Однажды Маша сидела за столом и делала уроки – как раз завтра у нее была контрольная по математике. Вдруг в дверь позвонили. Машина мама сперва спросила «Кто там?», потом отперла дверь, и оказалось, что это пришел Майор Милиции, Машин знакомый. Он уже не в первый раз к ней приходил – и все время с какой-нибудь просьбой.

– Что? – спросила Маша, увидев Майора. – Опять?!

Но потом она спохватилась, что ведет себя неучтиво, и вежливо сказала:

– Добрый день.

– Добрый день, – сказал Майор Милиции. Он очень волновался. На нем прямо-таки не было лица. – Маша! Нужна твоя помощь.

– Но у меня завтра контрольная, – сказала Маша. – А я еще не сделала уроки.

Майор разволновался еще сильнее:

– Разве можно говорить о какой-то контрольной, если в городе совершено ужасное преступление?!

– Что же случилось? – спросила Маша.

– Ограблен банк, – Майор Милиции сделался весь красный от волнения. – Преступник забрал все деньги. А завтра у всех библиотекарей – день зарплаты, они придут в банк за деньгами! А денег-то нет!

Маша нахмурилась. Ей стало жаль библиотекарей. К тому же она сама была записана сразу в три библиотеки – потому что любила читать.

– Преступление необходимо раскрыть сегодня же! – сказал Майор Милиции.

Маша поняла, что придется ехать, потому что дело серьезное. Но на всякий случай она еще спросила:

– А без меня никак нельзя обойтись?

– Что ты! – испуганно сказал Майор Милиции.

И Маша со вздохом закрыла тетрадку.

Милицейская машина проехала по всему городу и остановилась возле банка. На крыльце стоял главный кассир и плакал.

– Чем плакать, – сурово обратилась к нему Маша, – лучше расскажите, как произошло ограбление!

Кассир вытер слезы носовым платком, посмотрел на Майора и сказал тихим голосом:

– Уважаемый Майор Милиции! Эта девочка совсем маленькая, она, наверное, только в третий класс ходит. Почему же она говорит со мной, как взрослая, и задает глупые вопросы?

– Это вопросы не глупые, – сказал Майор Милиции. – Это очень

правильные вопросы. Расскажите, пожалуйста, нашему сотруднику и консультанту Маше Михайловой все, что она попросит!

Кассир жалобно всхлипнул.

– Ограбление произошло ужасно, – сказал он сквозь слезы. – Преступник был вооружен пистолетом. Он сказал: «Это ограбление!» Потом он сказал: «Отдавайте деньги, а то хуже будет!» Потом он сложил все деньги в большой мешок и скрылся.

– Как выглядел преступник? – спросила Маша.

– Как свинья, – сказал кассир. – Потому что он был в маске поросенка.

– Это бывает с грабителями, – сказал Майор Милиции. – Они надевают маску, чтобы скрыть свое истинное лицо.

– А какой у него был голос? – спросила Маша.

– Измененный, – сказал кассир. – Он нарочно пищал, как резаный.

– И не оставил отпечатков пальцев, – сказал Майор Милиции. – Потому что был в перчатках.

– Что я завтра скажу библиотекарям? – воскликнул кассир. – Ведь они придут за своей зарплатой!

– Мне надо осмотреть место происшествия, – сказала Маша.

Она вытащила из портфеля большое увеличительное стекло и долго разглядывала ковер, на котором стоял преступник. Потом отогнула край ковра – под ним оказалась маленькая железная пуговица.

– Это наша уборщица, – сказал кассир и покраснел. – Она все время заметает мусор под ковер.

– Это не мусор, – сказала Маша. – Это улика, то есть вещь, которая поможет найти преступника.

– Таких пуговиц полно в каждом магазине – сказал кассир. – Как вы найдете преступника по пуговице?

– Посмотрим, – сказала Маша.

Она вышла на улицу и стала рассматривать тротуар перед входом в банк.

– Что делает эта девочка? – спрашивали прохожие, но Маша не обращала на них внимания. Она нашла на тротуаре десять песчинок и сложила их в маленький полиэтиленовый кулек.

– Нам повезло, что не было дождя, – сказала Маша, пряча кулек и увеличительное стекло. – И что мимо не проезжала поливальная машина. И что ленивая уборщица заметает мусор под ковер...

– Есть какие-то зацепки? – с надеждой спросил Майор Милиции.

Маша сунула палец в нос, чтобы поковырять. Когда она раздумывала, ей всегда хотелось ковырять в носу. Но она вовремя вспомнила, что это неприлично, и опустила руку.

– Маша! – жалобно сказал Майор. – На тебя вся надежда! Ты знаешь, где искать грабителя?

– Не волнуйтесь так, – сказала Маша, чтобы его успокоить. – У меня появились кое-какие мысли... Вот что. Отвезите-ка меня на улицу Сырецкую.

На улице Сырецкой было много домов. Перед одним домом была детская площадка, на ней песочница, а в песочнице было так много песка, что он высыпался через край, на дорожку перед первым подъездом.

Маша залезла в песочницу, вытащила из портфеля ведерко и совок и задумчиво стала делать куличики.

– Безобразие, – сказал шофер Майору Милиции. – Милицейская машина должна стоять и ждать, пока какая-то девчонка не наиграется в песочек! Так мы никогда не поймаем грабителей!

– Маша знает, что делает, – спокойно ответил Майор.

Прошел час. Маша слепила тридцать три куличика и познакомилась с маленьким мальчиком и его бабушкой, которые гуляли тут же во дворе.

Наконец Маша встала, сложила ведерко и совок и вошла в первый подъезд. Там горела тусклая лампочка над списком жильцов. Маша достала из портфеля блокнот и ручку и переписала фамилии всех жителей.

– А теперь, – сказала она Майору Милиции, – отвезите меня, пожалуйста, к Мариванне.

Мариванна была самая старая воспитательница. Она столько лет проработала в разных детских садиках, что, кажется, не было в этом городе взрослого, которого она когда-нибудь не воспитывала. Даже Майор Милиции был у нее когда-то в средней группе.

Мариванна была не просто старая – она была мудрая и прекрасно помнила каждого своего воспитанника. У нее была целая гора выпускных альбомов и фотографий с новогодних утренников.

Когда Маша приходила к Мариванне, та всегда угощала ее чаем с розовым вареньем. Вот и сейчас Мариванна предложила ей сесть в кресло, а сама стала заваривать чай.

– Как твои дела в школе? – спросила Мариванна.

– Завтра контрольная, – сказала Маша. – По математике. Хотела бы я заболеть гриппом!

– Глупости, – сказала Мариванна. – Ведь контрольная – всего на сорок пять минут, а грипп – на две недели!

– Это правда, – сказала Маша. – Мариванна... У вас в группе когда-нибудь были жадные мальчишки?

– Сколько угодно, – сказала Мариванна. – Жадный мальчишка, к сожалению, это вовсе не редкость.

– А как вы их воспитывали? – спросила Маша.

– Их очень трудно воспитывать, – сказала Мариванна. – Потому что ни один жадный мальчишка не знает, что он жадный.

И Мариванна поставила на кружевную салфетку перед Машей чашку ароматного чая, в котором плавали розовые лепестки.

– Один бывший жадный мальчишка ограбил банк, – сказала Маша.

– Так я и знала, что ты пришла ко мне не просто так, а по делу, – сказала Мариванна немного обиженно.

– Простите, – сказала Маша и покраснела. – В следующий раз я обязательно приду просто так.

Мариванна отхлебнула из чашки, и Маша отхлебнула тоже. Они вместе пили чай и рассматривали фотографию над столом. На фотографии была Машина старшая группа, в центре ее стояла Мариванна, а рядом с ней – сама Маша, еще маленькая, дошкольница.

– Чем я могу тебе помочь? – наконец спросила Мариванна.

Маша вытащила из портфеля список жильцов первого подъезда дома на улице Сырецкой.

– Мариванна! Кто из этих людей... из этих бывших детей был самый жадный в своей группе?

Мариванна прочитала весь список и сразу сказала:

– Конечно, Петя Пчелкин. Это был самый жадный жадина, которого я когда-либо видела. Он только и знал: «Мое!», «Никому не дам!», «Все себе заберу!» Даже если найдет на дороге палочку – и ту никому не отдаст. Даже если найдет обертку от мороженого или ржавую скрепку – все равно никому не отдаст. Использованную жвачку никогда не выбрасывал, а посыпал в столовой сахаром и жевал снова. Если бы он мог, то отобрал бы все игрушки у всех детей города, сложил бы из них кучу до пятого этажа и сидел бы под ней, счастливый.

– А вы не помните, какой костюм был у него на новогоднем утреннике? – быстро спросила Маша.

– Как же не помню? – удивилась Мариванна. – Костюм зайца. У него были шорты с круглым заячьим хвостом и белая шапка с длинными ушами.

– В чем-то я ошиблась, – грустно сказала Маша. – Придется все начинать сначала...

Скоро она допила чай, распрощалась и стала уходить – ведь ее ждал Майор Милиции, а за окнами уже вечерело.

– Погоди, – сказала Мариванна уже на лестнице. – Я вспомнила... Пете Пчелкину никогда не нравился его карнавальный наряд. Каждый год он просил у мамы костюм поросенка. И каждый год мама говорила ему, что ей и без того хватает в доме свинства.

– Покажите мне, пожалуйста, его фотографию! – воскликнула Маша.

Мариванна вернулась в комнату, вытащила из шкафа огромную стопку выпускных альбомов и среди них выбрала один:

– Вот он, Пчелкин.

Маша увидела – среди фото прочих детей – фотографию шестилетнего мальчика в голубой рубашке. У Пети Пчелкина были круглые щеки и недовольное лицо.

Маша Михайлова позвонила в дверь квартиры номер тридцать один. Дверь открыл здоровенный дядька в спортивном костюме. Он был давно уже взрослый, но щеки у него остались очень похожие. Во всяком случае, Маша сразу его узнала – это был бывший Петя Пчелкин, а теперь Петр Олегович.

– Вы потеряли пуговицу, – сказала Маша и протянула пуговицу на ладони. – Вот она. Это ваша?

– Ой, спасибо, девочка! – воскликнул Пчелкин. – Как это удачно получилось! Если бы не ты, мне пришлось бы менять все пуговицы на куртке, а это такие расходы!

– Ты ограбил целый банк, а экономишь на пуговицах, – укоризненно сказала Маша.

В ту же секунду из-за ее спины показалась вооруженная милиция во главе с Майором. Не успел Петя Пчелкин оглянуться, как в квартире его были обнаружены пистолет, мешок с деньгами, куртка с оторванной пуговицей и маска поросенка.

– Маша... но как? – спрашивал Майор Милиции. – Как ты догадалась?

– Очень просто, – сонно бормотала Маша на заднем сиденье милицейской машины. – Песок... Это только кажется, что во всех песочницах он одинаковый. А он разный... Но чтобы это понять, надо слепить не одну сотню куличиков... На ботинках Пчелкина был песок, потому что он жил в первом подъезде и ходил мимо переполненной песочницы. От бабушки с внуком, которые жили в том же подъезде, я узнала, что новую порцию песка завезли позавчера – как раз накануне ограбления... Но дело, конечно, не только в песке. Дело в Мариванне, она мудрая. И еще дело в жадности, потому что умный грабитель не стал бы признаваться, что пуговица – его! Это же улика!

Машина остановилась возле Машиного дома.

– Спасибо тебе, Маша, – с чувством сказал Майор Милиции.

– А математику я так и не доделала, – сказала Маша грустно.

На следующий день библиотекари получили зарплату, а Маша – «четыре» по итоговой контрольной.

Но она не огорчилась.

Маша и затонувшие сокровища

Однажды Маша Михайлова поехала с родителями на море. Вода была теплая, медуз почти не плавало, и папа надул для Маши морской матрас. Маша поплыла к буйку, потому что море было спокойное, а плавать она умела хорошо.

Не успела Маша немного поплавать возле буйка, как откуда ни возьмись появилась милицейская лодка с мотором. В лодке сидел Майор Милиции и три незнакомых милиционера.

– Маша! – воскликнул Майор Милиции. – Наконец-то мы тебя нашли!

– Вообще-то у меня каникулы, – сказала Маша. – Я катаюсь на матрасе.

– Я понимаю, – сказал Майор Милиции. – Мне неловко выдергивать тебя из воды, но случилось ужасное преступление. Похищено семь бочонков золота!

– Кто же хранит золото в бочонках? – удивилась Маша.

– Древние мореплаватели, – сказал Майор Милиции. – Тысячу лет назад – а может, и больше – возле наших берегов затонул старинный корабль, груженный золотом. Он плыл из Америки в Испанию. Его искали тысячу лет, но не могли найти. И вот совсем недавно – позавчера – один молодой ученый нашел его с помощью компьютера! Он тут же сообщил о своем открытии в исторический музей, и ученые тут же приехали, чтобы забрать со дна моря очень важные исторические сокровища. Но когда они нырнули на дно и нашли корабль, оказалось, что он уже пуст! Его ограбили вчера...

– Почему – вчера? – спросила Маша. – Почему не тысячу лет назад?

– Потому что на корабле нашли вчерашнюю газету, – сказал Майор Милиции. – В которой говорилось о находке молодого ученого. Преступник, по-видимому, сперва узнал о сокровищах из газеты, потом нырнул на дно за золотом, а там потом сложил газету вчетверо и под-

ложил под корабельный люк, чтобы он не захлопнулся от течения, как форточка от сквозняка.

Маше стало неуютно на матрасе. Потому что сверху жгло солнце, а снизу холодила вода. И как раз приплыла большая медуза и стала белеть рядом.

– Садись в лодку, – сказал Майор Милиции. – Нельзя терять ни минуты. Надо найти золото, оно очень важно для науки и вообще.

– Но ведь семь бочонков золота – это очень тяжелый груз, – сказала Маша. – Как преступник вывез их с берега?

– Это главная загадка, – сказал Майор Милиции.

– Может быть, преступник закопал золото? – спросила Маша. Ее уже вытащили с матраса, посадили в милицейскую лодку и завернули в полотенце.

– Нет, – сказал Майор. – Мы вчера уже обыскали весь берег и не нашли следов лопаты.

– Едем, – сказала Маша. – Только надо дать знать моим родителям, что я не утонула, а нахожусь на задании.

Маша с милиционерами приплыли к тому месту, где под водой лежал затонувший корабль. Маша надела маску и посмотрела под воду, но ничего, кроме одной рыбы-зеленухи, не увидела.

Тогда Маша попросила отвезти ее на берег. На берегу стояли ученые, которые приехали за сокровищами, смотрели на море и вздыхали. Увидев Майора Милиции, вылезавшего из моторной лодки, все ученые бросились к нему:

– Ну как? Вы еще ничего не нашли?

– Найдем, – пообещал Майор. – Вот эта девочка – первоклассный сыщик, наша надежда!

Ученые стали разглядывать Машу, которая была завернута в полотенце. Они качали головами – не верили, что она сыщик. А Маша, не обращая на них внимания, разглядывала акваланги, трубки, маски и прочее снаряжение, которое ученые привезли с собой.

– Скажите, пожалуйста, – спросила Маша у начальника экспедиции, – вы не могли бы поймать мне краба?

– Дети есть дети, – сказал начальник презрительно. – Тут сокровища пропали, а ты краба хочешь! Сыщик...

– И все-таки, – сказала Маша. – Вы не могли бы нырнуть на дно и принести мне самого большого краба, которого можете поймать?

– Слушайте эту девочку! – строго сказал Майор Милиции.

Начальник экспедиции был очень недоволен. Он нырнул и быстро принес Маше маленького краба.

– Это и все? – спросила Маша. – А мне говорили, что ученые, которые исследуют затонувшие корабли, ныряют на такие глубины, где водятся крабы величиной с подушку!

– Это правда, – сказал начальник экспедиции. – У нас есть специальное снаряжение. С ним мы можем нырять на такую глубину, где лежит затонувший корабль. А без снаряжения донырнуть до него нельзя.

– А как же воры донырнули? – спросила Маша

– Вот! – сказал начальник экспедиции и высоко поднял палец. – Поэтому мы и считаем, что вор был иностранец. У местных жителей такого оборудования быть не может, значит, они не могли донырнуть до корабля!

Маша задумалась и даже полезла пальцем в нос, чтобы поковырять в нем, – но вовремя вспомнила, что это неприлично.

– И все-таки, – сказала она, глядя на маленького краба, который как раз уползал обратно в море. – Не могли бы вы поймать мне большого краба? Который живет в трюме затонувшего корабля?

Начальник экспедиции выпятил губу, но молодой ученый, который только-только окончил университет, выступил вперед и сказал:

– Я принесу Маше большого краба!

Он надел специальную маску и специальный костюм, и взял самый современный в мире акваланг, и нырнул, и целый час сидел под водой. Начальник экспедиции ругался, а Маша ходила по берегу и собирала розовые камушки.

Под одним большим камнем она нашла голубое одеяло, совсем еще не старое, с квадратным штампом в уголке. Маша внимательно рассмотрела этот штамп.

Наконец, ныряльщик выплыл. У него в руках был краб величиной с тетрадку по математике.

Маша внимательно рассмотрела краба, измерила его линейкой и попросила выпустить.

– А зачем тогда было за ним нырять? – удивился молодой ученый. – Я думал, ты хочешь себе домой сувенир!

– Это не сувенир, а живое существо, – серьезно сказала Маша. – А теперь покажите мне, где тут проходит дорога.

Ее отвели на дорогу. На дороге не было никаких следов.

– Смотрите, кошка, – сказала Маша.

И в самом деле. На обочине лежала большая кошка и спала.

– И еще кошка, – сказал Майор Милиции. – И вон еще две.

– А эту кошку я знаю, – сказал один из милиционеров. – Это кошка моей тети. Она живет в соседнем селе.

Маша сосчитала спящих кошек. Всего их было десять штук. Все они сладко потягивались во сне.

– Странно, – сказала Маша.

– Ничего странного, – сказал Майор Милиции. – Обыкновенные кошки. У нас во дворе полным-полно таких.

– Поедемте на базар, – сказала Маша.

– Ты хочешь фруктов? – спросил Майор Милиции.

Но Маша ему не ответила.

На базаре было много народу. Солнце палило так, что асфальт дымился и плавился. Но у Маши не было денег – на ней ведь был только купальник и милицейское полотенце.

– Купить тебе дыню? – спросил Майор Милиции.

А тот милиционер, что был с ним рядом, сказал ворчливо:

– Мы теряем время! Пока этот ребенок собирает камушки, ловит крабов и лопает фрукты на базаре, преступники сто раз успеют скрыться вместе с золотом!

Но Маша вовсе не лопала фрукты. Она искала ряды, где торгуют сувенирами. И она нашла их; здесь были ракушки, ароматные масла, глиняные кувшинчики и прочая мелочь. Люди так и толпились рядом – покупали сувениры, чтобы привезти их с курорта домой и поставить в шкаф под стекло, на память.

– Крабы, – сказала Маша.

И действительно, здесь были и крабы. Они были красные, покрытые лаком, неживые. Один краб держал в клешнях маленький пластмассовый замок – Ласточкино Гнездо.

Маша вытащила линейку, которая торчала у нее из-за пояса, то есть из-за резинки от плавок. И стала мерить крабов. Продавцы удивлялись:

– Зачем эта девочка меряет наших крабов линейкой?

Маша хмурилась и ничего не говорила.

Наконец, Маша, а с ней Майор Милиции и угрюмый милиционер подошли к мальчику, который торговал самыми большими на базаре крабами. Маша измерила их линейкой, и лицо у нее повеселело.

– Скажи, пожалуйста, – спросила Маша у мальчика, – ты сам поймал этих крабов?

– Конечно, сам, – сказал мальчик и сделал гордое лицо.

– Врет он все, – сказала тетя, которая торговала рядом. – Этих крабов поймал его дядька.

Мальчик обиделся.

– Твой дядя водолаз? – спросила Маша.

– Мой дядька шофер, – сказал мальчик.

– Тогда он не мог поймать этих крабов, – сказала Маша. – Такие большие крабы водятся в глубоких ямах, куда шоферу не донырнуть.

– А вот и донырнуть! – сказал мальчик.

– А спорим, не донырнуть? – сказала Маша. – Для того чтобы нырять так глубоко, нужно специальное снаряжение, которое бывает только у ученых да иностранцев!

Тогда мальчик покраснел, полез под прилавок и достал краба, который был величиной с Машин школьный портфель:

– А это ты видела?

Майор Милиции – а с ним угрюмый милиционер – разинули рты. Только Маша совсем не удивилась.

– Да, это большой краб, – сказала она спокойно. – А где работает твой дядя?

– Он работает в детском лагере, – сказал мальчик. – Водителем.

– Мы уже были в детском лагере, – сказал Майор Милиции. – Этот лагерь находится неподалеку от затонувшего корабля. Но в лагере никто ничего не видел и не знает.

– И все-таки поедемте, – сказала Маша.

И они поехали. Майор Милиции сразу пошел к начальнику лагеря, а Маша подошла к девочкам, которые сидели на скамейке и играли в шашки.

– Привет, – сказала Маша. – Давно вы здесь?

– Уже две недели, – сказала та девочка, которая выигрывала.

– А вчера вы не заметили ничего странного? – спросила Маша.

– Заметили, – сказала та девочка, которая проигрывала. – Один мальчик из второго отряда вел себя очень странно. На дискотеке пригласил меня танцевать, а потом убежал, будто его ошпарили. Ничего более странного не видела в жизни.

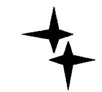
– Это не то, – сказала Маша. – А больше ничего странного не было?

– Больше ничего, – сказала та девочка, что выигрывала. – Разве что молока после сна не давали, а давали чай.

– Что в этом странного? – спросила ее приятельница. – Две недели давали после сна молоко, а один раз дали чай. Ничего странного. Я вообще молоко не люблю. Тем более что вчера вечером на ужин была все-таки молочная каша.

– Спасибо, – быстро сказала Маша и побежала на кухню, к главной поварихе.

– Здравствуйте, – сказала Маша. – Скажите, пожалуйста, почему вчера после сна давали не молоко, а чай?

Повариха уперлась руками в бока и сказала:

– А тебе какое дело? Стану я перед каждой пигалицей оправдываться!

Пришлось Маше бежать за Майором Милиции. При виде Майора повариха заговорила по-другому.

– Вчера, – сказала она нехотя, – нам привезли очень мало молока. Не хватило, чтобы дать детям после сна.

– А кто вам возит молоко? – спросила Маша. – И откуда?

Повариха покосилась на Майора и нехотя сказала:

– Возит наш водитель на микроавтобусе. С коровьей фермы, в бидонах.

– В бидонах?! – воскликнула Маша. – Все же ясно! Скорее надо арестовать водителя! Это он украл сокровища!

– Но как ты догадалась, Маша? – спросил Майор Милиции, когда милицейская машина везла Машу обратно на пляж.

Водителя, который работал в детском лагере, только что арестовали, и он во всем признался. Да и как не признаться, если в подвале у него нашли кучу золота с затонувшего корабля?

– Все очень просто, – сказала Маша. – Я сразу заподозрила, что нырять так глубоко могут не только ученые да иностранцы. Ведь я и раньше видела, каких больших крабов продают на базаре! А такие крабы водятся только на больших глубинах. Местные жители прекрасно умеют нырять не только без специального оборудования, но и вообще без акваланга. Потому что они с детства тут ныряют.

– Да, но молоко...

– Конечно, молоко! Вы ведь видели десять кошек, таких сытых, что они даже встать не могли? Водитель прочитал в газете про находку ученых. Он отыскал затонувший корабль, открыл под водой люк, а чтобы люк не захлопнулся, засунул в него сложенную газету. Потом он вытащил на берег золото... Наверное, это была тяжелая работа, но чего только не делает с людьми жадность! Золото было на берегу, а тем временем водителя ждали в лагере с молоком... Рисковать нельзя было – ведь его могли хватиться! Но куда девать золото? Тогда водитель накрыл свою добычу одеялом, которое было у него в машине, – одеялом со штампом из детского лагеря! Он поехал на ферму, взял молоко, а на обратном пути остановился и стал досыпать в каждый бидон золотые монеты. Молоко, вытесненное золотом, разливалось на дорогу, сразу набежали кошки и стали его лакать... Водитель повез в детский лагерь молоко пополам с золотом. На вечернюю кашу поварихам хватило, а на полдник – нет...

В это время машина подъехала к дому отдыха, где Маша жила с родителями. Родители как раз возвращались с пляжа.

– Маша! – радостно крикнул папа. – А я тебе краба поймал!

– Поскорее отпусти его, – сказала Маша сухо. – Пусть живет.

Маша и вор-сладкоежка

Однажды ночью Машу, как обычно, разбудил Майор Милиции. Он долго звонил в дверь. Было как раз полтретьего ночи. Разумеется, Машина мама стала возмущаться:

– Почему вы не даете ребенку спокойно отдохнуть?

Майор Милиции разводил руками и извинялся. Он был очень огорчен. Он всегда бывал огорчен, когда случалось ужасное преступление.

– Не волнуйся, мама, – сказала Маша со вздохом. – Ничего не поделаешь – служба есть служба.

Она протерла заспанные глаза, сняла пижаму и надела джинсы и свитер. Взяла свой портфель – и вместе с Майором села в милицейскую машину.

– Что произошло?

– Ограбили склад на кондитерской фабрике, – сказал Майор Милиции. – Украли сто коробок шоколадных конфет, тридцать три торта, сорок пять килограмм засахаренных фруктов и пять тысяч заварных пирожных. Это значит, что завтра в школьных столовых вместо пирожных будут сухарики, а все именинники будут угощать своих гостей вместо свежего торта прошлогодними ирисками!

Маша покачала головой. Дело и впрямь было плохо.

Стояла темная ночь, но во дворе кондитерского склада было светло от фонарей и фонариков. Милиционеры с фонариками разглядывали асфальт, подбирали с земли какие-то палочки, спичечки и окурки, складывали их в полиэтиленовый кулек, в общем, искали следы преступников. Всюду ходили милицейские собаки-ищейки. Одна из них нашла в Машином портфеле вчерашний бутерброд.

– Какие новости? – спросил Майор Милиции.

– Никаких, – грустно сказал один из сыщиков. – Преступники будто по воздуху улетели.

– Не по воздуху, – сказал другой милиционер. – У них была машина, скорее всего «Жигули». Ну и что? У меня у самого «Жигули». И во всем городе миллион машин «Жигули». Как узнать, на которой из них преступники вывезли со склада торты и конфеты?

– Преступников было один или двое? – спросила Маша.

– Иди, девочка, спать, – раздраженно сказал первый милиционер, а второй толкнул его в бок и зашептал громким шепотом: «Тихо ты! Это же сама Маша Михайлова!»

Первый милиционер смутился. И, чтобы скрыть смущение, стал тыкать собаке-ищейке под нос какой-то окурок с земли: «Ищи! След! Нюхай, нюхай, ищи!»

Собака-ищейка не хотела нюхать окурок. Ни одно живое существо не станет по доброй воле нюхать такую вонючую вещь. Собака была недовольна, но милиционер был недоволен еще больше.

Маша заметила, что от задумчивости ковыряется в носу. Она застеснялась и поскорее спрятала руку в карман. А в кармане был кусок печенья. Он лежал там с позавчерашней большой перемены.

– Ой, – сказала Маша, и все – даже собака – на нее посмотрели.

Собака облизнулась.

– Есть идея? – с надеждой спросил Майор Милиции.

– Есть, – сказала Маша. – Только мне обязательно нужно свежее заварное пирожное. Хотя бы одно.

– Это трудный вопрос, – сказала Мариванна. – Видишь ли, Машенька, многие дети любят сладости.

Было раннее-прераннее утро. Маша с Мариванной сидели за круглым столиком, и старая воспитательница разливала чай. Перед Машей стояло блюдце с сухариками и еще одно – с розовым вареньем. Весь пол в маленькой комнате был завален альбомами. С овальных фотографий смотрели выпускники детского сада – бывшие воспитанники мудрой Мариванны. Их было несколько тысяч, а может, и больше. И Маша всех их по очереди разглядывала.

– Я сама люблю сладости, – сказала Мариванна. – Особенно розовое варенье.

– Зачем человеку пять тысяч пирожных? – задумчиво спросила Маша. – Ведь через два дня они испортятся, он все равно не успеет все съесть...

– Может, он собирается кормить пирожными какого-нибудь большого зверя? – предположила Мариванна. – Я читала, что некоторые слоны...

Маша покачала головой:

– Нет, Мариванна. Эта версия не годится.

Мариванна отхлебнула чай из своей чашки. Маша шелестела страничками альбомов.

– Вот, – сказала Маша, когда чай был выпит и варенье съедено. – Вот этот мальчик...

– Шура Голубев, – сказала Мариванна. – Ты ошибаешься. Вот как раз он-то никогда не ел сладостей. Ему мама запрещала.

– Почему? – спросила Маша. – У него была какая-то болезнь?

– Нет, – сказала Мариванна. – Он был здоров, даже здоровее прочих. Просто его мама считала, что раз от сладостей портятся зубы, то есть их вообще не стоит. И она наказывала его, если он пытался съесть хоть одну шоколадку.

– Интересно... – сказала Маша. Поболтала ложечкой в своей чашке, сделала глоток и даже не заметила, что чашка совершенно пуста.

Маше удалось подремать совсем немного – у Мариванны на диванчике. Ей снился огромный розовый слон, который поедал шоколад и засахаренные фрукты.

К девяти часам утра Маша пошла в школу – она ведь не могла пропускать уроки. На большой перемене ее вызвали в кабинет к директору; директор, испуганный, стоял в уголочке рядом с фикусом, а за его столом сидел Майор Милиции.

– Маша! – вскричал Майор, когда Маша появилась на пороге. – Как ты была права! Собака, которую накормили заварными пирожными, наконец-то взяла след!

Маша вздохнула с облегчением:

– Наконец-то... Преступника поймали?

– Нет, – сказал Майор Милиции и погрустнел. – Дело в том, что собака привела нас к шестнадцатиэтажному дому, в котором десять парадных. И в этом доме тысяча квартир, в каждой по четыре жильца. Как узнать, кто из них преступник?

Маша вздохнула. Она так устала. Она ведь сегодня ночью почти не спала!

– Почему бы не зайти в каждую квартиру и не спросить вежливо, не здесь ли живет грабитель?

– Так нельзя, – сказал Майор Милиции. – Даже если один из жильцов преступник, то остальные три тысячи девятьсот девяносто девять – не преступники. Им будет очень обидно, что их зря подозревают.

– А вы им объясните, – предложила Маша.

– Нет, – сказал Майор Милиции. – Все равно так делать запрещено законом.

Маша нахмурилась. Она в самом деле не знала, как теперь искать грабителя.

– У меня сейчас рисование, – сказала она Майору. – Увидимся позже.

И пошла на урок.

На рисовании учитель велел всем придумать картинку к какой-нибудь сказке Пушкина. Машина соседка по парте нарисовала дядьку Черномора с большой бородой и в ластах, вроде как на празднике Нептуна.

Маша нарисовала шестнадцатиэтажный дом с десятью парадными. У каждой квартиры было свое окошко. Маша долго вырисовывала занавески, цветы на окнах и котов на форточках.

– Маша! – сказала учитель. – Разве Пушкин про такое писал?

– И днем и ночью кот ученый, – сказала Маша. – И днем и ночью... Боюсь, это преступление так никогда и не будет раскрыто!

Маша шла домой, опустив голову. На душе у нее было тяжело; в школьной столовой вместо пирожных были сухарики, а преступник сидел где-то, безнаказанный, и хрустел шоколадом, сосал засахаренные фрукты, уплетал торт...

Маша так ясно себе это представила, что у нее прямо во рту стало сладко. Она остановилась перед переходом, дожидаясь зеленого света. Прямо над перекрестком висели большие красивые картинки – реклама. На одной была тетя в ночной рубашке и почему-то в шапке-ушанке из кролика. И надпись: «Покупайте наши магнитофоны». На другой был кот, сидящий в пустом аквариуме. И надпись: «Покупайте наши пальто». На третьей была крыса, грызущая телефонный кабель. И надпись: «Лечим зубы без боли!»

Зеленый свет уже давно засветился и снова погас, а Маша все стояла и смотрела на эти картинки. А главное – на адрес под одной картинкой, той, что с крысой...

Это было как раз рядом с тем домом, куда привела милиционеров собака-ищейка!

Серьезный врач долго не мог понять, зачем ему в кабинете девочка, спрятанная под кушеткой (а кушетка – это такой медицинский диванчик). Но Майор Милиции уговорил врача. Маша залезла под кушетку и притаилась там.

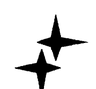
Начался прием. Дверь открылась, и вошли красные туфли на высоком каблуке. Туфли сказали:

– Ах, я так волнуюсь! Мои красивые зубы – они случайно не продырявились?

Врач усадил красные туфли в кресло и проверил зубы. И сказал:

– Очень хорошо, что вы регулярно проверяете ваши зубы! Но пока они не испортились. Вы можете быть совершенно спокойны.

Красные туфли ушли довольные. На их место пришли белые сандалики и сказали плаксиво:

– У меня зуб болит!

– Ох, – сказал врач. – Ты ведь не чистишь зубы, я вижу! И постоянно сосешь леденцы. Разумеется, у тебя не зубы, а решето – все в дырках!

Он вылечил зубы белым сандаликам, и они ушли тоже довольные.

А потом в кабинет вошли блестящие коричневые туфли, прикрытые зеленоватыми штанинами.

Эти коричневые туфли не успели ничего сказать. Потому что сразу же за ними в кабинет ворвались огромные пыльные кроссовки, и на одной из них был развязан шнурок.

– В чем дело? – спросил врач у кроссовок.

– Ы-а-у-у! – сказали кроссовки. – О-ы!

– Извините, – сказал врач коричневым туфлям. – Тут, похоже, дело серьезное...

– Безобразие! – сказали коричневые туфли и ушли.

– А-о-ы-ы! – завывали кроссовки. – У-у-о!

Врач посадил их в кресло и включил свою машинку. Тогда Маша осторожно выглянула из-под кушетки; в зубоврачебном кресле сидел, запрокинув голову, помятый и лохматый субъект с круглым животом и впалыми щеками.

Это был Шура Голубев. Только теперь ему было не шесть лет, как на фотографии в альбоме Мариванны. Теперь ему было гораздо больше.

Маша вытащила из кармана форменного пиджака маленький мобильный телефон, который дал ей Майор Милиции. Зубоврачебная машинка звенела, и кроссовки завывали, потому никто не слышал, как Маша прошептала в трубку:

– Попался! Берите его сразу же, как выйдет из кабинета!

– Неужели? – удивилась Мариванна. – Конечно, он был не очень-то хороший мальчик... Сыпал девочкам за шиворот песок... Но кража?! Но пять тысяч пирожных?

– Все просто, – сказала Маша, помешивая ложечкой земляничное мороженое. – Он с самого детства знал, что от сладостей портятся зубы. Сперва ему говорила об этом мама. Потом он сам себе об этом говорил... А шоколада ему хотелось все сильнее, хотя он сам себе в этом не признавался! У него была ужасная унылая жизнь. Он никогда не клал в чай даже маленькую ложечку сахара... Он даже на день рождения не покупал себе торт.

– Ужасно, – сказала Мариванна, зачерпывая варенье.

– Да, – сказала Маша. – Он стал злой и раздражительный.

– А в садике он был совсем не такой, – сказала Мариванна. – Правда, он сыпал девочкам за шиворот песок...

– Он вырос, и песок сыпать было уже неприлично, – сказала Маша. – Зато он ругался в автобусе. Устраивал очереди, скандалы и портил праздники. Его никто не любил... В конце концов, его нервы не выдержали. Он вломился на кондитерский склад и унес столько сладостей, сколько смог дотащить до машины. Кстати, он купил себе «Жигули» на сэкономленные на конфетах деньги...

– Ужасно, – снова сказала Мариванна и снова зачерпнула варенье. – Зачем тогда машина, если не умеешь радоваться жизни?

Маша кивнула:

– По мне уж лучше без машины, но с шоколадкой... Но самое обидное: когда он съел наконец-то свои сто коробок шоколадных конфет, у него действительно заболели зубы. Не могли не заболеть! Тут-то мы с Майором его и сцапали.

– А всего-то и надо было, – сказала Мариванна, – есть сладости не сразу, а понемножку, и чистить после них зубы...

– Ах, Мариванна, – устало сказала Маша. – Если бы все слушали вас и делали, как вы говорите, – на свете совсем бы не осталось преступников.

Маша и чудовищная история

Маша гуляла во дворе с подружками – они прыгали «в резиночку», и как раз у них случился спор: как правильно делать петлю правой ногой. Маша совсем уж было всех переспорила, когда во дворе появилась милицейская машина, а в ней, разумеется, Майор Милиции.

Маша сразу перестала играть. А Майор уже шел к ней, да не шел, а бежал, размахивая руками:

– Маша! Тут такое случилось! Ну такое случилось!

На нем просто лица не было. Так говорят, когда человек от волнения сам на себя не похож.

– Успокойтесь, – сказала Маша. – Не надо так волноваться... Расскажите по порядку, что произошло?

– Ограбили спортзал, – сказал Майор. – Самый большой, самый лучший спортзал в городе! Из него вынесли буквально все, от теннисного мячика и до хоккейных ворот. Все гантели! Все тренажеры! Все сетки, мячи, ракетки, шведскую стенку, канаты для лазания и коврики для кувыркания! Все пусто, можешь сама посмотреть, и ведь что самое странное – никто не слыхал ни звука!

– Едем, – коротко сказала Маша.

Они сели в машину и поехали.

У дверей спортзала стоял Тренер. Он был бледный и немножко дрожащий. Маше показалось, что он чего-то боится. Странно: тренер был такой сильный и мускулистый, чего бы ему дрожать?

– Идемте с нами, – сказал Майор. – Покажете, где стояли тренажеры и где хранились мячи.

– Я боюсь туда заходить, – сказал Тренер слабым голосом. – Я не пойду.

– Не понимаю, – сказала Маша. – Там ведь никого нет?

– Я все равно боюсь, – сказал Тренер.

Маша решила, что он просто очень расстроен. Но когда они с Майором вошли в огромный и совершенно пустой зал, ей самой стало немножко не по себе.

Большие окна под потолком были прикрыты решеткой – чтобы мяч случайно их не разбил.

– Решетка совершенно цела, – задумчиво сказала Маша. – А двери?

– И двери совершенно целы, – сказал Майор. – Кроме того, у дверей всю ночь дежурил сторож. Он ничего не слышал.

– Может быть, он спал? – спросила Маша.

– Может быть, – сказал Майор.

Маша вытащила свое увеличительное стекло и стала разглядывать пол в спортзале. Майор Милиции стоял на одной ноге, чтобы ей случайно не помешать.

– Странно, – сказала Маша, складывая увеличительное стекло. – На полу не вижу никаких царапин... Понятно, что мячи и сетки следов не оставляют, – но тренажеры все-таки тяжелые! Их тяжело с места сдвинуть, не то что унести бесследно...

– Никаких следов? – взволнованно спросил Майор.

– Следы есть, – сказала Маша, немножко подумав. – Но это какие-то странные следы. Будто кляксы.

– Да, я заметил, – сказал Майор Милиции. – На полу, на стенах вроде бы бульон разлили, а потом высушили. Даже на потолке...

И он задрал голову так, что милицейская фуражка чуть-чуть не упала на пол.

Слышно было, как в коридоре за дверью стучит зубами отважный Тренер.

– Мне надо поговорить со сторожем, – сказала Маша.

Но сторож был заспанный и злой. Его очень обидело то, что все думали, что он проспал грабителей.

– Я ни секундочки не спал! – говорил он так громко, что у Маши заболели уши. – Я никогда в жизни не спал на посту! В половине двенадцатого я запер дверь на ключ и сел перед дверью смотреть телевизор... А когда телепрограмма закончилась, стал читать газету! И до семи часов утра, когда пришли первые посетители делать зарядку, я не смыкал глаз!

И сторож стал долго и возмущенно сморкаться в носовой платок.

– С половины двенадцатого до семи, – вздохнул Майор Милиции. – Нет, времени у грабителей было предостаточно...

– Я не слышал ни звука! А значит, никакого звука и не было! – закричал сторож, и Маша решила оставить его в покое, чтобы лишний раз не расстраивать.

Она вышла на свежий воздух, на крылечко. На крылечке стоял Тренер и нервно курил.

– Не огорчайтесь так, – сказала ему Маша. – В конце концов, мячи и тренажеры – не самое главное в жизни. Попросите людей, которые ходят к вам в зал, – пусть пока сами принесут какие-нибудь гантели, скакалки и коврики.

– Нет, – сказал Тренер и помотал головой. – Они уже приходили... Посмотрели на этот зал и сказали: тут дело нечисто. Так и сказали! И сказали: мы больше никогда не будем ходить сюда. Мы пойдем в другие спортзалы. Здесь не останемся, даже если купите новые тренажеры. Здесь страшно.

– А что такое «дело нечисто»? – спросила Маша Майора Милиции, когда они возвращались на машине.

– Так говорят, когда не могут объяснить, что случилось, – отозвался Майор неохотно. – Если не могут объяснить, как это было на самом деле, – начинают врать про нечистую силу...

– Я не верю в нечистую силу, – сказала Маша.

– Я тоже не верю, – сказал Майор. – Но почему-то, когда я впервые вошел в этот опустевший спортзал, мне стало страшно.

– Мне тоже, – сказала Маша.

– И почему-то все люди, которые ходили в спортзал заниматься физкультурой, теперь ни за что не хотят туда возвращаться, – добавил Майор.

– Не нравится мне все это, – сказала Маша задумчиво.

Пришел вечер, а Маша все не могла успокоиться. Все думала об ограбленном спортзале, и кому понадобилось сразу столько спортивных вещей, и как он смог их утащить, если и окна, и двери были закрыты.

И еще она думала о пятнах на полу и на потолке, и почему испугался Тренер, ведь спортсмены обычно храбрые...

– Маша, пора спать, – сказала мама.

В этот момент форточка со звоном распахнулась, и в нее влетел футбольный мяч.

– А-а-а! – закричала Маша.

Мяч, по счастью, ничего не разбил, а просто закатился в угол.

– Безобразие, – сказала мама. – Мало того, что они допоздна гоняют в футбол, так еще и в окна попадают! А если бы разбили?!

Маша ничего не могла сказать – так она напугалась.

Мама взяла мяч, выглянула в форточку и крикнула:

– Сейчас милицию вызову!

Никто не ответил. Мама выбросила мяч и закрыла форточку:

– Ты слишком нервная стала, Машенька. Все потому, что ты поздно ложишься спать. Иди скорее, чисти зубы на ночь!

Маша почистила зубы и улеглась, но долго не могла заснуть. Ей все казалось, что этот мяч, который влетел к ним в форточку, был из ограбленного спортзала...

Родители уже легли спать, и в квартире стало темным-темно. Вдруг кто-то тихонько постучал в окно: тук-тук-тук...

– А-а-а! Ма-а-а! – изо всей силы закричала Маша.

Проснулись родители. Зажгли свет. Стали выяснять, в чем дело.

– Это ветка в окно стучит, – сказал папа. – А если ты не успокоишься и не будешь спать, я вообще не разрешу тебе встречаться с Майором Милиции! И Майору скажу, что его расследования на девочку плохо влияют...

И опять все легли спать. Маша лежала тихо-тихо. Она знала, что папа, если разозлится, может действительно исполнить, что обещал.

Маша уже почти заснула, но в окно опять постучали: тук-тук-тук... И окно открылось, и в окне показалась морда обыкновенного Чудовища.

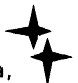
– Извините, что так поздно, – сказало Чудовище. – Не здесь ли живет знаменитая девочка Маша Михайлова?

Маша так напугалась, что могла выговорить только: «Ц... ц... ц...»

– Еще раз извините, – вежливо сказало Чудовище. – Не вы ли та самая Маша? Это очень важно... Простите, что мешаю вам спать...

– А-а-а... – еле слышно сказала Маша. – Я-а...

– Дело в том, – сказало Чудовище, – что произошло недоразумение... У меня есть тетя. Она вредная. Это не тетя – это настоящее чудовище! Она вбила себе в чудовищную голову, что она толстая, и решила похудеть... А мой чудовищный дядя посоветовал ей заняться спор-

том! Тогда моя тетка унесла все спортивные вещи из того спортзала, вы понимаете... Но она не знает, что с ними делать! Она проглотила один теннисный мячик, и у нее заболел живот. Она завернулась в волейбольную сетку, думает, это платье... Но самое печальное – она нисколечко не похудела! Характер у нее и без того был плохой, а теперь испортился и стал просто чудовищный. Что делать? Мне сказали, что здесь живет девочка Маша Михайлова, которая умеет находить ответы на самые каверзные вопросы...

– Д-да, – сказала Маша, которая уже справилась со своим страхом. – Все п-понятно. Это в-ваша ув-важаемая тетя унесла из спортзала весь инв-вентарь?

– Да, – печально сказало Чудовище. – Мы просили ее этого не делать, но она не послушалась... И что ведь главное – она такая же толстая, как и была!

– Вот что, – сказала Маша и совсем перестала бояться. – Я напишу для вашей тети на бумажечке несколько упражнений для улучшения фигуры. А она за это пусть вернет все в спортзал, как было!

– Замечательно, – сказало Чудовище и повеселело. – А ваши упражнения помогут тете?

– Обязательно, – сказала Маша. – Если она будет делать их каждый день – еще как помогут!

И она быстро написала на листочке, вырванном из тетради: приседания – сорок раз, отжимания – сорок раз, прыжки – пятьдесят раз, наклоны – тридцать раз, бег на месте – тысяча шагов!

– Огромное спасибо, – сказало Чудовище.

– Не за что, – сказала Маша. – Я, честно говоря, немножко боюсь чудовищ. Я даже думала, когда была маленькой, что никаких чудовищ не существует.

– Ничего удивительного, – сказало Чудовище. – У нас тоже никто не верит в людей. Даже те, кто их на самом деле видел, потом говорят себе: это показалось, это сон. Вот и вы проснетесь завтра и подумаете – это сон...

– Нет, – сказала Маша. – Я так не подумаю!

И она заснула. А когда проснулась утром, подумала с удивлением: ну и странный сон же мне приснился!

И она позвонила Майору Милиции, чтобы спросить, нет ли новостей в деле об ограбленном спортзале.

– Каком таком спортзале? – спросил Майор. – Никаких спортзалов никто не грабил. Тебе что, сон приснился, Маша?

– Да, – сказала Маша и очень удивилась. – Наверное, мне и в самом деле приснился сон...

– Не смотри на ночь мультики про черепашек-ниндзя, – сказал Майор Милиции. Он был очень обеспокоен. – Твои нервы нам еще понадобятся. Береги себя, Маша...

И Маша пообещала ему не смотреть на ночь мультики.

Прошел месяц, и Маша совсем забыла об этой истории. Тут ведь столько всего случилось: игрушечный магазин ограбили, и еще украли победителя международной собачьей выставки, пса по кличке Гарнир. И все это Маша должна была расследовать!

И вот однажды Маша вытащила из своего почтового ящика странное письмо. Оно было все в кляксах, вроде бы кто-то расплескал бульон, а потом высушил. А одна клякса была в виде сердечка.

«Дорогая Маша! – было написано в этом письме. – Огромное тебе спасибо за твои упражнения! Я делала их каждый день, и вот – теперь я самое стройное чудовище на свете! Раньше я не верила в людей, думала, что все это выдумки сказочников, чтобы пугать детей. Зато теперь я не только верю, что люди существуют, – я даже знаю, что они очень умные и доброжелательные!

Удачи тебе.

С уважением,

чудовищная тетя».

Маша на всякий случай никому не показывала это письмо. Мало ли...

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Андрей Лазарчук и Ира Андронати:

«Работать вдвоем интереснее»

Что происходит с Андреем Лазарчуком? Почему нет новых книг?» — еще недавно спрашивали друг друга российские фэны, давно и заслуженно ценящие писателя за цикл произведений «Опоздавшие к лету» и за роман «Посмотри в глаза чудовищ» (написан в соавторстве с Михаилом Успенским). Действительно, после того как Лазарчук перебрался из Красноярска в Петербург, складывалось впечатление, будто писатель молчит. А ведь на самом деле он напряженно работал — за полтора года были написаны сценарий 12-серийного телефильма, два балетных либретто и (совместно с супругой — Ирой Андронати) роман «За право летать». Этот роман только что вышел в свет в серии «Звездный лабиринт», что сняло все вопросы о пресловутом «молчании». Но поставило новые, которые и задал супружеской чете корреспондент «ЗД».

— В вашем первом — и пока единственном — совместном романе земляне бьются не на жизнь, а на смерть с инопланетной расой имперцев, негласно использующих человечество как источник генетической подпитки. В финале Земля подписывает с униженной Империей договор о своей полной независимости. Нет ли здесь полемики с «имперской» линией в творчестве современных российских писателей-фантастов?

И.А.: — Во-первых, это не финал. Во-вторых, это та еще империя. Называют-то ее так именно земляне — просто потому, что на-

до же это как-то назвать. Цитируем:

«Не соотносится внешний вид и образ действия [пришельцев] с этим гордым словом: Империя. Это ведь не они себя, это мы их так прозвали. Слово прилепилось к пришельцам само собой, порожденное культовой – даже дважды культовой – киноэпопеей "Звездные войны".

Но если отвлечься от кино, что вспоминается нормальному взрослому человеку при слове "Империя"? Орлы и знамена. Железная поступь легионов, боевые слоны, триумфальная арка, "Звезда Смерти", белый плащ с кровавым подбоем, за гранью дружеских штыков, штурм унд дранг юбер аллес, аве, цезарь! – и генералиссимус на белом коне, армады "юнкерсов", армады дроидов, черные шлемы, кто не сдается, того уничтожают, танки, вперед! А что в нашем случае? Беспомощная какая-то осада, нелепые десанты в неподходящие места, похищения людей...»

В общем, Империи бывают разные. И не все, что так называется, имеет на это право.

А.Л.: – Была, например, еще совсем недавно Центрально-Африканская империя, с императором Бокассой у холодильника. А что касается полемики, то концептуально имперская линия ничем не отличается от линии партии. Взять, например, поиск врагов, примат общественного над частным, обязательную цензуру... Так вот, в «Космополитах» мы эту тему пока еще не трогали.

– Что, по вашему мнению, происходит с отечественной фантастикой в последнее десятилетие (после распада СССР)? Пошла ли на пользу жанру полная свобода и отсутствие навязываемой идеологии?

И.А. и А.Л. (хором): – Достаточно просто зайти в магазин и посмотреть на полки, чтобы больше никогда не задавать таких вопросов.

– И все же. Что вы думаете о тенденциях развития фантастики в России?

А.Л.: – Ничего не думаем. Мы же не тенденциями промышляем, а так – книжки пописываем в свое удовольствие...

– Существует мнение, что фантастика (при всей ее научности) — это самый религиозный вид литературы после собственно религиозной литературы. Вячеслав Рыбаков даже написал: «Беллетризованное описание желательных и нежелательных миров есть не что иное, как молитва о ниспослании чего-то или сбережении от чего-то... Серьезная фантастика... это шапка-невидимка, в которой религия проникла в мир атеистов...» Прокомментируйте, пожалуйста.

А.Л.: – Точка зрения вполне аргументированная, а значит, имеет право на существование. Как, впрочем, и все другие аргументи-

рованные точки зрения. Скажем, Логинов не любит Льва Толстого и объясняет почему. Толстой не любил Шекспира и тоже внятно объяснял за что. А мне нравятся все трое. Что это – неразборчивость или терпимость? Другое дело, что меня смущает тезис «Фантастика при всей ее научности...». Мне как-то не попадались произведения, в которых не происходит нарушения фундаментальных законов – в частности, законов сохранения.

И.А.: – Атеизм и сам по себе – неистовая тоталитарная религия: ни на чем не основанная агрессивная вера в отсутствие Бога. А желание придумать другой мир – лучший, красивый, не похожий на обыденность – это не религия, это изначальное свойство человека, стремление вернуться к детскому, чистому восприятию действительности. А религии – включая атеизм – это человеческое качество беззастенчиво эксплуатируют и извращают.

— Кого из нынешних фантастов вы бы отметили особо?

А.Л.: – Себя. Буркина. Дяченок. Еськова. Успенского. Очень жду, что вернется в «большой спорт» Покровский.

И.А.: – Логинов. Лукин. Вообще, когда говоришь о своих, всегда опасаешься кого-то хорошего пропустить. Поэтому ставим многоточие и переходим к иностранным: Хайнлайн, Саймак, Шекли, Джордж Мартин, Пурнелл и Нивен, Майкл Крайтон, Дэвид Брин, Кэтрин Куртц... Хватит пока.

— Как вы относитесь к фантастической прозе нефантастов? Имеются в виду «Кысь» Татьяны Толстой, «Укус ангела» Павла Крусанова...

А.Л.: – Чем-то они напоминают мне «нового русского», который за большие деньги купил барабан работы Страдивари.

И.А.: – А я вот никак не могу решить, как мне относиться к тому факту, что без трилогии Успенского никакой «Кыси» Толстой не было бы и в помине. Хоть бы спасибо сказала, что ли...

— Совсем неоригинальный вопрос: как вы пишете вдвоем? Кто бегает по редакциям, а кто стережет рукописи?

А.Л.: – По редакциям летает «The Bat», а рукописи в последнее время стережет CD-RW. Пишем же мы всеми вообразимыми способами: вдвоем за одной машиной, по очереди, параллельно на двух, переговариваясь или молча... Главное – постоянно идет проговор событий, которые происходят в описываемом мире и которые могут и не попасть в текст, но тем или иным способом повлиять на него.

И.А.: – А еще с большим интересом сейчас выслушиваем знакомых, которые нам объясняют, как именно мы пишем вдвоем и что именно кто из нас писал...

— Вопрос к Андрею: что тебе дает работа с новым соавтором?

А.Л.: – Писать вдвоем интереснее и приятнее. Разница между письмом сольным и «дуэтным» – примерно такая же, как между придумыванием шахматных задач и партией с партнером. В идеале, конечно, хотелось бы совмещать то и другое...

– Космическая опера «За право летать» заявлена вами как первый роман из цикла «Космополиты». Сколько романов будет включать в себя этот цикл? Пишется ли продолжение?

А.Л.: – Продолжение пишется. Вернее, не продолжение, а просто роман, действие которого происходит в том же мире и частично с теми же героями. Напишем столько, сколько захотим, – пока будет получаться и пока не надоест.

И.А.: – Мир получился интересный и многообещающий. Кроме того, есть обязательства в рамках жанра: например, Империя обязательно должна нанести ответный удар. И во втором романе она этого сделать не успевает...

– Не кажется ли вам, что сюжет вашей книги сложноват для космооперы, а сам роман перегружен персонажами, идеями и событиями?

А.Л.: – Боюсь, это срабатывает реноме. Даже если я напишу телефонную книгу, будут говорить, что она сложновата для жанра телефонной книги и перегружена персонажами, идеями и событиями...

И.А.: – Мы писали то, что хотели бы прочитать сами. И вообще, как мне кажется, космическую оперу несправедливо оболгали и опустили. Нас заставили привыкнуть, что в книжке должно быть полторы сюжетные линии и шесть героев, различаемых по цвету одежды, а также обязательный звездолет против светодиодного меча или лазерной рогатки. Но космическая опера – важны оба слова – подразумевает большой размах, пространство, множество персонажей – и определенные каноны и правила игры, в рамках которых мы, собственно, и работали. А народ сбивает с толку главным образом то, что мы стремились к предельно допустимому реализму. И надеемся, достигли его.

– В романе с большой симпатией описаны коты-разведчики эрхшшаа. Заметно, что представителей рода кошачьих вы уважаете. У Марины и Сергея Дяченко магический кот Дюшес выступает в роли полноправного соавтора. А у вас коты (не обязательно соавторы) в доме есть?

А.Л.: – Сейчас нет.

И.А.: – И собак нет. Кеша вот – есть. Но он – компутер. Мааленький.

– Над чем сейчас работаете? Андрей как-то говорил о третьем совместном романе с Михаилом Успенским...

А.Л.: – Пишем одновременно два романа – один из «Космопо-

литов», другой совершенно отдельный, внецикловый и даже внежанровый. А с Мишей мы обсудили концепцию третьего романа, и он уехал думать.

— Некоторые авторы забавляются тем, что имплантируют в свои фантастические миры реальных людей из фэн-тусовки. Хрестоматийный пример — постоянно утилизируемый фантастами Юрий Семецкий, которому часть фэндома отчаянно завидует, а другая часть — искренне сочувствует. В вашей книге тоже есть узнаваемые герои (например, Коля — «обладатель редкостной древнекитайской фамилии Ю-ню»). Скажите что-нибудь по этому поводу.

И.А.: – А что можно сказать... Хорошая фамилия. И персонаж хороший. Мне очень нравится.

А.Л.: – Я считаю подобные игры занятием весьма рискованным. И надо обладать большим тактом и очень любить прототип, чтобы не навредить ему своими фантазиями.

И.А.: – Мы вообще-то даже хотели Семецкого спасти. Но поняли, что уже поздно.

— Остается пожелать вам творческих успехов. Ждем новых произведений, написанных дуэтом и сольно.

И.А. и А.Л.: – Спасибо (исполняется прощальный туш на пылесосе).

Вопросы задавал
Владимир Ларионов

Рецензии

Ключ от Зеленой Дверцы

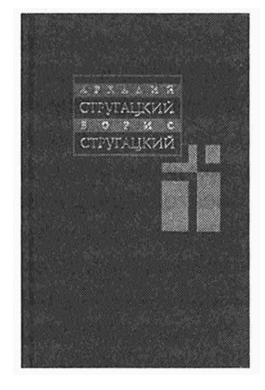
Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений в 11 т. Т. 11: Неопубликованное. Публицистика. – СПб.: Terra Fantastica, Донецк: Сталкер, 2001. – 736 с. 10 000 экз. (п) ISBN 5-7921-0480-8, ISBN 966-596-456-9

Фантасты любят создавать новые миры. Множество авторов, «подающих надежды», одаренных и даже откровенно талантливых, ежедневно садятся за стол, чтобы заняться этим. Но лишь нескольким писателям XX века удалось описать на страницах своих произведений миры, в которых действительно хочется жить. Средиземье Толкина. Старогорск Крапивина. И, безусловно, «мир Полудня» Аркадия и Бориса Стругацких. Мир, где живут счастливые, свободные люди. Где интереснее работать, чем

развлекаться. Где нет места трусости и подлости. Где учтены все мрачные уроки прошлого, а у человека есть три ценности, ради которых стоит жить: дружба, любовь и работа. А еще этот мир живой и теплый – в отличие, скажем, от холодных, математически точных построений Ивана Ефремова, неприступно сверкающих стеклом и сталью.

12 октября 1991 года не стало Аркадия Натановича Стругацкого, одного из демиургов, творцов этого прекрасного и ясного мира. Автор «А. и Б.Стругацкие» прекратил существование. Казалось, Зеленая Дверца захлопнулась навсегда... Однако чудеса порой еще случаются. В начале 2002-го стараниями издательств «Terra Fantastica» и «Сталкер» при участии группы «Людены» увидел свет одиннадцатый том очередного собрания сочинений Стругацких, включающий в себя неизданные произведения авторов. В том числе 14 художественных текстов, выходивших до этого в лучшем случае в фэнзинах.

Перелистывая страницы новых, еще не читанных произведений Стругацких, испытываешь удивительное, почти забытое чувство. Как давно это было в последний раз! Больше десяти лет назад, пожалуй: в журнале «Юность» вышли тогда «Отягощенные злом»... Из того, что опубликовано сегодня, особенно хороши «Дни Кракена». На уровне лучших произведений АБС 60-х – и в то же время совершенно на них не похоже. Множество сочных бытовых деталей, ярких, узнаваемых образов... Безумно жаль, что Стругацкие так и не закончили эту вещь, местами почти автобиографическую для Аркадия Натановича. Позже эта атмосфера и интонация отчасти вернутся в «Хромой судьбе», но к тому времени и у авторов, и у многих читателей за спиной останется половина жизни...

На примере этой книги любой желающий может наблюдать, как росли и менялись писатели, как стремительно обретали они легкость пера и какую-то необыкновенную внутреннюю свободу – от ученических «Четвертого царства» и «Затерянного в толпе» до главы «Венера. Архаизмы», не вошедшей в окончательный вариант «Стажеров», скорее всего, из политических соображений. Отчасти то же происходит и с убеждениями авторов – это можно проследить на примере избранной публицистики. Со временем в их статьях и интервью становится все меньше «задорного оптимизма» 60-х, все больше вопросов и сомнений. Кстати, выступали Стругацкие и как квалифицированные литкритики: статья Аркадия Натановича «Три открытия Рюноскэ Акутагавы» сделала бы честь многим современным литературоведам.

Подозреваю, сложнее всего издателям было решить, что использовать

в качестве послесловий к этим одиннадцати томам. Первое («текстовское») собрание сочинений по части сопроводительного материала выглядело крайне аскетично: список публикаций, два указателя во втором дополнительном томе – и все. Послесловия и предисловия к следующему собранию были написаны в своеобразной «игровой» манере питерским фантастиковедом Сергеем Переслегиным и вызвали мощный резонанс. Выяснилось, например, что далеко не все читатели готовы простить критику вольности по отношению к творческому наследию АБС... Издатели одиннадцатитомника нашли блестящий выход из положения: послесловия к книгам А. и Б.Стругацких написал сам Борис Натанович Стругацкий. В эссе «Комментарии к пройденному», печатавшемся из тома в том, писатель рассказывает, как и в каких условиях создавались (а затем и издавались) тексты, вошедшие в эти книги. Обладателей же завершающего тома ждет еще и объемная статья Леонида Филиппова «От звезд – к терновому венку» (в содержании она почему-то называется «Чутье на неисправность»): последовательный и внимательный разбор творчества АБС, выполненный умным, эрудированным и влюбленным в предмет своего интереса читателем.

Василий Владимирский

Кого за хреном посылать

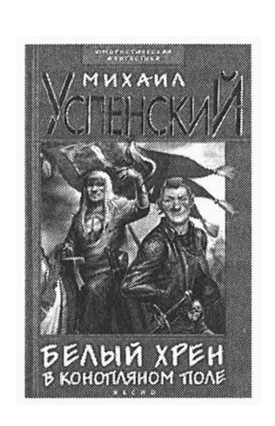
Успенский М. Белый хрен в конопляном поле. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 384 с.: ил. 25 000 экз. (п) ISBN 5-04-009489-2

Сюжет нового романа красноярца Михаила Успенского свидетельствует о том, что автор нашел в себе смелость распрощаться с удачно найденным персонажем Жихарем (ему посвящена трилогия «Там, где нас нет», «Время Оно» и «Кого за смертью посылать»), но не стал прощаться с жанром. Ведь именно после выхода сказок о Жихаре на сакраментальный вопрос «Существует ли русская фэнтези?» стало возможно ответить утвердительно. Выстраивая свой фантастический мир, Успенский использовал достижения историков и филологов. Главным в арсенале фантаста остался язык повествователя, точнее, языковые игры, перекрестные аллюзии, вольные ассоциации. Все это превращало повествование в цепочку невероятно смешных перипетий.

Персонажей, претендующих на звание центральных, в новом романе несколько: в первой части это мужицкий король Посконии по имени Стремглав (дружественные галлы из страны Бонжурии называют его «капитан Ларусс»), во второй – два его непутевых сына-близнеца, Тихон и

Терентий. Удалые богатыри и одновременно сказочные дурачки, они вбирают в себя черты былинного «добра молодца», сказочных Ивана-Третьего-Сына и Ивана-Царевича, пушкинского Балды и гоголевского Вакулы – и еще много-много всего, исторического, литературного и вполне современного (на контрасте эпох построено немало уморительных «гэгов»). Эльфы, гоблины, злые волшебники, таинственные превращения – все тут тоже в наличии. Первая часть являет собой рассказ о путешествии и воцарении короля Стремглава; во второй части свой анабасис совершают младшие королевичи, в компанию к которым набивается заколдованный рыцарь (в виде коня), расколдованная Белоснежка (оставшаяся без королевства), распрямленный горбун (которого, в соответствии с каноном, исправила могила) и проч.

Описывая похождения своих разнообразных героев, автор вновь использует не только фольклорные источники, библейскую атрибутику и достижения мировой литературы вкупе с достижениями Голливуда, но и залежи «совковых» стереотипов. Как и в предыдущих сказках, здесь возникает странная, причудливая и невероятно смешная смесь всего со всем, которая доставит удовольствие самым разным читателям. Метод литературного оксюморона (соединение несоединимого) у Успенского по-прежнему эффективен. Если в книгах о Жихаре можно было встретить эпизоды, где языком народной сказки пересказывалась фабула книги «Как закалялась сталь», а «Ирония судьбы» превращалась в трагический сюжет средневековой японской прозы, то читатель книги «Белый хрен в конопляном поле» едва ли пропустит эпизод с участием героя хичкоковского «Психо» Нормана Бейтса (этот тип пытается подловить Тихона с Терентием, но терпит фиаско); не останутся незамеченными очевидные аллюзии с «Мертвыми душами» (злодеи в романе, правда, покупают настоящих мертвецов – с целью превратить их в зомби); улыбку, без сомнения, вызовет появление книг о Когане-варваре (этого персонажа, правда, еще до Успенского придумал Терри Пратчетт). И так далее.

Недостатки романа – суть продолжение его достоинств. Языковая игра, «вкусные» перверсионные эпизоды нередко оттесняют на периферию собственно фабулу; особенно заметно это к финалу, когда действие прискорбно тормозится. Кроме того, Успенский совершает ту же ошибку, что и Стругацкие в третьей части своего «Понедельника», когда в легкое, изящное повествование о НИИЧАВО вдруг вплетается сугубо научно-

фантастическая идея контрамоции. У Успенского силы зла, мечтающие установить на земле владычество мертвых, выпадают из общего юмористического контекста; пародия на фэнтези к концу грозит превратиться в «серьезную» фэнтези, а эволюции персонажей все больше укладываются в формулу, выведенную юмористами из клуба «12 стульев» старой «Литгазеты»: *«Много веселых приключений происходит с героями, прежде чем все они погибают...»*

Роман Арбитман

Двое в толпе

Берджесс Э. Сумасшедшее семя: Роман / Пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2002. – 285 с. – (Alter ego). 7000 экз. (п)
ISBN 5-227-01632-1

Энтони Берджесс (1917–1993), прозаик, композитор и музыкант, известен у нас прежде всего как автор романа «Заводной апельсин» (в 1971 году Стэнли Кубрик поставил по этой книге нашумевший фильм). Однако сейчас, с временной дистанции, видно, что «Апельсин» – не самое лучшее произведение Берджесса. У него, литературного экспериментатора и мистификатора, мастера насмешки и иронии, писателя бесконечно изобретательного на сюжетные ходы, есть книги не менее значительные, не менее увлекательные. Например, роман «Сумасшедшее семя» (1962).

Перед нами антиутопия на тему перенаселения. Время действия – недалекое будущее, место – Лондон и Южная Англия. В романе это территория Ангсо – Англоязычного Союза, одной из двух огромных империй (вторая – Руссо, Русскоязычный Союз), между которыми поделен мир. Некоторые аллюзии на Оруэлла очевидны, да Берджесс их и не скрывает, потому как пишет совсем иную книгу – и (скажем, забегая вперед) книгу достойную. Проблемы перенаселения в Ангсо пытаются решить, всячески ограничивая рождаемость. Однополая любовь не просто разрешена, но пропагандируется. Удачливы в карьере, занимают высокое положение в обществе гомосексуалисты и лесбиянки, а наибольших высот достигают кастраты. Запрещены искусство и литература, ибо они пробуждают в людях *«жажду отцовства»*. Потеря пола ведет к обезличиванию человека, он превращается в бесполое нечто, мыслями и чувствами которого так легко

управлять. Лишь самые яркие и одаренные люди способны противостоять режиму. Среди них – не подозревая поначалу о своей оппозиционности – оказываются главные герои романа, преподаватель истории Тристрам Фокс и его жена Беатрис-Джоанна.

Сюжет книги довольно-таки изощрен. Когда в стране возникли масштабные волнения голодных и отчаявшихся людей, а каннибализм начал становиться массовым явлением, правительство было вынуждено сменить фасад внутренней политики. Запрет на детопроизводство сменился его разрешением, осуждение разнополой любви – ее пропагандой, Популяционная Полиция превратилась в Полицию Совокупления. Но рождаемость все равно нужно было ограничивать. И начались войны, в которых будто бы погибало много солдат. На самом же деле отряд за отрядом переправлялся морем – ночью, чтобы никто не догадался, куда идут суда, – в Ирландию, в безлюдные прибрежные районы. Поздно вечером солдат доставляли на «фронт», где они вступали в бой с неким противником – в действительности с такими же солдатами Ангсо. Оставшихся в живых – с той и с другой стороны – добивали специальные отряды «чистильщиков», чтобы никто не смог вернуться с «войны» и рассказать правду о ней. Никто, кроме Тристрама Фокса...

На его долю выпадает много тягот, но выстоять, выжить помогает ему любовь к жене, хотя она была ему неверна с его братом Дереком (Дерек – крупный чиновник, сохранявший высокое положение при всех режимах). Любовный треугольник Берджесс разрешает в финале, при встрече Тристрама и Беатрис-Джоанны. Герои встречаются на берегу моря – великой вечной стихии, во все времена олицетворявшей для людей свободу и гармонию. И мы слышим голос автора: *«Поднимается ветер... нам надо постараться жить. Бесконечный ветер открывает и закрывает мою книгу. Волна, распыленная, смело плещет и брызжет со скал. Улетайте, слепящие, ослепляющие страницы. Разбивайтесь, волны. Растекайтесь радостными водами...»*

Владимир Гопман

Голодный грек на пути в небеса

Хаецкая Е. Голодный грек, или Странствия Феодула: Романы. – М.: АСТ, 2002. – 416 с. – (Заклятые миры). 7000 экз. (п) ISBN 5-17-013068-6

Не часто издатели балуют нас новыми книгами Елены Хаецкой. Предыдущая ее вещь (роман «Анахрон», написанный в соавторстве с Виктором Беньковским) вышла аж в 1999 году. И только в начале 2002-го

увидел свет «Голодный грек...». Появление книги столь достойного и талантливого автора, как Хаецкая, всегда событие радостное, а когда она еще и выходит в популярной серии – это настоящие именины сердца.

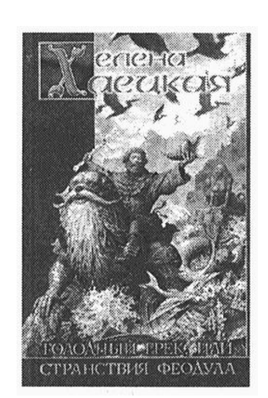
Рыба ищет где глубже, человек – где лучше. Но читать о счастливчике, отыскавшем свое место в мире и на этом успокоившемся, как правило, невыразимо скучно. Другое дело – герой страдающий, гонимый или ищущий. Тут уж без испытаний не обойтись, даже если поиск в первую очередь духовный, как у персонажей Хаецкой.

Феодул, главный герой заглавного романа сборника, – типичный человек Средневековья: идет туда, куда ветер дует. Он как ребенок: авантюрист и праведник одновременно, и непонятно, что движет им в большей степени. Беглый монах «латинской веры», грек по рождению, Феодул доверчив и легок на подъем. Разумеется, мирские блага его интересуют, но золото на небеса не унесешь, и Феодул жертвует всем накопленным ради продолжения путешествия. Блаженный человек – в том смысле, что во всех странствиях (сперва в Константинополь, а затем и в страну монголов) ему сопутствует Божья благодать. Этой-то благодатью Феодул и спешит поделиться с каждым встречным: с язычниками-монголами, с магометанами, с народом добродушных псоглавцев...

Арнаут Каталан, о котором рассказывается во втором романе («Жизнь и смерть Арнаута Каталана»), – человек более просвещенный, поднаторевший в куртуазной науке, он пытается поначалу жить не сердцем, а разумом. Но ничего у него не получается, словно кто-то исподтишка толкает под локоть. Более противоречивую фигуру трудно представить: фигляр и лекарь, аскет и инквизитор, он просто обязан был в конце концов стать святым. Практически в одно и то же время живут эти герои на разных концах христианской Ойкумены, но чудеса «чистых» братьев-катаров, повергающие юного Каталана в восторг и трепет, в мире Феодула – что-то проходное, само собой разумеющееся. Франция позднего Средневековья пышнее, вычурнее, но тут не чувствуется того размаха, что на Святой Земле, а тем более – в бывшей столице Византийской империи. Там, на периферии, где сталкиваются великие цивилизации, нюансы не так бросаются в глаза. Не важно, православный ты или католик, никонианин или катар, – существенна не форма, а содержание. Для Каталана чудо – редкое вкрапление в монолит обыденной жизни. Для Феодула сам мир и есть величайшее чудо Господне. Но искренняя вера, которую носят они в сердце, и готовность к самопожертвованию искупают немалые грехи и того, и другого.

Последние лет десять отечественные фантасты часто и с удовольствием пишут о европейском Средневековье. Романы Елены Хаецкой от большинства подобных произведений отличает удивительная искренность

автора. Писательница ни словом, ни интонацией не позволяет себе намекнуть, что не согласна с представлениями героев об окружающем мире. В российской фантастике данный прием, активно используемый, например, Милорадом Павичем, почему-то не прижился. Напрасно: в умелых руках это, оказывается, весьма мощный инструмент. Сложно подобрать точное жанровое определение для текстов, которые пишет Хаецкая. Это нечто среднее между историческим авантюрным романом, фэнтези и свободным изложением жития святого. Одни называют такую прозу «христианской фантастикой», другие – «сакральной». Хотя у Елены хватает поклонников и даже подражателей, по большому счету ее творчество остается уникальным явлением в русской литературе. Впрочем, доподлинно известно: и «в столе», и на столе у Хаецкой достаточно неизданных рукописей, чтобы раз в полгода радовать поклонников очередной книгой, не уступающей «Голодному греку...» ни по объему, ни по качеству. А там кто знает: может быть, со временем и появятся у писательницы на российских просторах достойные преемники...

Анатолий Гусев

Домен по имени Русь

Зайцев С., Завгородний Б. Рось квадратная, изначальная. – М.: АРМАДА, Альфа-книга, 2002. – 496 с. – (Фантастический боевик). 15 000 экз. (п) ISBN 5-93556-163-8

Плох тот фэн, который не желает стать писателем. Из фэндома в литературу пришло немало авторов. Это и Майкл Муркок, и Брюс Стерлинг, и Сергей Лукьяненко. Всех не перечислишь, ибо имя им легион. Но каждый из них, каких бы вершин ни достиг впоследствии, наверняка помнит свою первую книгу и своего первого издателя. Для многих из ныне успешно работающих фантастов таким издателем стал небезызвестный «фэн № 1» Борис Завгородний. В начале 90-х на голом энтузиазме он даже не издал, а создал из отходов полиграфического производства «Библиотечку Волгакона», в рамках которой увидели свет дебютные книги М.Алферовой, В.Васильева, С.Синякина, С.Щеглова. Ах, какую же неизъяснимую сладость испытывали новоявленные писатели, держа в руках эти неказистые томики. Вы ели когда-нибудь шербет? Так вот, это намного слаще...

То, что в свое время сделал Завгородний для российской фантастики, было настоящим прорывом. Мы перестали вариться в собственном соку, ощутили себя частью всемирного литературного процесса. Киберпанк, фэнтези, космическая опера прочно вошли в обиход отечественных авторов. Так стало можно писать, и это можно было опубликовать. В наших умах и сердцах произошла настоящая революция. Однако, как это часто бывает, революция принялась пожирать своих героев. Не стал исключением и Борис Завгородний. И тем отраднее, что именно сейчас появилась на свет его первая и, надеемся, не последняя книга, написанная в соавторстве с земляком-волгоградцем Сергеем Зайцевым, – «Рось квадратная, изначальная».

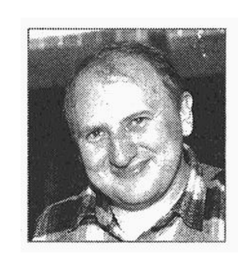

Персонажи повести живут в мире насколько странном, настолько же и привычном. Благуша и Выжига – разбитные российские купцы, способные и дело с выгодой провернуть, и гульнуть по-молодецки. Вот только торговать им приходится не с соседями, не с заморскими коммерсантами, а с жителями домена, волею судеб и теории вероятности в данный момент состыкованного с их доменом. Такова космология этой вселенной. В некоем Бездонье плавают квадратные домены, которые по случайному принципу соединяются друг с другом Раздрай-Мостами. По доменам там и сям разбросаны оставленные Неведомыми Предками артефакты. Последние позволяют быстро перемещаться как внутри доменов, так и между ними, а также обогревают и освещают звероватый люд, погрязший в раннем Средневековье...

Только в таком уникальном мире могла возникнуть народная забава, называемая Отказной гонкой. Если два парня полюбили одну девицу, то они, начав путешествие из случайной точки, пытаются добраться до предмета своей страсти как можно быстрее. Сюжетом первой части романа, собственно, и стало подобное соревнование между Благушей и Выжигой. Во второй же им предстоит разгадать тайну проклятого домена и в конечном итоге обрести настоящую любовь. Рассказ о приключениях героев ведется с изрядной долей иронии, сдобренной приколами, которые понятны только избранной публике. Хотя если вчитаться в текст, то станет очевидным, что авторов прежде всего занимает исследование загадочной славянской души. Описывая похождения купцов, они пытаются осмыслить ту неуловимую национальную идею, которая подсознательно понятна всем, но поиски формулировки которой заставляют любой коллектив, занятый изучением этой проблемы, наутро страдать абстинентным синдромом.

Андрей Синицын

Игорь Черный

RERUM NOVARUM

Харьковский профессор, доктор филологических наук Игорь Черный пришел в фантастиковедение относительно недавно, однако уже пользуется авторитетом как среди фантастов, так и среди поклонников их творчества. На «Росконе-2002» статья И.Черного «Mater et magistra» получила главный приз по номинации «Критика». Обзор «Rerum novarum» («О новых вещах»), публикуемый «Звездной дорогой», продолжает серию «латинских» работ филолога (у него еще имеется «Ex ungue leonem»). Кстати, нелишне напомнить, что «мнение автора журнала может не совпадать с мнением редакции». Это как раз тот самый случай, но, как нам кажется, любая позиция имеет право на существование, если высказана профессионально и доказательно...

Неоднократно приходилось и слышать, и самому отстаивать утверждение, что «женский цех» в современной массовой литературе занимает более твердые позиции, чем «мужской». Если не брать такой специфический жанр, как любовно-сентиментальный роман, где мужчине, право слово, и делать нечего, а посмотреть на двух его конкурентов – детектив и фантастику, то в глаза бросается очевидная тенденция. Женщины-писательницы пользуются здесь большим успехом. По крайней мере, в детективной литературе. Спрос на книги Марининой, Поляковой, Дашковой, Донцовой значительно превышает интерес к продукции таких признанных мэтров, как Леонов, Корецкий, Незнанский.

В фантастике (возможно, менее явно) происходят те же процессы. В то время как лидеры продаж, классики жанра зачастую идут по пути самоповторов, выезжают на коне былой славы, на стезе «литературы крылатой мечты» появляются новые лица. Новые люди, которым есть что сказать читателю. Особое место здесь занимают дамы. Их не так

много. Пока. Но тем заметнее их успех. В 2001 году на небосклоне российской фантастики замерцало сразу несколько звезд, носящих женские имена: Наталья Игнатова, Ольга Елисеева, Александра Сашнева. Все они работают в разных сегментах жанра.

Так, Наталья Игнатова успешно обживает миры фэнтези. Из-под ее пера вышло уже три романа: «Чужая война», «Змея в тени орла» и «Последнее небо». Первые два – это дилогия, связанная общим местом действия. Наиболее значительным в творческом багаже Игнатовой пока представляется ее дебютный роман «Чужая война». Солидный объем поначалу испугал и едва не оттолкнул от чтения. Тут надо либо обладать усидчивостью настоящего любителя или исследователя, либо книга должна настолько увлечь, чтобы не возникло желания отложить ее после первой же главы. К счастью, опасения не оправдались. Роман был прочитан, что называется, «за один присест».

Поначалу, после знакомства с главными героями, завелся червь сомнения. А не с сиквелом ли романов Майкла Муркока об Эльрике Альбиносе мы имеем дело? Несчастный принц, Вечный Воитель и Скиталец, прилетел на другую планету, где продолжает свою миссию – воюет со злыми силами во имя торжества добра. Сомнения так и не рассеялись до конца «Чужой войны». Однако не появилось и твердой уверенности в своей правоте. Очень уж отличаются книги английского и российского авторов и по духу, и по содержанию, и – главное – в трактовке образа главного героя. Эльрик Игнатовой более «живой», что ли. Несмотря на постоянно муссируемый романисткой мотив одиночества шефанго, тот не производит впечатления страдающего героя. И слава Богу. А то мы получили бы очередного Волкодава. Сколько можно плодить этих несчастненьких рыцарей, отказывающихся от личного счастья во имя каких-то высоких целей? С души уже воротит. Равно как и от суперменов, которые в каждом новом романе обнимают очередную красотку. Словно уже и не осталось на этой бедной планете таких понятий, как Любовь, Счастье, Привязанность, Брак, наконец.

Эльрик у Игнатовой попробовал было надеть на себя маску (экая двусмысленность, ведь герой романа практически никогда не расстается с этим предметом, скрывая свое ужасное для человеческого взгляда лицо) благородного альтруиста, пожертвовав любовью к прекрасной эльфиечке Кине ради дружбы и единства команды. И мы приготовились к традиционному финалу, где сраженный на поле брани герой-победитель открывает любимой свои чувства и агонизирует, оплакиваемый безутешной героиней. Так нет же. Друг-соперник, эльф Элидор, тоже мечтает о венце страдальца. Открыв с помощью волшебства истинную природу вещей, он насильно возвращает Кину Эльрику.

А в остальном все достаточно традиционно. Планета, населенная эльфами, шефанго, гномами, гобберами, орками и людьми. Разные религии, парочка воинствующих орденов. Несколько скучающих Творцов-Демиургов, которым захотелось в очередной раз поиграть в шахматишки, где фигурами выступают люди и нелюди, а доска – весь мир. Поиски артефактов, каковые в принципе не так уж и нужны героям. Локальные драки и финальная Последняя Схватка. Старая добрая фэнтези. Но выдумка? Но полет фантазии? Но нетривиальные повороты сюжета и эпический размах? Все это есть в «Чужой войне».

Ольга Елисеева работает в направлении, появившемся в нашей литературе в 1999 году и получившем название «сакральная фантастика» (теоретиком направления является Д.Володихин, который включает в него таких авторов, как Е.Хаецкая, П.Копылова). Это что-то близкое к фэнтези, но не тождественное ей. Вероятно, данный род литературы можно было бы охарактеризовать как постижение действительности с помощью божественного откровения. Особый интерес «сакральщики» проявляют к истории, которая видится им как поле бесконечной битвы между Добром и Злом. Ничего удивительного, если принять во внимание, что большинство авторов этого направления по образованию профессиональные историки. Впрочем, к истории мы еще вернемся, а пока остановимся на общей характеристике творчества Елисеевой.

Если о книгах Игнатовой можно сказать, что они принадлежат к «мужской» прозе (особенно мистический боевик «Последнее небо») – жесткой, изобилующей кровавыми сценами, то сочинения Елисеевой (романы «Хельви – королева Монсальвата», «Золотая колыбель», повесть «Дерианур – море света») – типично женская литература. В наибольшей мере это относится к первому из названных произведений. Если убрать из «Хельви...» несколько мистических эпизодов да прибавить парочку постельных сцен, перед нами будет сентиментальный роман, который следовало бы издать в серии, подобной «Шарму». Властная королева из политических соображений находит себе короля-ширму – человека робкого и сломленного обстоятельствами. Но затем мужчина преображается, а женщина становится покладистее, между королем и королевой вспыхивает сильное чувство, и все заканчивается хэппи-эндом. Обычная история. Путь Женщины к Мужчине. И наоборот. Примерно то же составляет основу «Золотой колыбели» и «Дерианура...».

Подчеркнем, однако, что в остальном эти произведения ни в малой мере не копируют «Хельви», что очень важно. Все три книги Елисеевой различны по своей поэтике. Писательница нигде не повторяется. Каждый раз ей удается удивить читателя. Тот уже настроился на вторую серию «Королевы Монсальвата», а его ожидает нечто совершенно новое

(rerum novarum). Что до любовной линии, составляющей основу книг Елисеевой, то это вполне оправданно, ибо возвращает термину «роман» его исконное значение – книга о чувствах. Люди, мысли, чувства – вот фундамент каждого подлинно художественного произведения. Если писатель жертвует чем-либо из этих составляющих, то получается либо сухой трактат, либо эссе, либо физиологический очерк. Но ни в коем случае не роман.

У Елисеевой из перечисленных компонентов превалирует чувственный. В наибольшей мере это проявилось в первом романе. Такого накала и обнаженности эмоций давненько не приходилось наблюдать в фантастическом произведении. Подобное можно найти разве что в романе Александры Сашневой «Наркоза не будет», речь о котором пойдет ниже. Впрочем, в этой книге чувства обнажаются под беспощадным скальпелем хирурга... Как говорят, в первоначальном варианте «Хельви» было несколько больше батальных и любовных сцен. Но затем писательница сочла необходимым отказаться от них. Возможно, зря...

В «Золотой колыбели» и «Дериануре...» чувственное начало уравновесилось с остальными компонентами. Наконец-то появились люди (а в «Колыбели» и вполне правдоподобные боги) и мысли. Причем подтекстовые и интертекстовые. В «Хельви» подтекста маловато. Там, скорее, все построено на христианской символике Возрождения. Чуть ли не на сказке о блаженной стране Монтаньяр, где мирно пасутся единороги. Тексты последующих произведений Елисеевой, на наш взгляд, в большей степени принадлежат к «сакральной фантастике». Возможно, это обусловлено тем, что писательница обратилась к реальной истории, а не к живописанию вымышленного мира. Хотя и мир «Хельви» отчасти напоминает земное прошлое. Нет-нет, да и замелькают знакомые лица, типа папы Александра VI Борджа или Франциска Ассизского, которые получили в книге другие имена, но от этого другими не стали.

«Золотая колыбель», посвященная античным временам, по своему замыслу и воплощению представляет собой то, что в науке получило название «роман-гипотеза», или «роман-исследование». Елисеева здесь выступает в качестве смелого экспериментатора, по крупице восстанавливая картину мира, о котором мы практически ничего не знаем. Она пользуется и данными науки, и собственным воображением. Порою интуитивным, порою же – полученным откуда-то свыше, через мистическое озарение. «Золотую колыбель» можно назвать поистине боговдохновенным романом. Если проводить параллели, то наиболее близкими по поэтике к книге Елисеевой окажутся историко-мифологические романы Генри Лайона Олди. Однако у харьковского дуэта несколько иные отношения с богами. Олди стоят выше небожителей. Они сами де-

миурги. Боги в их руках – такие же пешки, как и подвластные им люди. Боги Елисеевой неподвластны авторской воле. Они действуют сами по себе. Старая распря Гекаты и Аполлона становится причиной геополитических изменений. *«Те орудуют, ты — орудие»*, как сказано об отношениях людей и олимпийцев в цветаевской «Федре».

Скифы, греки, таинственные амазонки населяют пространство «Золотой колыбели». Клубок человеческих драм, обнаженных до самых нервов и сухожилий. Во всем романе нет ни одного по-настоящему счастливого человека. И боренье чувств. Любовных, патриотических, религиозных. Соотношение чувств, людей и мыслей в книге вполне соответствует формуле идеального романа.

Наконец, повесть «Дерианур – море света», посвященная любимому времени Елисеевой-исследователя. XVIII век – *«столетье безумно и мудро»*. Один из самых таинственных и еще не оцененных до конца периодов в истории земной цивилизации. Век великих открытий и великих социальных потрясений, гениальных ученых-просветителей и не менее талантливых авантюристов. О некоторых из них и рассказано в повести. Предметом художественного исследования стали такие титанические личности, как граф Сен-Жермен, великая княгиня Екатерина Алексеевна (будущая императрица Екатерина II) и два Григория – Орлов и Потемкин. И шире: судьба России, перед которой открылись великие перспективы. Естественно, Елисеева и здесь верна сакральному направлению. Сен-Жермен таинственным образом извлекает из Голубого алмаза, принадлежащего Людовику XV, живую душу и помещает ее в «Великого Могола», или Дерианур. Таким образом удача покидает Францию и переселяется в Россию. Ибо Дерианур попадает в руки Екатерины, а затем в виде знаменитого алмаза «Орлов» становится украшением скипетра российских самодержцев. Это, так сказать, «мысли». Если прибавить сюда мистический антураж в виде посещения графом Шуваловым старого чернокнижника Якова Брюса, черной мессы, заседаний масонской ложи, то книга вполне вписывается в романтико-авантюрную традицию, начатую еще Дюма и Жорж Санд.

А как же люди и чувства? И того, и другого в повести с избытком. Казалось бы, сколько уж написано о царствовании Екатерины Великой. Шишков, Пикуль, Дубов – как тягаться с такими мастерами? Так и вспоминается дубовское «Колесо Фортуны» с образом таинственного Сен-Жермена в центре повествования. А Потемкин из пикулевского «Фаворита»? И все-таки Елисеевой удалось кое в чем дополнить своих именитых предшественников. Ее Гриц Потемкин получился гораздо более человечным, чем у Валентина Саввича. Да и Сен-Жермен в «Дериануре» – это не просто философское воплощение авторского «я», как у Дубо-

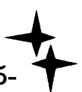
ва, а вполне конкретная личность. Снова, как и в «Золотой колыбели», Елисеева идет по пути исторического эксперимента. В данном случае она соединяет сакральную фантастику с «криптоисторией». Писательница пытается понять, кто стоял за кулисами переворота 1762 года.

И чувства, конечно же, чувства. Миром правят люди, а людьми правит Любовь. В «Дериануре» много влюбленных пар, несколько любовных треугольников. Помпадур и Людовик XV, Елисавет и Шувалов, Екатерина и Станислав Понятовский, Екатерина и два Григория (Орлов и Потемкин). По насыщенности событиями эта повесть превосходит иные сочинения Елисеевой.

Нельзя не отметить и возросшее языковое мастерство автора. Если в «Хельви» мелос фраз был еще отчасти интуитивным, то в «Дериануре» внутренняя мелодия соединяется с отчетливым визуальным рядом. Читая книгу Елисеевой, так и представляешь картины Буше, Ватто и Фрагонара и слышишь переливчатую музыку моцартовской «Волшебной флейты». Вроде бы фразы строятся без особых изысков и вычурности, а задевают за душу: *«Вкатив на мост над шумной Гжелкой, карета так и не съезжала с досок — мощеное бревнами полотно, как скатерть, стелилось к барскому дому. По обеим ее сторонам возвышались тенистые липы, и Шувалов, наконец, вместо пыли вдохнул полной грудью пьянящий запах доброго зимнего чая. Не хватало только острой ноты малинового варенья, чтоб совсем погрузить фаворита в морозные мечтания у камелька»*. Этакая кинематографичность. Словом, не вызывает сомнений тот факт, что в лице Ольги Елисеевой русская фантастика получила отнюдь не робкого новичка, а вполне сформировавшееся и самобытное явление. Нуждающееся разве что в хорошем издателе.

На примере творчества Игнатовой и Елисеевой мы сталкивались с традиционными разновидностями фантастики (фэнтези, боевик, историческая фантастика, разновидностью которой, по нашему мнению, является фантастика сакральная). А вот следующую книгу трудно описать и классифицировать. С одной стороны, это мэйнстрим, с другой – бытовой роман, с третьей – боевик, причем боевик мистический. И все это применимо к роману Александры Сашневой «Наркоза не будет».

Конечно, по своей жанровой специфике произведение Сашневой – это типичный городской роман. Главной темой его и объектом является «человек в городе». Речь идет об одиночестве маленькой личности, способной затеряться в многотысячной толпе. Речь идет о персонифицированных страхах человека. Отсюда и стиль жизни героев романа. Творческий труд, который почти не дает средств к существованию. Поистине волчьи законы богемного общежития, где хищник норовит

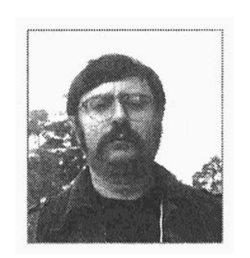
съесть более слабого, а члены одной стаи (или, по-новому, тусовки) абсолютно равнодушны к судьбам друг друга. Беспорядочные половые связи, основанные лишь на быстром удовлетворении физиологических инстинктов. Угар от спиртного и наркотиков.

«Наркоза не будет» – до предела жесткая, если не сказать – жестокая проза. Написанная на последнем выдохе, даже издыхании. Она пронизана пессимизмом, апатией, первобытным ужасом перед окружающей действительностью. И в то же время герои не оказываются в жизненном тупике. Книга устремлена к свету, к возрождению.

Если вернуться к нашей триаде «люди – чувства – мысли», то здесь, как и практически в каждом произведении женщин-фантастов, преобладает чувственное начало. Главная героиня, художница Коша, открыта для настоящего чувства. Она живет надеждой на встречу с тем, Единственным... Коша далека от идеала. Это ни в коей мере не «тургеневская девушка». И все же она именно русская героиня. Натура добрая, мечтательная, страстная. Живущая не умом, а сердцем. Способная истратить последние деньги на ненужную вещь или на дружескую пирушку. Способная предложить саму себя в виде хлеба для причастия нуждающемуся в женской ласке мужчине. Начинающий писатель Роня, художник-сердцеед Ринат, увечный Евгений и таинственный повелитель туч Чижик – все они так или иначе притягиваются к Коше и вертятся вокруг нее, словно планеты вокруг Солнца. И не могут свернуть с орбиты, уйти в бесконечное пространство космоса.

Сашнева скупа на портретные описания, на психологические характеристики. Но ее персонажи живут и запоминаются. Омытые психоделическим потоком сознания героини, они получают самостоятельное воплощение. Коша становится демиургом – создателем личностей. И фантастический элемент в романе отчасти воспринимается как часть ее полубредового состояния. Было? Не было? Кровожадный собакоголовый бог Древнего Египта Нубис, очутившийся в современном Питере и взалкавший человеческих жертв. Мастер погоды Чижик, умеющий летать. Жуткий профессор Легион, правящий черную мессу и воскресающий после смерти...

В этом очерке мы, естественно, не смогли дать полную характеристику творчества Натальи Игнатовой, Ольги Елисеевой и Александры Сашневой. Да в одной статье это просто невозможно. Наша цель была гораздо скромнее. В то время, когда все громче раздаются тоскливые сетования по поводу того, что русская фантастика находится в застое, в глухом тупике, мы попытались показать, что не все так плохо. В нашу «литературу крылатой мечты» то и дело вливается струя свежей крови. Появляются новые явления, новые лица, новые вещи...

ПОДВИГ ОЧКАРИКА

Еще несколько лет назад имя Романа Арбитмана было знакомо всем, кто связан в России с фантастикой. Остроумные, едкие и, прямо скажем, злые рецензии саратовского критика выходили в ведущих изданиях, вызывая бурную реакцию обиженных. Увы, в последние годы Роман чересчур погрузился в литературные дела писателя-детективщика Льва Гурского и несколько отошел от своих прямых обязанностей. Но отпуск закончен! Отныне и в каждом номере «Звездной дороги» читайте персональную колонку «Арбитмания», автору которой выдан полный карт-бланш на выбор темы и потребных для ее раскрытия слов. Впрочем, если кто захочет возразить критику и будет достаточно корректен и убедителен, редакция готова напечатать и противоположное мнение. Давайте спорить о литературе! В конце концов, это интересно...

Реклама – наше все. Не будь у нас public relation, мы бы ничего не узнали о таких гениальных писателях, как Сорокин или Хорст ван Вессель. На Западе, впрочем, реклама работает еще эффективнее (многовековой опыт!), поэтому история триумфального вознесения на рейтинговый пьедестал книжного сериала про очкастого мальчика-волшебника ничуть не удивляет. Теперь же, когда компания «Уорнер Бразерс» выпустила первую серию экранизации, сочинения Джоан Ролинг о Гарри Поттере просто обречены на популярность в мире. В нашей стране право впарить Поттера русскоязычному читателю принадлежит «РОСМЭНу». Хотя каждая следующая книга «русского Гарри» стоит все дороже, а полиграфически сделана все хуже (шитый переплет, в частности, заменен клеенным), читатель клюнул. Пресловутая «раскрутка» сериала, поначалу ленивая в Москве и нулевая в провинции, наконец

заработала. Пиар начал и побеждает.

Сюжет сериала прост. Жил-был маленький чистенький английский мальчик Гарри. Носил очки. Имел шрам на лбу. Был объектом придирок мерзких дядьки и тетьки (папа с мамой погибли). Но в один прекрасный день, когда бедняжке исполнилось одиннадцать и настала пора отдавать его в школу, вдруг выяснилось: Гарри – потомственный волшебник и его ждут в Хогвартсе, школе для волшебников, где он должен приобрести квалификацию и раскрыть заговор, вдохновляемый темным магом – самим убийцей. Таков сюжет первого из четырех опубликованных на сегодняшний день романов – «Гарри Поттер и философский камень». Три следующих («Гарри Поттер и тайная комната», «Гарри Поттер и узник Азкабана», «Гарри Поттер и кубок огня») – примерно о том же: главные злодеи варьируются, зато мелкие негодяи (нелюбимый преподаватель Снегг и скверный мальчишка Малфой) переходят из книги в книгу...

Теперь сделаем паузу, отложим разговор о «русском Поттере» и попытаемся разобраться в истоках популярности этого персонажа на Западе: отчего же в стране Толкина и Памелы Трэверс (а позднее – и в стране Марка Твена) современная сказка про очкастенького чародея нашла столько поклонников? Вопрос непростой. Жанр фэнтези сегодня исхожен вдоль и поперек; надо обладать невероятной интуицией и раскованным воображением, чтобы придумать в этом жанре что-либо новенькое. Однако миссис Ролинг ничего экстраординарного не изобрела. Еще со времен средневековой легенды об ученике чародея фигура юноши, способного колдовать, была в литературе достаточно распространенной. Что же касается образа учебного (научного) заведения, где магия и колдовство являются основными дисциплинами, то эту тему мировая фантастика также давным-давно опробовала – от «Магии Инкорпорейтед» Роберта Энсона Хайнлайна до хорошо знакомого нашему читателю «Понедельника...» Стругацких. (Факт знакомства переводчика первой книги И.Оранского с «Понедельником...» заметен невооруженным взглядом – заведение, куда поступает Гарри, названо Школой Чародейства и Волшебства. Чем не юношеский филиал НИИЧАВО?) О поколениях волшебников, о традициях борьбы с Тьмой, передающихся от отца к сыну, в литературе фэнтези тоже написано немало, и у писательницы Ролинг здесь даже близко нет приоритета. Кстати, в «Узнике Азкабана» автор идет на совсем уж бесхитростные заимствования – например, тетушка Мардж откровенно списана с мисс Эндрю из знаменитой сказки Памелы Трэверс, а финаль-

ный сюжетный финт взят из фильма Роберта Земекиса «Назад в будущее».

Вернемся, однако, к версиям успеха. Версия номер два – «детективная». Быть может, детективный сюжет так заинтриговал читателя? Скажем, философский камень, вынесенный на обложку первой книги, – весомая приманка и для суперзлодея, и для юного Гарри, который призван этот самый камень спасти. Однако детектив, замешанный на фэнтези, – не гарантия популярности. Напротив, здесь гораздо сложнее соблюсти правила игры с читателем. *«Если Бога нет, то все дозволено»*, – утверждал персонаж Достоевского. В мире Ролинг отсутствуют четкие жанровые скрепы, а потому принцип «все дозволено» приобретает невиданный размах. Когда отменены законы физики, волшебство нельзя ограничить в длину, ширину или высоту. Магу-злодею ничего не стоит замаскироваться под кого угодно, даже под крысу или вещицу, которую можно носить на голове. Нужна ли в данном случае воспетая Конан-Дойлом Холмсова дедукция, если положительному герою в критический момент поможет чудо? Вряд ли.

Остается предположить следующее: наибольший интерес у англоязычного читателя вызвал художественный образ школы Хогвартс – того самого заповедника Чародейства и Волшебства, о котором шла речь выше. Детям-читателям, привыкшим к неромантичному облику традиционной закрытой школы «интернатского» типа, могло импонировать добавление к знакомому блюду вкусной щепоти чудес. Тем более что Хогвартс – несмотря на директора-мага и предметы по колдовству – сохранила все традиционные черты: те, кто лучше играет в квиддич (что-то вроде бейсбола с применением летающих метелок) и способен отстоять честь факультета, обладают иммунитетом против двоек.

Проблема, однако, в том, что не только квиддич, но и сама школа в духе Хогвартса (имею в виду не волшебство, но структуру) представляет для нас чистую экзотику. Там, где зарубежного читателя ловят на забавных аналогиях, наш наблюдает нечто нереальное по всем параметрам. Из-за этого несовпадения популярность «русского Поттера» может пойти на убыль, едва вал рекламы схлынет, а блокбастеры поднадоедят...

Правда, «РОСМЭНу», обладающему финансовыми возможностями, по плечу продлить бытие Гарри по-русски. Для этого надо всего лишь изменить нашу систему среднего образования, которая, кстати, давно нуждается в реформировании. Так что если благодаря влиянию книжек Ролинг дело сдвинется, это будет самым настоящим волшебством.

КИБЕР-
ПРОСТРАНСТВО

Несекретные файлы

Виртуальный Йода

16 мая состоялась официальная премьера второго эпизода «Звездных войн» – фильма «Атака клонов». Первые серии этой киноэпопеи, появившиеся в конце 70-х, определили пути дальнейшего развития фантастического кино. Использовавшиеся в них спецэффекты долго оставались непревзойденными. И вполне понятно, что, приступая к съемкам новых серий, создатель фильма Джордж Лукас обратился к самым «продвинутым» технологиям сегодняшнего дня. О масштабности проекта красноречиво говорят цифры: суммарная мощность компьютеров студии «Industrial Light and Magic», задействованных в работе над «Атакой клонов», превышала вычислительные ресурсы, находящиеся в распоряжении американского военного ведомства.

По количеству планов, в которых используются спецэффекты, «Атака клонов» близка к «Скрытой угрозе» – предыдущему фильму сериала, однако сложность эффектов значительно повысилась. Есть кадры, которые состоят из нескольких тысяч слоев, а в заключительной битве участвует более 30 тысяч компьютерных персонажей. Полностью виртуальным стал Йода – один из главных героев «Звездных войн», появлявшийся еще в старых фильмах. В конце 70-х годов не было современной компьютерной графики, поэтому ранее в роли Йоды снималась кукла. Разработка цифровой модели данного персонажа затянулась на пять лет и закончилась только в 2001-м. Но труды были не напрасны: в «Атаке клонов» Йода ходит, учит молодых джедаев и даже участвует в бою.

Третий «DooM» ждите в ноябре

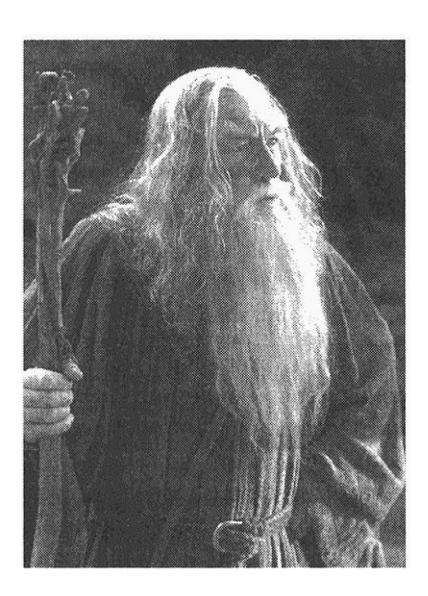
Хотя никаких официальных данных о выходе третьей версии культовой игры 90-х нет, английское отделение популярного онлайнового магазина Amazon начало принимать предварительные заказы на DooM III.

Разработчик игры, компания «Id Software» недавно объявила, что издателем DooM III станет фирма «Activision». Она уже выпускала игры «Id Software», включая легендарную серию Quake. Согласно пресс-релизу, игра появится и на PC, и на Macintosh. Ходят также слухи о версии для игровой приставки XBox.

Заявленная цена DooM III – 29,99 фунта стерлингов. К сожалению, в чис-

ло стран, куда Amazon.co.uk осуществляет поставки, Россия не входит. С другой стороны, такие мелочи вряд ли остановят отечественных пиратов: уж те-то как-нибудь оригинал раздобудут...

Не расстанусь с «Властелином...»

Американская компания «Electronic Arts» объявила о выходе игр по мотивам «Властелина Колец» для приставок Sony Playstation 2 и Nintendo GameBoy Advance. Как говорится в пресс-релизе, игроки смогут заново пережить самые захватывающие моменты из фильма – теперь уже на месте главного героя или рядом с ним.

Версия для PS2 имеет 16 игровых уровней, у каждого из которых есть свой прототип в картине. Управляя человеком Арагорном, эльфом Леголасом или гномом Гимли, игрок сразится с полчищами орков, а на закуску получит таких монстров, как пещерные тролли и темный колдун Саруман. Персонажей в игре для GBA четверо: к Арагорну и Леголасу добавлены волшебник Гэндальф и сам хоббит Фродо, главный герой книги и владелец Кольца. На каждого приходится по 30 оригинальных уровней.

Оба варианта игры появятся осенью 2002 года, одновременно с выходом на экраны второй части фильма.

Спецназ против компьютера-убийцы

На экраны планеты вышла картина по мотивам популярной видеоигры Resident Evil. Главную роль играет актриса Мила Йовович, известная в России по фильму «Пятый элемент».

Действие картины происходит на секретной базе, где ведутся исследования в области генной инженерии и вирусологии. В ходе изучения смертельно опасного вируса произошло его проникновение в вентиляционную систему, в результате чего главный компьютер базы начал убивать

все живое. Мила Йовович играет Элис – командира отряда спецназа, которой предстоит выявить и устранить причину распространения вируса. Ситуация осложняется тем, что Элис страдает амнезией, а вся база кишит нежитью, в которую превратились трупы убитых компьютером сотрудников.

«Внутреннее зло» – далеко не первый фильм по мотивам видеоигры. Только за прошлый год вышли две такие ленты: «Tomb Raider» по одноименной игре с Анджелиной Джоли в роли Лары Крофт и компьютерный анимационный фильм «The Final Fantasy», основанный на серии японских ролевых игр. Причем если «Tomb Raider» окупил себя сполна – кассовые сборы только в США составили 131 млн. долл. при бюджете фильма в 80 млн., то «Последняя фантазия» оказалась провальной в коммерческом отношении, собрав всего 32,1 млн. долл. при бюджете в 137 млн.

Видеоиграм стукнуло 40!

В лондонском центре искусств «Barbican Arts» открылась выставка «GameOn», приуроченная к 40-летию появления первой видеоигры. Экспозиция разместилась в 15 тематических залах, посвященных истории видеоигр, их жанрам, знаменитым игровым сериалам и т.д.

В самом первом зале зрители могут познакомиться с родоначальниками индустрии электронных развлечений. Среди них Space War! – первая в мире видеоигра, написанная в 1962 году в Массачусетском технологическом институте. В том же зале выставлены автоматы с играми Computer Space (1971), Pong (1972), Space Invaders (1978), Asteroids (1979) и Pac-Man (1980).

Второй зал полностью посвящен игровым приставкам, первая из которых (Magnavox Odyssey) появилась в продаже еще в 1972 году. Она имела очень простую конструкцию и позволяла играть в 12 различных игр. Перед началом нужно было положить на экран специальную панель с фоновым рисунком, а некоторые игры требовали использования фишек и кубиков.

В других залах демонстрируются основные жанры видеоигр (экшн, симуляторы, логика), рассматриваются игровые культуры США, Европы и Японии, отдельные стенды выделены наиболее известным персонажам (Mario, Sonic и проч.). А завершают экспозицию залы, посвященные многопользовательским играм, взаимному влиянию игр и кино, игровым журналам.

По материалам www.compulenta.ru.

http://www.svenlib.sandy.ru/plekhanov/

Персональный сайт нижегородского фантаста Андрея Плеханова, лауреата премии «Старт» за лучший дебют. Выглядят странички довольно простенько, зато с контентом все в порядке. Писатель рассказывает о себе, дает краткие характеристики своим книгам (а это цикл «Земной бессмертный», нашумевшая «Сверхдержава» и новинка – роман «Слепое пятно»), имеются рецензии и фотографии. Кроме того, в виде отдельного раздела заявлена страничка нижегородского КЛФ «Параллакс».

http://alf-marianna.narod.ru

Персональный сайт петербургской писательницы Марианны Алферовой, автора романов «Небесная тропа», «Мечта империи», «Тайна “Нереиды”», «Боги слепнут», «Гробницы Немертеи». Есть краткая автобиография, список произведений с комментариями, миниатюрный фотоальбом и несколько текстов (три рассказа и три фрагмента из романов). Дизайн любительский (сайт сделан сыном писательницы), но это все же лучше, чем ничего.

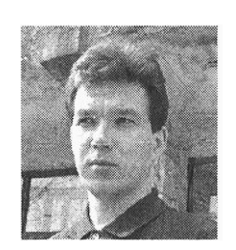
http://www.sf-fan.de/

Сайт для любителей фантастики, владеющих немецким языком. Здесь все, чем живут сегодня фэны из Германии. А живут они в основном фантастическим кино Голливуда – все европейские премьеры американских блокбастеров получают мощное информационное обеспечение (фотогалереи, клипы). Раз в месяц, однако, появляется обзор книжных новинок по типу того, что делается Сергеем Бережным в «Курьере SF». Удивительно, но в Германии ежемесячно выходит всего лишь 25 фантастических книг, причем 90% изданного – переводы с английского. «Изюминка» сайта – отличная коллекция обоев для рабочего стола, созданная художником Томасом Тимейером.

http://datlow.com/index.htm

Эллен Датлоу – знаменитый американский редактор. Она работала в журнале «Omni» (у нее печатались Уильям Гибсон, Дэн Симмонс, Клайв Баркер, Уильям Берроуз, Урсула Ле Гуин), ныне возглавляет альманах «Sci Fiction» (www.scifi.com/scifiction/) – уникальный проект, в рамках которого в Сеть выкладываются фантастические повести и рассказы западных авторов (доступ бесплатный). Кроме того, она составила два с половиной десятка антологий, за что шесть раз была удостоена Всемирной премии фэнтези. Персональный сайт Э.Датлоу дает возможность познакомиться с ней поближе.

www.rusf.ru

СКОРОСТЬ РОСТА

Журнал «Звездная дорога» продолжает публикацию персональной колонки Дмитрия Ватолина, главного редактора сайта «Русская фантастика» — самого крупного русскоязычного интернет-ресурса, посвященного фантастическому жанру.

Традиционно в конце апреля мы подводим итоги деятельности за год. За минувшие 12 месяцев мы превысили несколько порогов, значимых для всех, пользующихся десятичной арифметикой. :-)

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ФАЙЛОВ на наших серверах в январе перевалило за 100 000 и продолжает активно расти.

РАЗМЕР СЕРВЕРОВ в марте пересек границу в 4Гб. Если учесть, что шесть месяцев назад, в ноябре, размер составлял 2,99Гб, а год назад — 1,1Гб, видно, что растем мы в хорошей прогрессии. И темпы роста в ближайшее время сохранятся! То есть за полгода размер сервера будет увеличиваться на 1Гб. В частности, ждите открытия http://music.rusf.ru/, новых проектов, новых форумов и новых страниц писателей! В конце 2002 года мы планируем выйти на двух DVD-ROM (поскольку текущие восемь CD-ROM со всеми нашими серверами, порезанными на части, — это неудобно в использовании).

КОЛИЧЕСТВО ПОСЕТИТЕЛЕЙ в марте перевалило за 10 000 человек в день (в среднем). При этом суммарный дневной трафик — 3,5Гб, то есть обычный посетитель выкачивает с наших серверов 350Кб материалов (видно, что в основном люди приходят серьезные). Средний посетитель заходит к нам приблизительно раз в две недели, а значит, можно говорить о том, что суммарная аудитория сайта находится в пределах 100—140 тысяч человек (в зависимости от методики подсчета и от того, считать ли «постоянную аудиторию» или «общую аудиторию»).

ТРАФИК ОСНОВНЫХ СЕРВЕРОВ в марте перевалил за 100Гб в месяц. С зеркалами у нас сейчас получается до 120Гб.

КОЛИЧЕСТВО АВТОРОВ на «Книжной полке» сервера перевалило в апреле за 1000! Напомню, что на нашей «Книжной полке» размещены **ТОЛЬКО** те авторы, чьи произведения публиковались (минимальное ограничение, отсекающее две трети желающих разместить свои книги у нас). То есть можно ответственно утверждать, что у нас самое представительное собрание русских писателей-фантастов, не доступное более нигде. Наша библиотека – одна из немногих в Сети, свободно (по желанию автора) размещающая фрагменты книг, чем и объясняется ее популярность. А в декабре прошлого года все книги в более удобном виде были выложены на отдельном сервере http://books.rusf.ru/.

Самым большим нашим достижением в этом году можно назвать проект «История фэндома» – http://fandom.rusf.ru. Официально он открылся в августе 2001-го и с тех пор успел вырасти с 10 до 600 посетителей в день. 600 человек для сервера, посвященного исключительно истории фантастики и фэндома, – это результат, вдвое-втрое превышающий наши ожидания (не верилось, что у нас в стране так много интересующихся старыми материалами в достаточно узкой области). В ближайшее время планируется значительно увеличить объем материалов сервера (сейчас там 1,3Гб в 27 000 файлов), так что приходите, пользуйтесь и не забывайте ссылаться!

Растет и становится лучше литературная премия «Русская фантастика», учрежденная нами. Основные отличия от прошлого года таковы: во второй тур голосования сейчас проходит не только тройка лучших книг по сумме баллов, но и произведения, вошедшие в тройку по средневзвешенной оценке. Это означает, что малоизвестные книги, которые всеми прочитавшими оценены высоко, теперь имеют хорошие шансы на премию.

Кроме того, в нынешнем году, помимо основной бронзовой награды, мы вручили лауреатский значок. Значок изготовлен из золота 750-й пробы (10,19 г), украшен небольшим бриллиантом (!). Основание – черный фианит. Крепление винтовое, с обратной стороны – клеймо ювелира и проба. Мы постарались, чтобы лауреатский значок был достоин премии. :-)

Таким образом, премия «Русская фантастика» становится одной из наиболее крупных по бюджету литературных премий России (не только в области фантастики, но и вообще в области литературы). Заранее предвижу вопрос: «Вы вручаете восемь кило бронзы и 10 грамм золота с алмазом. Не лучше ли поддержать писателей материально и вручать денежный приз?» Мы считаем, что и так серьезно поддерживаем

фантастику и фантастов, поскольку реклама книг и авторов благодаря нашим сайтам огромна. Впрочем, если список спонсоров премии продолжит расти, можно будет подумать и о «конвертике».

В этом году достаточно интересно поменялась ситуация с копирайтом. Изменения произошли в двух направлениях:

1) Заметно выросло использование Интернета (и наших серверов в том числе) обычными редакциями и издательствами. Я регулярно стал получать письма типа: «В курсе ли вы, что издательство "О." использовало в своей книге на задней стороне обложки фото активно набирающего популярность писателя З., которое я сделал на фестивале З.М. и разместил у вас?» или «Однако газета *** опять использовала наше фото ***, и опять без ссылки хотя бы на фотографа!»

Мы в основном получаем материалы (книги, статьи, фото) от авторов и фотографов и собрали таких материалов немало. И сейчас интересно наблюдать, как изменяется аргументация в рядах тех, кто еще недавно ратовал за самые жесткие меры при нарушении копирайта. (Я смягчил формулировки.)

В общем, будет здорово, если мы не будем размещать то, против чего возражают редакции и издательства (каковой политики мы сейчас и придерживаемся), а сотрудники редакций и издательств не будут забывать связываться с авторами материалов, размещенных у нас, и выписывать причитающийся гонорар. Давайте будем культурны! Выиграют все!

2) Обитатели Сети со стажем два-три года хорошо помнят споры о том, надо ли писателям помещать свои произведения в Сеть. Похоже, сейчас подавляюще большинство писателей поняли, что, полностью запрещая размещение текстов в Сети, они теряют часть аудитории и отстают от поезда. В этом году многие авторы сами прислали нам для размещения на «Книжной полке» свои книги (какие-то – фрагментами, какие-то – полностью), в результате чего количество представленных у нас писателей утроилось и перевалило за 1000 человек.

Увы, обычные 6Кб колонки подошли к концу – потому только кратко перечислю наши новые разделы, появившиеся в этом году: «Альманах "Наша фантастика"», «Буква Ё», «Конгресс Странник» (сейчас реконструируется), «Все книги фантастики», «Взгляд из дюзы». Новые сервера: http://books.rusf.ru/; http://fandom.rusf.ru/; http://barros.rusf.ru/

Мы продолжаем активно расти, чего и всем желаем! :-)

За сим и остаюсь

главный редактор сервера «Русская фантастика»
Дмитрий Ватолин

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Василия Головачева,

Евгения Лукина,

Владимира Васильева,

Юлия Буркина,

Руди Рюкера, Северны Парк,

Лоис Макмастер Буджолд

